

Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук

Кирилло-Белозерский историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

Археографическая комиссия Российской академии наук

Санкт-Петербургское отделение
Археографической комиссии Российской академии наук

Писцовые книги и другие массовые источники по истории России XVI–XX вв.

Тезисы докладов XXIII Всероссийской научной конференции
(г. Кириллов, 20–23 июня 2023 г.)

Санкт-Петербург

2023

УДК 94(470)«15/19»(093.2)
ББК 63.3(2)ю11я431

Составитель
А. И. Раздорский

Тексты опубликованы в авторской редакции

Писцовые книги и другие массовые источники по истории России XVI–XX вв. : тезисы докладов XXIII Всероссийской научной конференции (г. Кириллов, 20–23 июня 2023 г.) / Санкт-Петерб. ин-т истории Рос. акад. наук [и др.] ; сост. А. И. Раздорский. — Санкт-Петербург, 2023. — 189 с. — Электронное издание.

© Коллектив авторов, 2023
© Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2023
© Раздорский А. И., составление, 2023

Содержание

<i>О. А. Абеленцева.</i> Цветообозначение в описаниях богослужебных облачений в описях имущества Успенского Тихвинского монастыря XVII в.	8
<i>Д. Ю. Алексеев.</i> В. А. Николаев и его база данных по истории Санкт-Петербурга.....	10
<i>С. А. Алексеев.</i> Состав светских землевладельцев по «Книге записи ямских денег Белозерского уезда» первой трети XVII в.	13
<i>Т. А. Базарова.</i> Патенты на чины морским офицерам первой трети XVIII в. (по материалам Архива СПбИИ РАН)	15
<i>Н. В. Башнин, З. В. Дмитриева, М. Н. Шаромазов.</i> Итоги и перспективы издания хозяйственных книг Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв.....	18
<i>В. Н. Беляева.</i> Росписная книга села Павлова Нижегородского уезда 1709 г.	21
<i>В. О. Богданов.</i> Уезд Ржевы Володимеровой в писцовых описаниях XVI–XVII вв.	23
<i>А. А. Богомазова.</i> Приходо-расходные книги Ненокотского, Унского и Сюземского усалий Антониево-Сийского монастыря как источник по истории монастырского судового хозяйства.....	25
<i>Н. Д. Борщик.</i> Материалы Первой всероссийской переписи населения 1897 г. в Таврической губернии как исторический источник	27
<i>Е. С. Бутрин.</i> Поместное хозяйство в Шуйском уезде по писцовым книгам 1629 г.	29
<i>А. М. Введенский.</i> Летописи как массовый источник: к постановке проблемы.....	32
<i>П. В. Гаврилов.</i> Фрагмент списка платежной книги Бежецкой пятины начала XVI в. как исторический источник.....	34
<i>Е. В. Гончарова.</i> Депутатские указы купечества уездных городов Северо-Запада России как отражение провинциального социума региона	36
<i>А. Л. Грязнов.</i> Писцовые комиссии XV — начала XVI в.: персональный состав, задачи и составляемые документы	38
<i>А. Л. Грязнов, А. В. Сергеев.</i> Землевладельцы Пошехонского уезда 1620-х годов по писцовой книге 1628–1631 гг. и десятне 1630 г.	41

<i>А. О. Гуляева.</i> Дворцовые волости в районе Тверского Поволжья в последней четверти XVII в. по сведениям писцовых книг А. С. Чепчугова, Ф. Б. Изъединова и Ф. Бишова	44
<i>А. Г. Гуменюк.</i> Методы землемерия в геометрических рукописях XVII в.	47
<i>А. Н. Гуслистова.</i> Реконструкция рядовых посадских семей по просопографической базе Вологды первой половины XVII в. ...	48
<i>М. М. Дадыкина.</i> Оплата труда работников-соловаров в Тотьме и цены на соль в годы Соляной реформы	51
<i>А. В. Дедук, А. В. Сергеев, А. Л. Грязнов.</i> Историография служилого землевладения.....	54
<i>К. В. Демьянов, Е. М. Попова.</i> Новгородские кабальные книги 1592–1609 гг. из личного фонда В. И. Шункова: актуализация старой историографической проблемы	57
<i>З. В. Дмитриева.</i> Денежный бюджет Кирилло-Белозерского монастыря по описи 1621 г.	59
<i>А. А. Ефимов.</i> Документы фондов дворцовых управлений Министерства императорского двора как источник по истории дворцовых городов Царского Села, Петергофа и Гатчины	62
<i>И. Л. Жеребцов, И. О. Васкул, Т. Е. Гончарова.</i> Писцовые и переписные книги конца XVI — начала XVIII в. как источник о демографических процессах на Европейском Северо-Востоке ..	64
<i>Т. В. Жиброва.</i> «Дела воеводские»: документы вокруг южнорусских таможенных изб и кружечных дворов XVII — начала XVIII в. как массовые источники по экономической жизни России	66
<i>Л. М. Иванов, О. С. Гожалимова.</i> Писцовые описания Рыбной слободы Ярославского уезда XVII в.	68
<i>З. А. Исмаилова.</i> Писцовые книги XVI в. как источник по исторической эпидемиологии	71
<i>А. Ю. Кабанов.</i> Служилый «город» Луховского уезда в первой трети XVII в. по материалам писцовой книги 1627–1629 гг.	74
<i>М. В. Карпова, Ю. В. Степанова.</i> Территориальная организация Торопецкого уезда XVI–XVII вв. в писцовых описаниях.....	77
<i>Т. А. Кискидосова.</i> Метрические книги православных церквей Минусинска как источник по истории городского населения во второй половине XIX в.	80

<i>Б. Р. Колегов.</i> Экономические примечания к Генеральному межеванию по Устььсысольскому уезду как источник по изучению социально-экономического развития Европейского Севера в конце XVIII в.	83
<i>Е. В. Комлева.</i> Ревизские сказки как источник о численности и составе российского купечества в конце XVIII — первой половине XIX в. (на материалах Енисейской губернии)	86
<i>А. А. Космовская.</i> Опыт работы с финансовыми материалами центральных и местных учреждений XVIII в. (на материалах Прикамья)	89
<i>А. А. Куреньшев.</i> Массовые источники по истории хлебозаготовок, коллективизации и голода в СССР конца 1920 — начала 1930-х годов.....	91
<i>С. С. Кутаков.</i> Описание дворцовых земель Тверского уезда 1677 г. ...	94
<i>М. Д. Мазурин.</i> Историческая и лингвистической достоверность переписных монастырских книг XVI–XVIII вв.....	95
<i>В. Н. Макарова.</i> Комплекс материалов церковной статистики Спаского храма города Уфы как исторический источник	99
<i>И. А. Мальшева.</i> Об издании архангельской (двинской) таможенной книги 1719 г.....	102
<i>П. К. Напольникова.</i> Писцовые бортные книги Верхоценской волости начала XVII в. (обзор источников)	105
<i>М. И. Парфеня.</i> Переписи податного населения Иркутского уезда 1686 и 1699 гг. как исторический источник	108
<i>И. В. Пугач.</i> Записная книга Устюжской четверти 1635/36 г. как источник по истории местного управления на Русском Севере	111
<i>В. П. Пушков.</i> Книжные покупки Кирилло-Белозерского монастыря на Московском Печатном дворе в 1662–1664 гг. (по архиву Приказа книгопечатного дела)	115
<i>Д. А. Пшеницын.</i> Опись Юзской вотчины Донского монастыря 1739 г. как источник по аграрной и демографической истории ...	118
<i>Я. Н. Рабинович.</i> Писцовые книги Вороночского уезда о ранней истории Святогорского монастыря и его первых настоятелях ...	121
<i>А. И. Раздорский.</i> Таможенная книга Кирилло-Белозерского монастыря 1700 г.	124
<i>М. И. Роднов.</i> Опыт обработки подворных карточек сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг.	127

<i>Е. Н. Ропакoвa, Д. А. Ворoдин.</i> Сoбрания изданий массoвых источников по истории России XVI–XX вв. в фoндах Рoссийской национальнoй библиотеки: сoвременные возможности поиска в элeктронных и картoчных каталогах	130
<i>А. И. Савинoвa.</i> Переписная книга Бежецкoгo Вeрха 1650/51 г.: источникoвeдческий, статистический и геoинформациoнный анализ	132
<i>Т. В. Сазoнoвa.</i> «В том мы, братья, прoмеж сoбой и пригoвор учинили»: сoборные пригoворы Кириллo-Новoезeрскoгo мoнастыря кoнца XVII в.	135
<i>А. В. Сeргeeв.</i> Землевладельцы Мeдынскoгo уeздa 1620-х гoдoв.....	138
<i>О. В. Скoбeлкин.</i> Гoдoвые сметы гoрoдoв Белгoрoдскoгo пoлка как источник по истории нaрoдoнаселения пoследней чeтвeрти XVII в.	141
<i>А. И. Смирнoв.</i> Белoзeрская таможенная мeрa из кoллекции Кириллo-Белoзeрскoгo мyзeя-зaпoвeдникa	143
<i>И. Р. Сoкoлoвский.</i> Текущий этап рaбoты над сpeдствaми автoматической oбpaбoтки сибирских таможенных и приходных книг пeрвoй трети XVII в.	147
<i>А. Н. Старицын.</i> Возможности массoвых источников для изучения раннего пeриoдa истории старoвeрчeскoгo движения в Рoссии ..	151
<i>А. Г. Суслинa.</i> Рекoнструкция вoзмoдeйствиa пoмeщичьих крeстьян и мeстных влaстeй в eкaтeрининскую и Пaвлoвскую эпoхи на oснoвe рaсxoдных книг мирских старoст и иных дoкyментoв вoтчиннoгo архивa	153
<i>Л. В. Тeрeбoвa.</i> Предмeтнo-тeрминoлoгические указатели к oписям Кириллo-Белoзeрскoгo мoнастыря 1621 и 1668 гг.	156
<i>Л. А. Тимoшинa.</i> Случаи кoррeкции свeдений писцoвых книг в дeлoпрoизвoдствe нaчaлa 30-х гoдoв XVII в.	159
<i>И. О. Тюмeнцeв.</i> Синодик зaщитникoв Трoицe-Сeргиевa мoнастыря из рyкoписи № 25 сoбрaния Лaвры	162
<i>И. А. Устинoвa.</i> Информациoнный пoтeнциaл настoльных грaмoт русских архiereeв и архимандритoв XVII в.	166
<i>А. А. Фрoлoв.</i> Писцoвая книга Дмитрия Китaeвa в гoды Смуты	168
<i>М. С. Чeркaсoвa.</i> О рeтроспективнoм изучении «oфицeрских oписей» 1760-х гoдoв (на пpимeрe Трoицe-Алaтырскoгo мoнастыря).....	171
<i>И. Н. Шaминa.</i> Oписания приходских цeрквeй Кoлoменскoй eпaрхии в мaтeриaлax пeрeписи 1701–1703 гг.	174

<i>И. Н. Юркин, С. П. Калита.</i> Географическая информация в поездных описных книгах лесам (на материале книг Тульского уезда 1702 г.)	176
<i>Г. Р. Якушкин, М. М. Якушкина.</i> Карточки лишенных избирательных прав как исторический источник (по документам Государственного архива Ивановской области) ...	179
Список сокращений.....	182
Сведения о авторах	183

Цветообозначение в описаниях богослужебных облачений в описях имущества Успенского Тихвинского монастыря XVII в.

Описи монастырского имущества — один из видов хозяйственной документации. В историографии было отмечено, что причиной постепенного введения в последней четверти XVI века описей как учетных документов было установление контроля со стороны светских властей за сохранностью принадлежащих монастырям ценностей, вероятно, явившееся следствием реализации постановления Стоглавого собора 1550 г. За XVII в. сохранилось 16 описей имущества Успенского Тихвинского монастыря за 1612–1697 гг. Описи представляют собой инвентарь, в котором даны основные сведения о предметах, достаточные, по мнению составителей, для идентификации вещей и контроле степени их сохранности при визуальном осмотре. Один из больших разделов описей — описания монастырской ризницы, которая находилась в Успенском соборе. В ней хранились ризы (фелони), подризники, сихари, епитрахили и другие части облачений. Цвет богослужебных облачений, указанный в описях, являлся одним из идентификационных признаков наряду с названием ткани и краткой характеристики ее рисунка. Для описания каждого из этих признаков использовалась своя терминология.

Следует отметить, что учетная функция описей монастырского имущества предполагала, что использованная в ней терминология для описания предметов, в том числе обозначения цветов, была общепринятой, а названия, их описывающие, должны были помочь легко идентифицировать предмет. Монастырские и церковные учетные документы являются одним из основных источников по истории цветообозначения в русском языке, так как в них описывается множество облачений храмовых ризниц, то есть, в отличие от нарративных источников, информация о цвете дается целенаправленно и для множества предметов. Ранее этот источник был привлечен в исследовании Н. Б. Бахилиной, которая проанализировала данные описаний

имущества московского Успенского собора (Бахилина Н. Б. История цветообозначения в русском языке. М., 1975. С. 72–75).

Цель настоящего исследования: 1) выделить основные группы цветообозначений; 2) установить, дополнялся ли перечень цветообозначений в описях на протяжении XVII в.; 3) выяснить, какие цвета преимущественно использовались для разных видов тканей и отдельных видов богослужебных облачений; 4) какие практиковались сочетания цветов при изготовлении одного изделия. Последний вопрос вызывает особый интерес, так как в современной богослужебной практике при пошиве богослужебных облачений не используют цвета разных групп, а руководствуются традиционными цветами (и их оттенками) в зависимости от праздника. Например, пасхальные облачения шьются из тканей группы красного цвета, а для Богородичных праздников из группы голубых. В XVII веке также существовали традиционные представления о связи цвета облачений с особенностями богослужения, но они, вероятно, еще не имели характера строго обязательного предписания. Особо выделялись только ризы «постные». В описях имущества Успенского Тихвинского монастыря его ризница предстает в многоцветье, характерном для художественной культуры XVII века, отразившейся, например, в росписях храмов.

Д. Ю. Алексеев

В. А. Николаев и его база данных по истории Санкт-Петербурга

Валерий Александрович Николаев — коренной ленинградец, обычный инженер, увлекшийся историей родного города более 60 лет назад. За десятки лет он собрал уникальный справочный материал о тысячах городских объектов и людях, с ними связанных. Он систематизировал материалы по истории города в периодических изданиях с 1960-х годов по настоящее время, в книгах, сборниках, справочниках, путеводителях.

В 1993 г. он решил использовать возможности, которые предоставила начавшаяся компьютеризация, для занесения накопленной информации в компьютер. Для этого была выбрана программа «Дела в порядке», созданная в 1991 г. петербургской фирмой «Бикар». Это электронная система для делопроизводства, персональный менеджер документов, которая создавала виртуальные разделы для хранения виртуальных папок с документами. Всего было оцифровано 11 тыс. виртуальных документов (карточек), расположенных в 8 разделах: «Адресный каталог» (более 1000 магистралей города); «Архитекторы и скульпторы» (3300 архитекторов и скульпторов, строивших город со дня его основания); «Памятники» (более 1300 памятников, бюстов, надгробий); «Персоналии» (более 1600 персоналий знаменитых людей — писателей, художников, спортсменов, артистов и т. д., имена которых связаны с нашим городом); «Санкт-Петербург» (три папки: «Словарь» терминов и понятий, связанных с историей Петербурга, а также «Метро» и «Мосты»); «Ленинградская область» (материалы по основным населенным пунктам соседнего региона); «Литература» (ссылки на 15 тыс. газетно-журнальных статей и более 600 книг); «База данных» (общая информация и отзывы).

Каждый документ (карточка) из первых шести разделов, помимо основной справочной информации, содержит ссылки на литературу, содержащуюся в седьмом разделе. Например, в документе «Сенатская площадь» из раздела 1 есть все назва-

ния площади с 1738 г.; перечень зданий, стоящих на ней; архитекторы, которые их строили (со ссылками на документы из раздела 2); литература об этой площади (со ссылками на документы из раздела 7). В документе «Николай Иванович Кибальчич» из раздела 4 есть краткая биография; перечень зданий, в которых он проживал (со ссылками на документы из раздела 1); перечень посвященных ему мемориальных объектов (со ссылками на документы из раздела 3); литература о нем (со ссылками на документы из раздела 7).

В. А. Николаеву было важно не просто собрать и структурировать информацию, но и поделиться получившимся электронным справочником с заинтересованными людьми. По его инициативе часть материалов под названием «Информационный справочник по истории Санкт-Петербурга» была размещена на серверах ряда петербургских библиотек и двух школ. По свидетельству педагогов и библиотекарей, информация была востребована петербуржцами разных возрастов, интересующимися прошлым и настоящим Великого Города. По оценкам читателей, уникальной особенностью собранных материалов является возможность найти сведения о живших по конкретным адресам знаменитых людях.

В 2022 г. В. А. Николаев обратился в издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий (ИПЦ СПбГУПТД) с просьбой придать базе данных современный облик, позволяющий сделать ее доступной для максимально широкой аудитории. У творческого коллектива ИПЦ СПбГУПТД был успешный опыт создания базы данных по ключевым событиям истории Санкт-Петербурга, использовавшейся в 2017 г. при работе над региональным компонентом для мультимедийного исторического парка «Россия — моя история».

В настоящее время ИПЦ СПбГУПТД ведет работу по созданию общедоступного веб-сайта, в основе которого будет лежать современная база данных с возможностями удаленного администрирования и разделения прав доступа к редактированию информации. С помощью простого поискового интерфейса и/или алфавитного каталога посетитель сможет получить исчерпывающую справку по архитекторам, скульпторам, писателям,

художникам, спортсменам, артистам и т. д., имена которых связаны с историей города. Проект может расширяться и пополняться новыми данными неограниченное время. Основной интерфейс веб-сайта будет представлен в виде двух возможных путей поиска информации: поиск по произвольной фразе, например по слову «Пушкин»; поиск по алфавитному каталогу как персон, так и адресов. Результатом поиска станет информационная карточка по персоне со всеми связанными с персоной данными: адресами, памятниками, мемориальными досками и ссылками на литературные источники. Все адреса, музеи, памятники и мемориальные доски будут дополнительно отображены на Яндекс-карте в виде точек, чтобы человек смог при желании лично посетить все эти места. Функционал веб-сайта может быть в любой момент произвольно расширен, чтобы помимо общей информации и карты включать в себя интерактивные панорамы исторических мест; фотогалереи; аудио-справку по наиболее значимым персонам и объектам.

С. А. Алексеев

**Состав светских землевладельцев
по «Книге записи ямских денег Белозерского уезда»
первой трети XVII в.**

В Архиве СПбИИ РАН хранится «Книга записи ямских денег, полученных с владельцев поместий и вотчин Белозерского уезда» (Ф. 194. Оп. 1. № 2. Л. 1–99). Утрачено начало книги. Можно предположить, что полностью утрачены первые волости Надпорожского стана, в том числе данные по самой большой Азатской волости. Тем не менее, источник дает возможность составить портрет светских землевладельцев, вотчинников и помещиков к концу первой трети XVII века, выявить их численный состав.

1. Анализ «Книги сбора ямских денег», которая датирована 1619–1633 гг., позволяет уточнить время создания документа. В записи о «взятии денег» с помещика Луки Дешина, сделана пометка, что он получал отписку об уплате денег в феврале 1635 г. Таким образом, книгу можно датировать 1633–1635 гг.

2. В основе документа лежат писцовые книги Никиты Шевцовского 1626–1627 гг. На листе первоначально делалась запись о трех, реже двух землевладельцах, указывалась одна из деревень, сельцо или село с живущими деревнями, а также посошный оклад. Как показал сравнительный анализ материалов, он в точности соответствовал данным писцовых книг. Затем вносилась запись кто платил ямские деньги и делалась пометка «отпись дана». Книга содержит более трех разных почерков, что помогает реконструировать последовательность работы приказных людей.

3. Несмотря на отсутствие первых страниц, книга помогает изучить состав землевладельцев Белозерского уезда середины 30-х годов XVII в. Так, в Надпорожском стане было 163 служилых человека, в Заозерском стане указано 181 поместье, которыми владели 187 служилых людей. В Судском стане учтено 138 землевладельцев. Всего в трех станах Белозерского уезда насчитывалось 488 помещиков и вотчинников. Цифра не полная, так нет данных по всем волостям Надпорожского стана.

Можно предположить, что не менее 500 человек были светскими землевладельцами в уезде на момент составления документа.

4. В целом источник позволяет выделить несколько групп землевладельцев: титулованная знать (например, кн. Лука Щербатов), иноземцы (Павел Краевский), вдовы (Василиса Семенова жена Козловского), недоросли (Иван Алексеев сын Агеев), дворцовые служители (подключник Филипп Резанцев) и стрелецкие сотники (Осип Пустынников). Самую большую группу представляют служилые люди, владеющие поместьями и вотчинами, причем их принадлежность к городovým корпорациям никак не указывается. Сравнение имен с писцовыми материалами и другими документами Белозерской приказной избы позволяет восполнить этот пробел. Кроме того, здесь появляются новые имена землевладельцев, которые упомянуты только в «книге сбора ямских денег». Например, иноземец Иван Зулаев не упомянут в писцовых книгах 1626–1627 гг., нет его и в переписной книге 1646 г. В «Боярской и городской книге по Галичу» 1638 г. записана его вдова Лукерья Зулаева с сыном и двумя дочерьми. Он упомянут только в этом документе. В целом, среди светских землевладельцев есть представители таких городových корпораций как беляне, волочане, вязьмичи, галичане, звенигородцы, можаитяне, новгородцы, ружане, торопчане. Самой большой группой остаются представители смоленского служивого города. Могут предположить, что спустя два десятилетия наблюдается стабилизация служивого землевладения и числа землевладельцев с момента их испомещения на черных и дворцовых землях Белоозера в декабре 1612 г.

Патенты на чины морским офицерам первой трети XVIII в. (по материалам Архива СПБИН РАН)*

Патент на чин — это официальный документ, свидетельствующий о производстве его обладателя в тот или иной чин и праве пользоваться соответствующими ему привилегиями.

Потребность документального подтверждения чинов морских офицеров в России появилась в годы Северной войны и связана со становлением военно-морского флота, а также подготовкой национальных профессиональных кадров. В 1708 г. вице-адмирал К. И. Крюйс в докладе адмиралу Ф. М. Апраксину о мерах, которые необходимо принять для совершенствования управления флотом, предложил выдавать всем морским офицерам патенты, «понеже оное обыкновенно во всей Европе, дабы офицеров, которые от чего, Боже спаси, попадутся в неприятельския руки, не почли за разбойников корабельных; и патенты, ежели поволите, надлежит флагмановы большой посольскою печатью печатать, капитанам нижайшею государевою приказною печатью, поручикам, шхиперам, которые на больших и мелких судах, адмиралтейскою печатью». По мнению И. Г. Дурова, доклад К. И. Крюйса тогда оставили без внимания. Через пять лет, в 1713 г., галерный шаутбенахт И. Ф. Боцис сообщил Петру I, что ни он, ни офицеры его эскадры «до сего дня патентов никаких не имеем». Обязательная выдача патентов морским офицерам была установлена «Регламентом о управлении адмиралтейства и верфи и о должностях коллегии Адмиралтейской, и прочих всех чинов при адмиралтействе обретающихся» в 1722 г. Петр I также указал, чтобы патенты адмиралам, штаб- и обер-офицерам подписывал президент Адмиралтейской коллегии.

По-видимому, первые патенты на морские чины (как и армейским офицерам и генералам) были написаны от руки и заве-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00420, <https://rscf.ru/project/23-18-00420/>.

рены государственной печатью и подписью Петра I. Надо полагать, что в 1714 г. в России появились также и печатные патенты. 27 июля 1714 г. при мысе Гангут была одержана первая значительная победа над шведским флотом. Участвовавшие в сражении офицеры, солдаты и матросы получили денежные награды и памятные медали. Отличившихся морских офицеров произвели в следующие чины. Для них были подготовлены патенты на печатных бланках. Самый ранний из сохранившихся до наших дней печатных патентов — на чин морского поручика — был выдан Борису Лебядникову 7 декабря 1714 г. (Архив СПбИИ РАН. Колл. 238. Оп. 2. Д. 197/1). Патент напечатан на сложенном пополам листе бумаге размером 205×328 мм.

Патент содержит следующий печатный текст: «Божиею милостию мы, Петр Первый, царь и самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая. Известно и ведомо да будет каждому, что мы <...>, которой нам <...> служил, для оказанной его в службе нашей ревности и прилежности в наши <...> всемилостивейше пожаловали и учредили, яко же мы оного сим жалуем и учреждаем, повелевая всем нашим помянутого <...> за нашего <...> надлежащим образом признавать и почитать, напротив чего и мы надеемся, что он в сем ему от нас всемилостивейше пожалованном новом чине так верно и прилежно поступать будет, как то верному и доброму офицеру надлежит. Во свидетелство того мы сие собственно нашею рукою подписали и государственною нашею печатью укрепить повелели. Дан в Санктпетербурхе лета <...>». От руки в бланк вписаны имя, фамилия и чины Б. Лебядникова, после текста добавлена дата — «1714-го декабря в 7 день». Патент удостоверяют подпись Петра I и прикладная государственная печать.

В конце петровского царствования патенты на воинские чины стали печатать на пергамене. Это было дороже, но зато прочнее и придавало документу дополнительную значимость и парадность. На пергамене напечатаны патенты Георгия Вица на чин капитана-поручика (1721 г.) и Н. Ф. Головина на чин морского капитана (1724 г.). Они также заверены подписью Петра I и государственной печатью. В правом нижнем углу документов — контрастная генерал-адмирала Ф. М. Апраксина.

Отметим, что нередко между получением нового чина и выдачей на него патента проходило немало времени. Это могло быть несколько месяцев (как у Б. Лебядникова и Г. Вица) или несколько лет (как у Н. Ф. Головина). Екатерина I выдавала патенты на чины, пожалованные Петром I, что нашло отражение в формуляре.

Патенты первой трети XVIII в. отличаются строгим оформлением. Интитуляция («Божиею милостию мы, Петр Первый...») как и остальной текст отпечатана черной типографской краской, однако увеличенным разреженным шрифтом. Единственным украшением документа является инициал — «и» или «и десятичная» в слове «Известно». Буква заключена в прямоугольник, заполненный растительным орнаментом.

Исследователи отмечали, что использование печатных бланков было связано с функциональностью документа, административным удобством. К тому же, в России при наличии государственного контроля над типографиями само существование печатного бланка свидетельствовало о его подлинности. Текст патентов оставался практически неизменным на протяжении XVIII в. С 1730-х годов применение печатных бланков заметно уменьшилось. Значительная часть выданных в 1730–1750-х годах патентов представляла собой индивидуальные, отпечатанные в единственном экземпляре документы.

Н. В. Башнин, З. В. Дмитриева, М. Н. Шаромазов

Итоги и перспективы издания хозяйственных книг Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв.

В монастырской делопроизводственной практике велась разнообразная учетно-отчетная документация, среди которой преобладающее место занимали хозяйственные книги: приходные и расходные денежные, «хлебные», окладные, посевные, ужино-умолотные, оброчные, вытные, описи строений, имущества и вотчин, вкладные и др. Вся совокупность хозяйственной документации составляет основу источниковой базы для изучения монастырского строительства в России.

Издание кирилловских хозяйственных книг начинается в конце XIX в., когда Н. К. Никольский опубликовал исследование (в двух книгах) по истории монастыря с приложением документов. В первый том (1897 г.) был включен уникальный документ о деятельности кирилловских старцев в годы «смутного времени»: «Книги приход и расход, что пошло на оклад Пречистой Богородице и чудотворцу Кириллу» (1612–1614 гг.). Книги и тетради «посевные» и «умолотные» (1605–1625 гг.), приходная книга сбора хлеба из сел (1605/06 г.), денежные приходные и расходные книги (1567–1611 гг.) составили приложение второго выпуска первого тома Н. К. Никольского (1910 г.).

Введение в научный оборот документального наследия Кирилло-Белозерского монастыря продолжилось в 1970–1980-е годы по инициативе А. Г. Манькова в русле масштабного проекта ЛОИИ по изданию монастырских хозяйственных книг XVI в. А. Х. Горфункель и З. В. Дмитриева подготовили и опубликовали вытную книгу 1559 г. и переписную книгу вотчин 1601 г. (1983 г.). Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г., составленную по распоряжению Бориса Годунова одновременно с переписной книгой вотчин, была издана по инициативе З. В. Дмитриевой и М. Н. Шаромазова в 1998 г. В начале 2000-х годов при поддержке РГНФ авторский коллектив подготовил фундаментальное издание приходных и расходных книг Кирилло-Белозерского монастыря. В его состав вошли

приходо-расходные денежные книги за 1605–1637 гг., «сундушные» и «сундушные соляные» книги за 1601–1632 гг.). Рукописи были опубликованы в 2010 г., через 100 лет после издания Н. К. Никольским документации этого типа. «Хлебные» книги, фиксирующие поступления зернового оброка из монастырских сел (1601–1609 гг.) и расход зерновых продуктов на потребление монастырских насельников (1614/15 г.), опубликованы З. В. Дмитриевой (2015) в контексте изучения положения Кирилло-Белозерского монастыря в годы великого голода и Смуты.

В 2021 г. (при поддержке РНФ) вышли в свет описи строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1615 и 1635 гг. Издание является частью большого проекта, направленного на введение в научный оборот кирилловских описей XVII в. (начато в 2010-е годы по инициативе З. В. Дмитриевой и М. Н. Шаромазова). В русле проекта предполагается подготовить к публикации все сохранившиеся за XVII в. кирилловские описи: 1615, 1621, 1635, 1668 гг. Издание такого значительного объема однотипной по содержанию документации требовало разработки концепции каждого тома и проекта в целом. Археографическая работа была ориентирована на принципы подготовки текста, принятые при издании описи 1601 г. Составители отказались от комментирования каждой из описей, что объективно вызвало бы многочисленные повторы, и поставили задачу максимально отразить специфику каждого текста и приблизить издаваемый материал к восприятию наследия Кирилло-Белозерского монастыря широкой аудиторией. С этой целью в издании описей 1615 и 1635 гг. читателю представлены исследовательские статьи, всесторонне раскрывающие значение объектов, включенных в описи. В следующий том будет включена опись 1621 г. в двух редакциях. К тексту описи 1668 г. авторский коллектив готовит подробный комментарий с учетом изменений, произошедших в монастыре с 1601 г. и отраженных во всех предшествующих описях. Все издания имеют историческое и археографическое введение, снабжены научно-справочным аппаратом (указателями икон и иконографических сюжетов, имен, географических названий, словником), а также богато иллюстрированы видами Кирилло-Белозерского монастыря и предметами из собрания музея. К текстам описей 1621 и 1668 гг.

готовятся предметные указатели. Опись 1668 г. предполагается издать в двух томах (около 60 авт. л.).

Весь значительный объем археографической и исследовательской работы выполняет авторский коллектив Санкт-Петербургского института истории РАН, Российской национальной библиотеки, Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея заповедника под руководством Н. В. Башнина, З. В. Дмитриевой и М. Н. Шаромазова. Финансовую поддержку авторскому коллективу в подготовке и в издании текстов оказывает РНФ (проект № 20-78-10060) (описи 1615, 1621, 1635 гг.); опись 1668 г. включена в проект «Акты Русского государства. Государственные и корпоративные архивы России XIII–XVII веков». Целью этой большой работы является не только расширение источниковой базы и доведение до самого широкого читателя кирилловских древностей, но и разработка новых методов и подходов в изучении и издании такого типа массовых источников, как монастырские описи строений и имущества.

В. Н. Беляева

Росписная книга села Павлова Нижегородского уезда 1709 г.

Росписная книга села Павлова 1709 г. неоднократно привлекалась исследователями, но чаще всего иллюстративно, а не как непосредственный объект исследования. В работе Б. Н. Морозова «Частные архивы XVII века» часть документа, где перечислен состав вотчинного архива, был проанализирован подробно.

Росписная книга сохранилась в подлиннике, хранится в РГАДА в составе фонда 188 «Рукописное собрание ЦГАДА». Данный фонд представляет собой достаточно специфическое собрание памятников письменности, сформировавшееся на протяжении всей истории архива после 1917 г. Росписная книга входила в состав архива Черкасских, которым и принадлежало село Павлово в начале XVIII в.

Павлово с 18 деревнями было пожаловано в вотчину двоюродному брату царя Ивану Борисовичу Черкасскому за «терпение и разорение» в 1622–1623 гг. С перерывом в 1642–1644 гг. село принадлежало представителям рода Черкасских до 1745 г., когда перешло в качестве приданого П. Б. Шереметеву. За ним оно находилось до 1861 г.

История села Павлова богато снабжена источниками. Исследователями выявлен полный комплекс писцовых и переписных книг XVII в., составленных в рамках общероссийских описаний 1620-х годов, 1646 и 1678 гг., а также внеочередные описания, которые составлялись при смене владельцев: например, описная книга 1642 г., отказная книга 1667 г. Особое внимание стоит обратить на росписные книги: таких сохранилось две — 1677 и 1709 гг.

Росписные книги вотчин упоминаются в источниках с середины XVII в., хотя как вид источника, например, росписные списки городов, известны и ранее. Однако подлинных росписных книг XVII — начала XVIII в. в настоящий момент выявлено лишь две, характеризующие село Павлово.

Росписи — это текущая учетная документация: описание текущего архива, имущества храмов, хозяйственных и промышленных заведений, перепись населения. Росписные книги / списки вотчин составлялись при смене приказчиков. В 1709 г. боярин князь Черкасский назначил в Павлово нового главного приказчика Михея Небольсина.

При сравнении росписных книг села Павлово 1677 и 1709 гг. можно увидеть стремление к сохранению текущей переписки в связи со стремлением вотчинников придать своим распоряжениям нормативный характер. Если в росписной книге 1677 г. описание вотчинного архива дано суммарно, то в росписной книге 1709 г. опись архива фактически пересказывает содержание многих грамот князей Черкасских.

Хотя сама книга относится к иному хронологическому периоду, описание архива отражает старую традицию и непосредственно восходит к росписным книгам конца XVII в.

Структура текста документа следующая: описание церквей и монастырей; перечисление дворов церковных причетников; вотчинный архив; перепись дворов крестьян и бобылей.

Документ интересен своей типо-видовой принадлежностью, а также возможностью проанализировать соотношение сведений о состоянии поселения, зафиксированных описаниями, инициированными государством, и внутренним вотчинным описанием.

В. О. Богданов

**Уезд Ржевы Володимеровой
в писцовых описаниях XVI–XVII вв.**

Относительно полных писцовых описаний уезда Ржевы Володимеровой сохранилось немного, основная масса книг была создана на протяжении XVII в. Однако наиболее раннее и относительно полное писцовое описание уезда относится к XVI в. Оно было составлено А. Е. Салтыковым в 1588–1589 гг. и сохранилось в виде приправочного списка. Писцовая книга описывает только поселения на правом берегу р. Волги в Ржевском уезде. Пробелы в знаниях о системе расселения левобережья ликвидирует писцовая книга письма Макара Чукарина и Леонтия Скобельцына 1624–1626 гг. По данным писцовым описаниям была создана геоинформационная система, локализирующая топонимику.

Писцовые описания 1588–1589 гг. и 1624–1626 гг. построены по следующей схеме. Основными рубриками являются волости и станы, внутри волостей охарактеризованы землевладения — поместные и вотчинные. Внутри землевладения указаны топонимы, их тип (поселение, пустошь, угодья), число дворов, размер пашни, качество пашни, размер наддачи, размер сошного оклада. В описания землевладений включены сведения о предыдущих землевладельцах. В характеристику поселений, относящихся к церковному землевладению, дополнительно включены данные о церквях и священнослужителях. В книге нет данных о количестве населения во дворах, о социальном составе и занятиях населения. К сожалению, в писцовых материалах отсутствует информация о промысловых угодьях на территории уезда. Однако существует перечень озер и рек уезда, в которых помещики и вотчинники имели рыбные ловли.

Писцовые описания отражают достаточно дробную волостную структуру уезда. Поселения некоторых волостей расположены чересполосно. Имеются и волости, территория которых разделена на две части протяженными пространствами иной волостной принадлежности. Распространено наименование волос-

ти по поселенческому центру, а последний, в свою очередь, мог брать имя от близлежащих мест или гидронимов.

Для уезда характерно поместное землевладение, сформировавшееся здесь еще в XVI в. Небольшую долю составляло монастырское землевладение. Оно концентрировалось на левом берегу Волги. Здесь находились монастыри Селижаровский, Николаевский Рожковский, Пелагеинский и Нило-Столбенский. В писцовой книге 1588–1589 гг. на правом берегу упоминаются небольшие Пятницкий женский монастырь в Ветожетке и Георгиевский монастырь. Монастырское землевладение в Ржевском уезде было сосредоточено преимущественно на левом берегу Волги, в отдалении от литовской границы. Общее небольшое количество обитателей можно объяснить пограничным положением региона и периферийным положением по отношению к Москве.

Дворность поселений Ржевского уезда составляла в среднем 2,28 двора. На территории уезда располагалась крупная Осташковская слобода, состоявшая из Иосифо-Волоколамской и Митрополичьей частей, в общей сложности 271 двор.

По писцовой книге 1624–1626 гг. значительная часть уезда была запустевшей в первое десятилетие после окончания Смутного времени. Население концентрировалось преимущественно в округе самой Ржевы Володимеровой. Однако можно предполагать, что и до Смутного времени наибольшая доля населения приходилась на южную часть уезда — волости, примыкавшие к г. Ржева Володимерова. Наиболее слабо освоенными, по видимому, являлись западные районы уезда, являвшиеся русско-литовским пограничьем в XIV–XV вв. Кроме того, правобережная часть уезда приходилась на область Оковского леса, известного по летописным источникам.

**Приходо-расходные книги Ненокоцкого, Унского
и Сюземского усоллий Антониево-Сийского монастыря
как источник по истории монастырского судового хозяйства**

По Ненокоцкому усолью Антониево-Сийского монастыря в фонде монастыря в РГАДА сохранились приходо-расходные книги: приказчика старца Варламия, 20 декабря 1638 г. — 20 декабря 1639 гг.; старца Авраамия, май 1655 г. — май 1656 г.; старца Макария, 11 марта 1659 г. — 12 марта 1660 г., 11 марта 1663 г. — 11 марта 1664 г., 11 марта — 1 августа 1664 г.; старца Александра, 1664, 1665 и 1666 гг.; старца Макария, 12 июля 1670 — 25 июля 1671 г.; старца Макария, 1688 г.; старца Ионы, 1694 г.; старца Епифания, 1695 и 1698 гг. По Сюземскому соляному промыслу сохранились приходо-расходные книги приказных старцев Герасима 1653–1654 гг., старца Васьяна 1656 г., старца Варлама 1657 и 1658 гг., старца Александра 1663 г., старца Питирима 1664 и 1667 гг., старца Михаила 1668 г., Софрония 1673, 1675 гг., старца Исаяи 1678 г., старца Филарета 1694–1695, 1696, 1697 гг., старца Павла Ракульца. По Унскому усолью сохранились приходо-расходные книги приказных старцев Ионы Горожанина 1657, 1658, 1659 гг., старца Евфимия 1659 г., старца Иова 1659 г., старца Лазаря 19 декабря 1663 г. — 7 февраля 1664 г., старца Иакова за 1663–1664 гг., старца Макария 1665 и 1666 гг.

Наиболее ранней сохранившейся приходо-расходной книгой является книга старца Ненокоцкого усолья Варламия за декабрь 1638 — декабрь 1639 г. В основном в фонде монастыря в РГАДА хранятся приходо-расходные книги Ненокоцкого и Сюземского усоллий за 50–90-е годы и Унского усолья за 50–60-е годы XVII в. В отличие от промыслов Соловецкого монастыря, где приходо-расходные книги составлялись за все время пребывания того или иного приказного старца (один старец — одна книга), каждая приходо-расходная книга промыслов Антониево-Сийского монастыря включала сведения только за один год, начиная со дня отвода имущества новому приказчику. Эти ком-

плексы источников позволяют посмотреть как функционировало усолье, а также какие морские суда в нем использовались. Документы Ненокотского усолья Антониево-Сийского монастыря богаты подробностями, касающимися судового хозяйства. Так, например, в приходо-расходной книге 1659–1660 гг. есть сведения о количестве полотна, пошедшего на починку паруса (такие сведения встречаются редко), а в приходо-расходной книге старца Макария 1664 г. подробно описан ремонт лодий.

Приходо-расходные книги усолья Антониево-Сийского монастыря содержат подробные сведения о рейсах судов, об оплате труда работников, занятых при погрузке соли на суда и доставке ее в Холмогоры, о ремонте судов и снастей, об изготовлении новых снастей. Комплексное изучение документов крупных северных монастырей XVI–XVII вв., имевших морские суда, позволит лучше представить устройство и оснащение традиционных деревянных судов этого времени, а также понять масштаб использования морских судов в хозяйстве северных обитателей и роль монастырей в развитии судостроения на Русском Севере.

Материалы Первой всероссийской переписи населения 1897 г. в Таврической губернии как исторический источник

В последнее время возросло количество историко-демографических исследований, что объясняется их важностью для понимания современной демографической ситуации и закономерностей воспроизводства населения, составления демографических прогнозов, разработки научно обоснованной социальной и демографической политики. Все чаще взоры исследователей в вопросах создания государственной системы учета населения обращаются к историческому опыту предшествующих современному развитию эпох: имперскому и советскому периодам. И эта позиция оправдана: современные переписи населения во многом имеют преемственный характер и практику исторически сложившихся условий государственных народоисчислений.

В настоящее время научных трудов, в которых рассматриваются вопросы осуществления всероссийской переписи населения 1897 г. достаточное количество. Но Крымский полуостров в этом отношении является незаслуженно обойденным исследовательским вниманием: можно констатировать наличие отдельных публикаций, лишь частично использующих в основном цифровые итоги этой переписи.

Подготовка Первой всероссийской переписи 1897 г. в Российской империи была сопряжена с большими сложностями организационного и управленческого характера. Огромные расстояния, различные природные и климатические условия, многонациональность и многоконфессиональность переписываемого населения, бюрократические проволочки, большой объем отчетных документов и пр. привели к сбоям в работе переписных комиссий всех уровней и затягиванию публикации ее итогов.

В Крыму, на момент переписи 1897 г. бывшем частью Таврической губернии наряду с Днепровским, Мелитопольским и Бердянским «материковыми» уездами, подготовка обследования

и его организация осложнялась существующим административно-территориальным делением. На территории полуострова помимо пяти «крымских» уездов Таврической губернии (Перекопского, Евпаторийского, Симферопольского, Феодосийского и Ялтинского) еще располагались административно независимые Керчь-Еникальское и Севастопольское градоначальства, имеющие собственные органы управления, в том числе и статистические. Поэтому при производстве переписи в Крыму одновременно работали три переписные комиссии: собственно губернская и комиссии градоначальств. Сборник итоговых материалов переписи 1897 г., таким образом, включает статистические данные по всем восьми уездам Таврической губернии и двум градоначальствам.

Материалы всероссийской переписи населения Российской империи 1897 г., осуществленной в Таврической губернии, могут стать основой для дальнейшего более детального изучения демографической истории региона. А при отсутствии других официальных сведений являются ценным источником информации о социально-экономическом развитии Крыма в конце XIX в.

Е. С. Бутрин

Поместное хозяйство в Шуйском уезде по писцовым книгам 1629 г.

Шуйский уезд был выделен из Суздальского в 1575 г. Можно предполагать, что его появление было связано с переводом обратно земцев, ранее потерявших свои поместья в опричном Суздальском уезде. Это было очень компактное территориальное образование, состоявшее всего из двух волостей (Телешевская и Борисоглебская). На этой территории располагалось несколько старинных монастырских вотчин (Николо-Шартомского и Суздальского Покровского монастырей) и ряд церковных погостов. Но большая часть землевладений представляла собой мелкие поместья, розданные дворянам и детям боярским разных уездов в последней четверти XVI — начале XVII в. Собственного служилого города в уезде не сложилось, в числе землевладельцев выделялись группы помещиков разных уездов, а также представители дворцового ведомства и приказной бюрократии.

Согласно писцовым книгам 1629 г., в Шуйском уезде располагалось пять церковных погостов, также имелось по четыре церкви на поместных и вотчинных землях. Опорным пунктом поместного владения обычно был двор его хозяина («помещиков» или «вотчинников»). В уезде имелось 86 владельческих дворов. Можно заметить, что 15 владельческих дворов располагались в пунктах, не называвшихся «сельцом». При этом в четырех сельцах таких дворов не имелось. Но все же абсолютное большинство поместных дворов представляли собой центр владения в сельце. Что касается деревенских дворов, то все они располагались на «жеребьях» крупных деревень, разделенных между помещиками. Очевидно, эти деревни ранее также представляли собой сельца, но потеряли свой статус после дробления между несколькими владельцами. На этом же пути, вероятно, находились и сельца, к 1629 г. раздробленные между владельцами (таковых оказалось шесть). У некоторых владельцев сельцо являлось не только центром, но и единственным на-

селенным владением в уезде (27 помещиков). У 46 помещиков к сельскому центру примыкали деревни, а еще 82 помещика владели исключительно деревнями. Особое внимание, уделенное нами сельцу, не случайно. Именно пункты с наличием поместных дворов обычно включали в себя и пашню владельца, которая в писцовых книгах 1629 г. обозначена отдельно от крестьянской.

В них фигурирует также «пашня наездом» (обычно располагавшаяся на пустошах) и перелог. Общий объем поместной и вотчинной пашни в Шуйском уезде составил 848,125 четв., крестьянской — 4718,35 четв., пашни наездом — 1570,5 четв., а перелога — 13042,6625 четв. Таким образом, площадь поместной пашни составляет 13,5 % от крестьянской. При этом имеется несомненная связь появления владельческой пашни с наличием поместного двора. Всего поместная пашня зафиксирована у 55 помещиков и лишь одного из них в поместье не имелось помещичьего двора. Речь идет о большом поместье В. С. Собакина и связан данный факт с тем, что рядом с его поместьем располагались большая вотчина (с «двором вотчинников»). Владельческая пашня обычно располагалась в сельце. Все исключения легко можно перечислить: две деревни, два починка, а также четыре деревни, ранее имевшие статус сельца.

Кроме помещичьих дворов особую связь с поместной пашней демонстрируют дворы зависимых людей, обозначенные в писцовых книгах 1629 г. как «людцкие» или «деловые». Достаточно сказать, что в 16 селениях с поместной пашней имелись исключительно «людские» дворы, благодаря которым обслуживалось 30,4 % всей поместной пашни уезда. Еще почти треть пашни находилась в «смешанных» селениях (с крестьянскими и людскими дворами) — 31 %. Значительная часть поместной пашни располагалась в пустых селениях — 25,5 %. И лишь 13 % пашни располагалось в селениях, населенных исключительно крестьянами. Раскрыть связь «людских» дворов с поместной пашней поможет анализ состава населения этих дворов. Всего в уезде имелось 57 населенных людских дворов, 8 пустых и двор приказчика, а также 7 населенных и пустой двор «деловых людей». Из этих «людских» дворов лишь 15 % располагались в селениях, не имевших поместной пашни.

Анализ распределения помещичьей пашни в Шуйском уезде свидетельствует, что обработкой большей ее части (60 %) занимались зависимые люди. При этом некоторая часть этой пашни пахалась наймом, о чем свидетельствует наличие селений с помещичьей пашней у лиц, вообще не имевших крестьян. Всего в Шуйском уезде по писцовым книгам 1629 г. значилось 695 крестьянских дворов (1294 чел.) и 623 бобыльских двора (1048 чел.). В среднем на двор в уезде приходилось 3,58 четв. крестьянской пашни. При этом прослеживается обратная зависимость между числом дворов в поместье и распределением четвертной пашни на двор: чем больше дворов в селении — тем меньше обеспеченность пашней. Расчет обеспеченности пашней крестьянских дворов в селениях, где имела помещичья пашня, свидетельствует, что крестьяне вполне в них были обеспечены собственными пахотными угодьями. Этот факт наводит на мысль, что для обслуживания господской пашни привлекались не только крестьяне того поселения, где она располагалась, но и близлежащих деревень. Из этого следует, что значительная часть холопов исполняла роль не столько работников, сколько организаторов барщины.

Летописи как массовый источник: к постановке проблемы

Определения массового источника в научной литературе весьма различны. Мы попробуем воспользоваться дефиницией Б. Г. Литвака, чтобы показать возможность отнесения летописи к массовым источникам. Б. Г. Литвак предлагает следующие критерии для массового источника: 1) ординарность обстоятельств происхождения; 2) однородность, аналогичность или повторяемость содержания; 3) однотипность формы, тяготеющая к стандартизации. Б. Г. Литвак, исходя из данных критериев, относил к массовым источникам, наряду с отчетами губернаторов, жалобами крестьян, письмами, личной документацией, также и церковные летописи с житиями святых.

Если рассматривать каждый критерий, предложенный Б. Г. Литваком, по отдельности, примеряя их на летописный материал, следует отметить следующее. Летописи могли появляться в разное время и в разных местах. Существовали летописные скриптории при церквях, монастырях. Летописи могли вести князья люди, а в более позднее время появляются частные летописцы. Однако обстоятельства происхождения, как кажется, у большинства летописей весьма близки — погодная запись произошедших событий.

Второй критерий — однородность и повторяемость содержания для летописей — тоже весьма актуален. В большинстве случаев погодная запись кратко сообщает о военных походах, рожденьях и смертях князей, набегах, стихийных бедствиях, изредка в ней встречаются более развернутые описания какого-либо события. В так называемых церковных или монастырских летописях, как правило, известия рассказывают о смерти епископа/архимандрита, возведении или починке церквей. Таким образом, можно сказать, что повторяемость содержания, характерное для массовых источников, является важной характеристикой летописного текста.

Что касается однотипности и стандартизации, то в самой летописной статье заложен определенный стандарт. Летопись

рассказывает о событиях по годам, чаще всего последовательно, используя точные датировки произошедших событий. Большинство известий, к примеру, о стихийных бедствиях и постройках церквей, весьма однотипны, их можно назвать формульными.

Как можно видеть, летописи вполне удовлетворяют критериям, которые были выдвинуты Б. Г. Литваком для определения массового источника.

Нами разработан и осуществляется проект «Летописная база данных». Одной из главных задач этого проекта является размещение летописных текстов в электронном виде. Каждое летописное известие снабжено тематическими тегами для лучшего поиска людей, топонимов, а также тех или иных событий. Работа с базой весьма наглядно показывает, что одно и то же известие в разных летописях могло сохраняться с некоторыми изменениями, но в большинстве случаев оно остается весьма типичным. К примеру, по тегам «церковь», «закладка» мы можем увидеть типичное краткое сообщение об основании церквей. Такая база, помогающая сравнивать тематические блоки сообщений в различных летописях, наглядно показывает справедливость использования термина массовый источник для летописного материала.

Фрагмент списка платежной книги Бежецкой пятины начала XVI в. как исторический источник

Доклад посвящен списку с платежной книги Бежецкой пятины начала XVI в. Сохранившийся фрагмент является одним из наиболее ранних документов, характеризующим регион. Цель доклада — проанализировать данные документа. Список включает в себя 208 записей. Отдельные записи сгруппированы по владельцам-служилым людям, но владения великого князя перечислены хаотично. Каждую запись образуют разнообразные комбинации сведений. Сведения о владельцах представлены их именами, родственными связями, и, в некоторых случаях, отношениями зависимости. Отношения зависимости обозначаются формулировкой «человек его». Выявлены сведения о названиях волостей и погостов, происхождении служилых людей, разновидностях обложения податного населения. Комбинации названия волостей, посвящения и гидронима не всегда позволяют идентифицировать погост. Вероятно, документ сохранил записи о территории 46 погостов в Белоозерской и Тверской половинах пятины. Листы, описывающие северо-восточную часть Тверской половины, не сохранились.

Документ сообщает о владениях помещиков, великого князя и монастырей. Каждую запись сопровождает указание числа сох. В четырех записях данное правило нарушено. Эти записи характеризуют рядок на Волочку на Держкове. Каждая запись завершается перечислением количества дворов с последующим указанием на оброк. Записи о владениях великого князя сопровождаются несколькими разновидностями сведений. Среди них упоминания об оброке (в том числе после формулировок «за обежное», «за обежную дань»), корме, волостелином корме и приказчиковом доходе. Помимо приказчикового, фрагмент упоминает о доходе и хлебном доходе (формулировки «А хлеба», «а за хлеб деньгами», «а хлеба поспом»). Оброк указан в составе 34 записей. Корм указан в 29 записях. Волостелин корм указан в трех записях. Приказчиков доход указан в трех

записях. Доход указан в шести записях. Одна из общего числа записей упоминает только ключнич доход. Хлебный доход указан в 16 записях. К. В. Баранов отмечает, что сведения о хлебном доходе дописаны в текст позже и другим почерком.

Сведения об оброке и разновидностях доходах указываются для оброчных земель. Всего комбинаций этих данных несколько. В 15 случаях указаны оброк и корм. Для 13 случаев указаны оброк, корм и хлебный доход. В двух случаях указаны оброк и волостелин корм. В одном случае указан оброк, волостелин корм и хлебный доход. Монастырские владения перечислены после соответствующей формулы «Монастырские деревни».

Отдельно рассмотрены уникальные сведения списка. Таковы запись о примете (особом налоге XVI в.) и указание на вспомогательные материалы, использовавшиеся для составления писцовой документации в конце XV в. По замечанию К. В. Баранова, запись о примете приведена полностью другим почерком. Проанализированы пометы документа, которые выделил К. В. Баранов. Пометы делятся на две группы: указания на категорию земельного владения («оброч.», «помес.» и т. д.) и те, что сообщают о выморочных поместьях («умер», «умер, а детей малых не осталось»). Остальные пометы отличаются разнообразием и не поддаются группировке. Таким образом, исследование документа позволило расширить представление о порядке составления этой разновидности источников.

Е. В. Гончарова

Депутатские указы купечества уездных городов Северо-Запада России как отражение провинциального социума региона

Процессы, которые происходили в системе провинциального социума Российской империи второй половины XVIII в., нашли отражение в таких массовых источниках по истории социально-экономической жизни города как депутатские указы от купечества для Уложенной комиссии 1767 г. Несмотря на то, что опубликованные в «Сборнике Императорского Русского исторического общества» материалы указов привлекались к изучению С. В. Юферовой, М. Т. Белявским, Н. В. Киприяновой и др., а А. В. Флоровский изучил состав Законодательной комиссии 1767–1774 гг., детально и комплексно изучением всех имеющихся сведений от купеческих корпораций уездных городов Северо-Запада России (как отдельно по каждому городу, так и в общем для провинциального социума региона) никто не занимался до настоящего времени. При этом уездные города изучаемого региона, чья экономическая, социальная и политическая жизнь формировалась в условиях притяжения к столице — Санкт-Петербургу, с появлением которого в начале столетия последовали серьезные трансформационные сдвиги как в быту, так и в умах провинциального уездного сообщества этих городов, требуют пристального внимания исследователей.

В указах купечества таких уездных городов как Опочка, Порхов, Торопец, Холмский посад и проч. нашли отражение не только настроения и текущее состояние дел, но и видение будущего возможного устройства и состояния купеческого сословия региона, что делает сведения источника значимыми для анализа провинциального общества изучаемого периода. Применение метода микроистории позволяет сформировать понимание социальности исторического субъекта — провинциального купца Северо-Западного региона как результата его взаимодействия внутри сословной группы и вне ее и как явления интертекстуального порядка, как это было сделано, напри-

мер, З. М. Кобозевой относительно мещанства второй половины XIX — начала XX в.

Реконструкция сословной жизни провинциального купечества по данным привлеченных источников позволяет выделить сферы, которые играли наибольшую роль — торговля и управление. Последнее приводит к выводу, что купечество гораздо раньше, чем первоначально считалось, начинает бороться за власть в городах. Все эти явления становятся частью больших процессов изменения в системе провинциального города, отражая переход от России Средневековья до России Нового времени. Меняется тип города: от города, где экономика — не главное, в условиях превалирования военно-оборонительной, религиозной и культурной доминант к городу, где на роль ведущего сословия в контексте общественного влияния на экономические процессы провинциального социума претендует купечество, заявляя об этом в наказах для Уложенной комиссии Екатерины Великой.

Отдельные сюжеты купеческой жизни, зафиксированные в наказах, представляются необычайно ценными для антропологического постижения истории провинциальной России дореволюционного периода. Описанные до мельчайших подробностей зарисовки провинциальной уездной организации купечества в контексте внутрисословных взаимосвязей и общественных отношений с городскими жителями других сословных групп позволяют проникнуть в самую суть провинциальности как явления действительности дореволюционной России.

Писцовые комиссии XV — начала XVI в.: персональный состав, задачи и составляемые документы

Княжеские писцы неоднократно упоминаются в жалованных грамотах XV в. Однако для XV — начала XVI в. не сохранилось документов, напрямую регулирующих деятельность писцовых комиссий. Поэтому тот порядок, который мы видим в сложившемся виде в XVII в., в историографии, как правило, переносится на более ранние периоды, в том числе на XV в. В соответствии с ним, главой комиссии предписывалось быть служилому человеку по отчеству (из московских чинов), в помощь к нему назначался кто-либо из приказных (дьяк или подьячий), а основной функцией писцовой комиссии было составление писцовых книг.

За XV в. в источниках сохранились только единичные упоминания о писцах и проводимых ими работах. Системные сведения о деятельности писцовых комиссий появляются на рубеже XV–XVI вв. Хотя материалы писцовых описаний конца XV в. (за исключением Новгородских земель) сохранились в виде небольших выдержек или упоминаний, вопросы персонального состава писцовых комиссий, стоящих перед ними задач, функций их членов, номенклатура составляемых комиссией документов могут быть рассмотрены более подробно.

Персональный состав. Известны имена некоторых писцов, а во многих случаях в составе комиссии называется два человека. Служебные биографии писцов, упомянутых в этих случаях первыми, восстанавливаются с разной полнотой, но, как правило, это представители Государева двора, родословные люди, которые в ряде случаев позднее получали думные чины (например, Василий Голенин, Яков Морозов, Константин Заболоцкий, Федор Липятин). Полнее состав писцовых комиссий раскрыт в судебных документах, составлявшихся ими в ходе разбирательств поземельных споров на подведомственной территории. В них указывается, что «суд судил» писец соответствующего уезда. Затем назывались его товарищи (один или два). В конце

помещалась клаузула, в которой перечислялось несколько имен, явно невысокого статуса. Часто указывается, что они были подьячими.

Вторая группа — товарищи писцов — по статусу и именованию были явно ближе к старшему писцу или судье, чем к подьячим. Анализ биографических сведений об этих лицах показал, что они были представителями великокняжеской канцелярии в чине дьяка (в отдельных случаях они прямо названы дьяками, а в остальных в статусе дьяков они фигурируют в других источниках).

Таким образом, писцовая комиссия, по крайней мере с 1480-х годов состояла из трех частей: главного писца, представителя Государева двора, дьяков или опытных подьячих (одного-двух) и нескольких подьячих.

Стоящие задачи. Писец проводил работы в отдельном уезде, но иногда его деятельность протекала на локальной территории и была связана с обустройством села, размежеванием. Кроме собственно «письма» в конце XV — начале XVI в. писцовые комиссии занимались рассмотрением поземельных споров или их урегулированием.

Функции членов комиссии. Сведения сохранившихся источников о составе писцовых и судебных комиссий дают основание утверждать, что руководители писцовых комиссий (называемые писцами) только контролировали работу нескольких комиссий, которые параллельно выезжали на несколько маршрутов. Судя по наличию в комиссиях подьячих, непосредственными исполнителями описательных работ были именно они. Старший член комиссии, по имени которого она называлась, выполнял судебные и представительские функции. Его товарищи (один или два человека) представляли великокняжескую канцелярию. На них лежала забота по правильному оформлению итоговых документов — писцовых книг, судных списков и правых грамот.

Номенклатура составляемых документов. Писцовые книги. Сотные грамоты. Судные списки и правые грамоты.

Систематизация сведений о писцовых работах позволяет уловить изменения, которые произошли в этой сфере в правление Ивана III. До 1470-х годов представители страты канцеляр-

ских служащих (дьяки и подьячие) играли ведущую роль в поземельных делах. Они проводили писцовые работы, совершали от лица князя поземельные сделки (покупка, продажа, обмен), производили размежевание и отвод земли. Дьяки же отвечали и за хранение писцовых книг в княжеской казне.

Изменения в практике поземельных описаний произошли, когда после присоединения новых земель (Белоозера, Ярославля, Ростова, Твери, Новгорода) потребовалось не только проведение землеописательных работ, но и ревизия владельческой документации, решение на этих территориях земельных споров, перераспределение земельных владений. Эта деятельность уже выходила за рамки традиционно сложившихся полномочий канцелярских служащих и была в большей части политическим действием. Вероятно, именно поэтому в состав писцовых коллегий начали включаться представители великокняжеского двора. В дальнейшем эта практика была закреплена в первой главе великокняжеского судебника 1497 г., которая предписывала обязательное присутствие дьяков на суде бояр и окольных.

Оттеснение на второй план сотрудников княжеской канцелярии в сфере контроля за землевладением, судя по всему, было в значительной степени формальным, поскольку старшие писцы, очевидно, не занимались ни черновой, ни белой работой по составлению писцовых книг.

**Землевладельцы Пошехонского уезда 1620-х годов
по писцовой книге 1628–1631 гг. и десятне 1630 г.**

Задача доклада состоит в выяснении возможности реконструкции состава десятен по данным писцовых книг и уточнения принципов, по которым формировались списки служилых людей, включавшихся в текст десятен.

Десятни — специфический вид делопроизводственной документации Поместного приказа. Цель их составления — учет персонального состава служилых людей, оценка боеспособности, определение поместного и денежного оклада. Десятни имеют важное значение для изучения «служилого города» как социального института, российской армии XVI–XVII вв., генеалогии городского дворянства. Составление десятен прослеживается с первой трети XVI в. (в сообщении С. Герберштейна) до середины XVII в.

Среди десятен XVII в., хранящихся в ОР РНБ, имеется список XVII в. десятни по Пошехонскому уезду, датируемой 1 сентября 1630 г. Информационный потенциал этой десятни (как и синхронных ей десятен по другим уездам) увеличивается при сопоставлении ее сведений с данными писцовых книг конца 1620 — начала 1630-х годов. В данном случае речь идет о писцовой книге Пошехонского уезда 1628–1631 гг. Сопоставление сведений десятни и писцовой книги позволяет определить реальное земельное обеспечение включенных в десятню лиц, состав, численность, социальный статус светских землевладельцев Пошехонского уезда.

В десятне имеются сведения о 174 лицах; в писцовой книге приведены описания примерно 650 владений. За вычетом церковных и монастырских земель, владений лиц, не включавшихся в десятню (вдов, членов Государева двора), получается, что в десятне числились менее половины землевладельцев уезда. Указанное несоответствие может объясняться наличием нескольких владений у тех или иных лиц. Приведенный ниже список фамилий пошехонских землевладельцев подтверждает дан-

ное предположение: в писцовых книгах отмечены лица 184 фамилий.

В результате сопоставления записанных в десятне лиц с перечнем землевладельцев уезда появляются дополнительные данные для уточнения принципов, по которым формировались списки служилых людей, включавшихся в десятни, что в итоге позволит осуществить реконструкцию состава десятен в тех случаях, когда их текст оказался к настоящему времени утрачен.

В писцовой книге фамильный состав землевладельцев Пошехонского уезда следующий (полужирным выделены фамилии, упомянутые в десятне): князя Белосельский, **Вадбальские**, Волконский, Гагарин, Козловские, Львовы, Мезецкий, Мещерский, Несвицкий, Темкин, **Ухтомские**, **Шелешпальские**, Шехонские; нетитулованные землевладельцы: Алексеевы, Алябьев, Аничков, Ахматовы, **Барановы**, **Бардаковы**, Баскаковы, Башмаковы, Бердяевы, **Берсенов**, Бестужевы, Бехтеевы, Бибиков, Бизюкины, Биркин, **Бобоедовы**, Борышевы, Бутурлины, Валоцкие, Вараксин, **Верещагины**, **Власьевы**, Воеводины, Волков, Волоцкие, Волынские, Воробины, Вражские, Высоцкий, Глебов, Голенищев, Головин, Голохвастовы, Горихвостов, Горсткины, Грабленные, Греченинов, Гуринов, Дворянинов, Дедевшины, Демьянов, **Денисьевы**, Дерновы, Дивов, Дорофеев, Дробышевский, Дубенкин, Дуров, Дятелины, **Елизарьевы**, Елчанинов, **Жеребцовы**, Завалишин, Загряский, **Зайцовы**, Засецкий, Зиновьев, **Исаковы**, Кайсаровы, Калчюгин, Каменев, Каменские, Карачинские, Кафтырев, Кашинцовы, **Киреевский**, Кобыльский, Колчугины, Кондырев, Конищевы, Коротнев, Корсаковы, Косицкий, Кривские, Кропотовы, **Куделин**, Кузмины, Кучецкий, Ладыженский, Лвов (беянин), **Левашовы**, **Левонтьевы**, Лодыгин, Луговские, Луковы, Лыковы (беяне), **Люткины**, Малекин, Малыгины, Марины, **Матчины**, **Маурины**, Махов, Мещериновы, Милков, Молвянинов, Молчанов, **Мословы**, Мячковы, Нагова, Нальянов, Наумовы, Нащокины, **Негодяевы**, Недовесков, Неелов, Неклюдов, **Некрасов**, **Несветаевы**, **Окороковы**, Островские, **Ощерины**, **Павловы**, Паленовы, Панины, **Пановы**, Пестриков, **Плохово**, **Плюсковы**, Погонины, Полуехтовы, **Приклонской**, Пушкины, Пущины, Речицкие, Ржевский, Розвовы, Ростенков, Румянцовы, Самарины, Сапо-

говы, Свитин, Связев, **Семёновы**, Сикорский, Скобелцыны, Скулский, Слотов, Собакин, **Соколов**, Сомовы, Стрешнев, Ступишины, Сухаревы, **Счасновы**, Тарбеевы, **Тебенковы**, Телепневы, Тесовитиновы, Тихменевы, **Токмачовы**, Толбугины, Толбузины, Травины, **Трушнев**, Уваров, Философов, Харламовы, Челищев, Чемоданов, Шатихины, Шатков, Шепелев, Шибины, **Шипуновы**, **Шубины**, Щепин, Юрьев, Языковы, Якушкины, Ящерицын.

Интерес представляет сравнение состава пошехонских землевладельцев по данным Писцовой книги и десяти со сведениями о пошехонских землевладельцах, содержащихся в Дворовой тетради 1550-х годов и Боярских списках 1577–1599 гг. (в позднейших Боярских списках 1620-х годов «выбор» по Пошехонью отсутствует).

**Дворцовые волости в районе Тверского Поволжья
в последней четверти XVII в. по сведениям писцовых книг
А. С. Чепчугова, Ф. Б. Изъединова и Ф. Бишова**

Подворной переписи 1677–1679 гг. и валовому письму и межеванию поместных и вотчинных земель 1680–1686 гг. предшествовало крупное описание дворцовых владений. Наказы из Приказа Большого дворца с предписанием «писцам и воеводам» на дворцовых землях «посацкие и крестьянские и бобыльские дворы, а в них людей описать, и земли измерять, и от помещиковых и вотчинниковых земель отмежевать против прежних писцовых и межевых книг дворцовых писцов» последовали 28 апреля 1674 г. К 8 июля 1683 г. в приказ были поданы не менее 42 книг.

Полный комплекс изготовленных в рамках этих описаний книг как таковой до нас не дошел. Виной тому во многом можно считать пожар 1737 г., уничтоживший архив Приказа Большого дворца, перешедший к тому времени под ведение Главной дворцовой канцелярии. Однако остатки описаний дворцовых волостей 1670-х годов обнаруживаются в различных рукописных хранилищах.

В частности, в РГАДА сохранились разрозненные фрагменты описания дворцовых волостей, начатого в 1674 г. писцом Алексеем Степановичем Чепчуговым и подьячим приказа Большого дворца Федором Бишовым, а затем продолженного дозорщиком Федором Борисовичем Изъединовым и тем же подьячим. Источники сведений об этом описании сохранились в составе фондов 1455 («Государственные и частные акты помеотно-вотчинных архивов XVI–XIX вв.»), 281 («Грамоты Коллегии экономии»), 396 («Оружейная палата»), 1239 («Московский Дворцовый архив»), 1209 («Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент») и даже частично в фонде 350 («Ландратские книги и ревизские сказки»). Они представлены различными разновидностями писцовой документации, начиная

от единственной подлинной писцовой книги и заканчивая отрывками грамот.

Описание можно разделить на пять этапов. На первом этапе в 1674–1675 гг. были в основном подготовлены писцовые и межевые книги дворцовых владений Кашинского и Дмитровского уездов, однако писец А. С. Чепчугов скончался до истечения августа 1675 г. Вторым этапом работы были продолжены в 1676 г. и завершены в 1677 г. под руководством дозорщика Ф. Б. Изъединова. Причем на спорные и недомежеванные прежним писцом участки без челобитья комиссия уже не возвращалась. Тогда же, в 1676/77 г., третьим этапом писцы были переброшены на дворцовые земли Старицкого уезда. Четвертым этапом осенью 1677 г. Ф. Б. Изъединов и неизменный Ф. Бишов по наказу из Приказа Большого дворца за приписью дьяка Семена Кудрявцова составляют писцовые и межевые книги дворцовых сел с деревнями в Тверском уезде и Клинском уезде. Наконец, пятым этапом в сентябре 1678 г. Ф. Б. Изъединов и подьячий Ф. Бишов начинают работу над описанием дворцовых владений в Ржевском уезде, также по наказу из Приказа Большого дворца за приписью дьяка Семена Кудрявцова.

Интересна география описаний А. С. Чепчугова, Ф. Б. Изъединова и Ф. Бишова. За период 1674–1678 гг. ими были описаны: 1) крупная Кимрская дворцовая волость в Кашинском уезде; 2) находившийся в ведении Приказа Большого дворца город Дмитров и прилегающие к нему угодья посадских людей; 3) располагавшиеся в непосредственной близости от Дмитрова земли дворцового села Подлипичья с деревнями, а также «новоотписного» в 1674/75 г. сельца Дяткова с деревнями; 4) старинные дворцовые села Старицкого уезда Покровское, Бороздино тож, на Верхней Старице, Родня на Волге, Мологино на Итомле (после запустения в первой половине XVII в. оно было заселено «польскими выходцами») с деревнями, пустошами и всеми угодьями; 5) дворцовые земли, тянувшие к старинной вотчине Романовых, селу Тургинову, а также к заселенным во второй половине 1660-х годов «карельскими и литовскими выходцами» землям села Погорельца и Николо-Ладоженского погоста Тверского уезда; 6) старинная Копытовская дворцовая волость в Клинском уезде; 7) крупная Молодотудская волость в Ржев-

ском уезде, в середине XVII в. заселенная после запустения «выходцами белорусцами». В состав этой волости были включены часть Старотудской волости и т. н. Рогалевский и Жукопский «приселки», сформированные из приписей из Жилогостинской, Ртищевской волостей и некоего «Жукоповского стана (волости)». Кроме того, писцы отмежевали патриаршую вотчину в Ржевском уезде, ограничив ее селом Оковец, деревней Гришкино и рядом пустошей — за их исключением значительная часть Оковецкой волости оказалась приписана к «государеве дворцовой Оковецкой волости». Добавим, что писцы руководствовались не только наказом и грамотами из Приказа Большого двorca — они действовали также на основании наказных грамот, направленных им из Поместного приказа и предписывавших межевать соседние с дворцовыми землями поместные и вотчинные владения.

Не были оспорены, насколько можно судить, только итоги работ в Тверском и Ржевском уезде, несмотря на изъятие значительной части Оковецкой волости из патриарших владений. Результаты межевания дворцовых писцов в Кашинском, Дмитровском, Клинском и Старицком уездах были обжалованы и пересмотрены уже в период 1677–1701 гг.

Методы землемерия в геометрических рукописях XVII в.

В отечественной историографии изучение писцовых книг Русского государства сопровождалось дискуссией о достоверности их данных. В докладе речь пойдет о вопросе, имеющем прямое отношение к этой проблеме: какими геометрическими знаниями располагали писцы в XVII в.

По мнению Н. М. Карамзина, начало валовых описаний земель в России послужило поводом к сочинению первой Российской геометрии. Н. М. Карамзин имел в своем распоряжении экземпляр, озаглавленный: «Книга, именуемая геометрия или землемерие радикалом и циркулем». В настоящее время выявлено три списка этой рукописи, они датируются рубежом XVII–XVIII вв. Некоторые разделы рукописи заимствованы из арифметики, озаглавленной «Книга, глаголемая по еллински арифметика, а по немецки алгоризма, а по русски цифирная счетная мудрость». Ранние списки этого памятника относятся к 1620-м годам.

Как и большинство древних учебников, геометрические рукописи XVII в. имели догматический характер. Для каждой задачи предлагался метод решения, которому надлежало следовать. В большинстве задач использовались эмпирические правила, дававшие приблизительные результаты.

Тексты геометрических рукописей XVII в. показывают, что землемерие XVII в. не учитывало основополагающие понятия геометрии. Землемерам не были известны квадрант и астролябия, применявшиеся в мореплавании и артиллерии. Отсутствие сведений о величинах углов являлось причиной ошибок при вычислении площадей земельных участков. Несоблюдение признаков параллельности прямых приводило к нарушению подобия треугольников при измерении расстояний. Изучение руководства по геометрии подтверждает мнение о том, что писцы-межевщики не были знакомы с правилами геометрии Евклида. Методики вычисления площадей земельных участков, которыми располагали землемеры в XVII в. не давали точных результатов.

**Реконструкция рядовых посадских семей
по просопографической базе Вологды
первой половины XVII в.**

Глубокое изучение посадского населения Вологды первой половины XVII в. стало возможным после публикации всех сохранившихся городских кадастров XVII в.: дозорной книги 1616/17 г., писцовой книги 1627 г., переписных книг 1645/46 и 1657 г. На основе этих источников была составлена просопографическая база, которая на данный момент состоит из 6036 персоналий. Она позволяет не только создать коллективную биографию вологжан за более чем 50-летний период, но и составить индивидуальные биографии нескольких тысяч человек, реконструировать родословные сотен посадских семей. Следует отметить, что благодаря разработанной методике выявления в разных кадастрах одних и тех же людей и их родственников (при частом отсутствии фамилии), появляется уникальная возможность реконструкции родственных связей тех семей, представители которых не упоминались в других массовых источниках — таможенных книгах и документации земских и приказных изб, то есть являлись рядовыми посадскими жителями, в основном ремесленниками.

Например, семья маслеников Васильевского сорока: Фома Еуфимьев в 1617 г., записан как Фома масленик в 1627 г. и то, что это один и тот же человек, понятно по записи 1646 г. «двор посадцкого человека Фомки Еуфимова сына масленика» и упоминании его сына Харитона в обоих кадастрах. Внуки Фомы — Григорий и Семен записаны и в 1646 и в 1657 г., а правнук Иван — в 1678 г. В четырех поколениях профессиональная занятость семьи не меняется, что было не так уж и часто в XVII в.

Династия кузнецов Сарафановых (Кирилловский сорок) также реконструируется в том числе по ретроспективным данным. Дворы Первого и Третьяка Сарафановых записаны в 1617 г. рядом, без упоминания степени родства, рядом с ними расположен двор некоего кузнеца Евстюнки. В 1627 г. Первой Остафьев

Сарафанов уже назван кузнецом и есть запись о кузнице Иване Еустратьеве Сарафанове, его предполагаемом племяннике.

Профессия Кошчевых (Кошчевых) не указана ни в одном из кадастров, однако удалось проследить четыре поколения семьи на протяжении почти 100 лет. В 1617 г. в Никольском сороке был записан Денис Кошчев. В 1627 г. среди жителей этого района Кошчевых нет, но есть некий Денис Семенов, проживающий на Кобылкиной улице вместе с Ильей Андреевым, и Ларка Семенов, живущий своим двором. В книге 1646 г. на этой же улице есть двор Дениса Семенова сына Кошчева и, скорее всего, его родного брата Лариона Семенова сына Кошчева с детьми. В книге 1678 г. сын Лариона — Иван Ларионов записан только с отчеством, а по данным переписной книги 1711/12 г. сыновья Ивана Ларионова записаны с фамилией Кошчев.

Семья кузнецов Мизгиревых обретает свою фамилию далеко не сразу. По дозорной книге 1617 г. известен Ермола Семенов, проживающий в Власьевском сороке, в 1615/16 г. ушедший с посада. В 1627 г. он же записан как кузнец, имеющий двор в Ехаловых Кузнецах. В 1646 г. известны как минимум четверо сыновей Ермолы — Первой, Алексей, Конан и Михаил. В 1657 г. из них упоминается Михаил и Алексей с сыновьями Патрикеем и Иваном, а вот имена Кондратия и Ивана Мизгиревых (ранее в кадастрах не упоминавшиеся) можно связать с домашним именем Первой. Скорее всего Первой это Иван, так как потом в роду неоднократно встречается именно это имя. По кадастру 1678 г. известны четыре семьи Мизгиревых — Патрикеев Михайлова сына с сыновьями Иваном и Алексеем, Алексея Ермолина сына с сыном Иваном и некоего Павла Лукьянова сына Мизгирева с детьми и даже внуками. Родственные связи Павла с остальными Мизгиревыми установить пока не удалось (хотя живут они по соседству), также не находится в предыдущих кадастрах и Павел Лукьянов (если предположить, что фамилия закрепилась за ним недавно). Зато через четыре двора от Патрикеева живет семья Кондрашки Ермолина сына (без фамилии), которого можно отождествить с Кондратием Мизгиревым. Значит, это может быть пятый сын Ермолы. В общей сложности найдено пять поколений семьи.

В семье Овцыных только представитель второго поколения назван овчинником — бобыль Оксен Нефедьев в 1678 г. Его отец Нефед Сидоров записан в 1617 г. сбежавшим с посада, а мать Анница в 1627 г. ходит по миру, тем не менее, три брата Овцыных вполне благополучно доживают до 1646 г., а в 1660–1680-х годах расширяют свою родовую усадьбу путем покупки соседних дворов, что известно из ретроспективной записи кадастра 1711 г. Внук Нефедя — Егор дожил до I ревизии с модифицированной фамилией Овечкин, а потомки другой ветви упоминаются в Обывательской книге 1792 г., то есть семья насчитывает пять поколений на протяжении двух веков.

Это были конкретные примеры восстановленных родственных связей, хотя таких семей несколько десятков, и среди них кузнецы Козицыны, пастухи Белоусовы, сапожники Здобникивы, мясники Сеницыны, огородники Селуяновы, огородники Налобины, Мякишевы, Шевковы, Чернышovy, Верещагины.

Таким образом, помимо выявленных и описанных генеалогий видных торговых вологодских семей, владевших лавками, судами, жилой недвижимостью, с помощью составленной просопографической базы можно реконструировать генеалогию большинства рядовых посадских семей, которые ничем, кроме упоминания профессии (или даже без указания на оную), в кадастрах не отметились.

М. М. Дадыкина

Оплата труда работников-солонваров в Тотьме и цены на соль в годы Соляной реформы *

В основу доклада были положены данные приходо-расходных книг Тотемского солонваренного промысла Спасо-Прилуцкого монастыря за 1645–1650 гг., выявленные в ОПИ ГИМ (ф. 61 Спасо-Прилуцкого монастыря, перенесены из собрания Барсова, д. 28–32). Книги представляют собой рукописи в четверку, разделенные на несколько частей: книги прихода денег и продажи соли, книги расхода денег на монастырский обиход, книги расходов денег на оплату труда солонваров и учета вываренной соли, книги дровяной поставки. В рамках проекта РНФ на основе пилотной версии создаваемой базы данных были предварительно проанализированы цены на соль в Вологде за 1626–1635 гг. и Тотьме в 1645–1650 гг. В годы, следовавшие за Смутным временем, после восстановления производственной и торговой структур на крупном рынке в г. Вологда солью торговали по ценам от 3 алт. до 4 алт. 1 ден. Анализ цен за 1645–1650 гг. показывает, что, несмотря на повышение издержек продавца (и производителя) из-за введения высокой пошлины, в Тотьме на локальном рынке монастырскую соль продавали по сниженным ценам (максимальное падение цены произошло с 3 алт. 2 ден. до 1 алт. 3 ден.).

Следует отметить, что в Тотьме и Тотемском уезде с конца 1630-х по начало 1650-х годов сложилась непростая социальная ситуация, вызванная активным сопротивлением населения попыткам центральных властей взыскать недоимки (1639 и 1646–1648 гг.). Введение в 1646 г. двугривенной пошлины на продаваемую соль для региона, где значительная часть горожан и крестьян так или иначе вовлечено в солонваренное производство и торговлю солью, стало дополнительным фактором дестабилизации обстановки.

* Исследование подготовлено в рамках проекта, финансируемого РНФ № 23-28-01716 «Соляной рынок Русского Севера в XVII в.: открытая база данных».

В указанные годы монастырь владел в Тотьме двумя соляными трубами (Веселухой и Новой) и связанными с ними четырьмя варницами — Средней, Харламовской, Сосновкой и Новой. В Тотемском промысле варницы работали круглый год, непрерывный цикл выварки соли назывался «полуваря» и делился на 4 «умки».

С конца 1646 г. и далее на протяжении последующих лет до 1649/50 г. каждую из варниц останавливали для ремонта один-два раза в год. Тем самым монастырь решал проблему затоваривания солью в условиях неблагоприятного развития ситуации на рынке. Таким образом для работников соловарен сложилась крайне неблагоприятная конъюнктура, заключавшаяся в сокращении а) возможности получения работы, б) количества оплачиваемых рабочих дней, в) оплаты труда.

В монастырских варницах артель работников состояла из повара, подварка, четырех водолеев, тщанника, пескаря и дрововоза. Наиболее ценными были повар, от которых требовалось наличие определенных навыков и профессиональных знаний, далее по уровню оплаты труда следовали водолеи и тщанник, хотя, возможно, в этом случае большую роль играли физические данные, поскольку их работа была наиболее тяжелой.

Анализ динамики размеров жалований разным категориям работников за 1645–1650 гг. показывает, что на первом этапе реформы (весна-осень 1646 г.) управляющие промыслом старцы стремились сохранить неизменным жалование водолеям и тщаннику, жертвуя наймом дрововоза, снижением жалования ему и пескарю, а также ощутимо снижая оплату труда поварам. Подсчеты показали, что повара потеряли около 27 % заработка, водолеи — 25 %, тщанник, пескарь и дрововоз — до 30 %. Со второй половины 1649 г. ситуация начинает стабилизироваться, что отразилось как в небольшом росте цен на соль на тотемском рынке, так и в увеличении жалования основным категориям работников-соловаров. Так, за декабрь 1649 — лето 1650 г. размер оплаты труда водолеев вырос на 13 %, тщанника — на 7 %, поваров — на 10 %. И только для пескаря и дрововоза фактически не происходит существенных изменений, за исключением восстановления обычного графика найма последнего.

Обозначенные тенденции позволяют понять особенности складывающегося рынка труда в Московском государстве в середине XVII в. Дрововозы и пескарь вполне могли найти для себя замену места заработка, не обязательно связанного с солеварнями. Их труд ценился низко, но найти работу для них было относительно легко даже в кризисное время. Наиболее устойчивой была позиция работников, которые, с одной стороны, обладали определенным опытом и навыками, с другой, вероятно, отличались выдающимися физическими данными, что давало им возможность легко найти и другую работу сходного типа. Эта комбинация данных делала водолеев и тщанника наиболее конкурентноспособными кандидатами при сокращении спроса на квалифицированные рабочие руки. В то время как наиболее уязвимой категорией работников оказывались узкие специалисты-профессионалы (повара в варнице), для которых изменение конъюнктуры рынка в неблагоприятную сторону было критическим и могло означать потерю существенной части дохода.

А. В. Дедук, А. В. Сергеев, А. Л. Грязнов

Историография служилого землевладения

Историография служилого землевладения Московского государства XVI–XVII вв. изучена сравнительно слабо. Актуальность ее рассмотрения связана, прежде всего, с наличием значительного числа работ по отдельным регионам Русского государства. Учет, систематизация, оценка научной значимости, степень разработанности истории тех или иных уездов необходимы для определения тем, вопросов и задач будущих исследований в данной области.

Служилое землевладение являлось одной из «несущих конструкций» в «здании» Русского государства и в той или иной степени рассматривалось в общих и специальных работах по русской истории учеными XVIII–XIX вв. (М. М. Щербатов, К. А. Неволин и др.). Часть массива копийных материалов из «портфелей» Г. Ф. Миллера и М. М. Щербатова в настоящий момент все еще полноценно не введена в научный оборот. Не был обделен вниманием главный источник, содержащий сведения о землевладельцах XVI–XVII вв. — писцовые книги. В XIX — начале XX в. был издан ряд источников этого вида по Новгородскому, Московскому и другим районам.

Первой специальной работой по теме служилого землевладения стало исследование С. В. Рождественского. С точки зрения подбора источниковой базы и основных выводов эта работа может считаться образцовой и в наше время. С. В. Рождественский сделал несколько важных заключений, подтвержденных позднее в исследовании В. Б. Кобрина. Исследователь пришел к выводу о прямой зависимости положения князей и нетитулованного боярства от служебных успехов в рамках Государева двора. Он считал все вотчинное землевладение в XVI в. служилым.

После революции 1917 г. исследование служилого землевладения ушло «на периферию» советской исторической науки. Только с конца 1940-х годов по этой теме снова появились публикации. Изучение служилого землевладения как основной темы рядом ученых осуществлялась параллельно с выяснением

биографий землевладельцев. Примерами таких работ являются монографии С. Б. Веселовского, А. И. Копанева, Ю. Г. Алексева, В. Б. Кобрин. Позднее сходные подходы в исследовании отдельных регионов успешно реализовывали А. А. Селин, С. В. Стрельников, М. И. Давыдов, А. Л. Грязнов, С. Н. Попов, М. А. Зинько, А. В. Шеков.

Большой массив ценных сведений о районах расположения, размере вотчин и поместий ряда княжеских фамилий содержат исследования О. А. Шватченко, А. П. Павлова. Используя материалы валового письма 20-х годов XVII в. О. А. Шватченко систематизировал сведения о вотчинных владениях служилых землевладельцев. Им были использованы описания приблизительно 80–90 уездов, что составляет около 60 % от общего числа сохранившихся писцовых книг этого периода. Однако в поле зрения ученого не попали фамилии, не имевшие вотчин в указанных районах или владевшие только поместьями. О. А. Шватченко мало учитывал родословные, биографические сведения о землевладельцах, ограничиваясь фиксацией наличия вотчин у служилых людей в тех или иных районах. А. П. Павловым приведены более полные данные о поместьях и вотчинах представителей Государева двора, но часть «второстепенных», «третьестепенных» фамилий в этот обзор не вошли. Тем не менее, именно указанные работы, содержащие наиболее полные данные о расположении, количестве владений, оказывают большую помощь в выяснении вопросов, связанных с эволюцией землевладения служилых фамилий в первом приближении.

Кроме того, к настоящему времени уже имеется значительное число работ по отдельным уездам и регионам Московского государства. В значительной мере они написаны на основе сведений неопубликованных писцовых книг, содержат данные о землевладельцах и их владениях. Многие из этих исследований существуют только в виде рукописей диссертаций и сравнительно мало известны широким кругам ученых (Г. В. Абрамович, В. А. Аракчеев, А. Г. Бахтин, М. В. Биленко, В. М. Важинский, Л. Ю. Варенцова, А. Я. Дегтярев, М. Ю. Зенченко, Ю. Н. Иванов, Е. А. Киселев, Н. В. Козлова, В. И. Кузнецов, Е. В. Липаков, Е. П. Маматова, Д. О. Медведев, Ю. В. Мигунов, С. В. Поздняков, А. П. Синелобов,

Н. В. Соколова, М. С. Суханов, Д. А. Черненко, С. З. Чернов, А. А. Чибис и др.). Отдельные работы издавались, но не всегда в них авторы могли поместить в полном объеме текст своего исследования. В связи с этим возрастает роль историографического исследования, позволяющего оценить вклад каждого исследователя, проанализировать успешность и адекватность подходов и методических приемов.

К. В. Демьянов, Е. М. Попова

**Новгородские кабальные книги 1592–1609 гг.
из личного фонда В.И. Шункова:
актуализация старой историографической проблемы**

В. И. Шунков (1900–1967) — известный исследователь истории Сибири XVII–XVIII вв., однако в его научной деятельности есть малоизвестный сюжет об изучении истории Новгорода и Пскова XVII века. Во время работы над коллективной монографией «История наемного и ремесленного труда в XVII веке» в 1936–1938 гг. в Археографическом секторе Института истории АН СССР В. И. Шунков подготовил к изданию ранее неизвестные новгородские кабальные книги за 1592–1609 гг. по Новгороду и пятинам с 2401 записью кабал и крепостей на людей, извлеченные из девяти книг-переплетов. Издание так и не увидело свет из-за начала Великой Отечественной войны.

Первой к наработкам В. И. Шункова по кабальным книгам обратилась Е. Н. Кушева (1899–1990) еще в 1944 г. В переписке с В. И. Шунковым, который в то время находился в составе действующей армии, она получила от него дружеское благословение на работу с этими источниками для подготовки публикации по истории холопства. Сам же В. И. Шунков на рубеже 1930-х и 1940-х годов окончательно вернулся к разработке проблем истории Сибири, защитил кандидатскую диссертацию в 1940 г. на тему «К истории крестьян Западной Сибири в XVII и начале XVIII века». Однако вопросы, связанные с новгородскими сюжетами, не переставали его волновать. В письме А. Л. Сидорову (1900–1966) в январе 1945 г. В. И. Шунков эмоционально критиковал А. И. Яковлева (1878–1951), называя его работу над новгородскими кабальными книгами псевдонаучной. Уже в 1975 г. Е. Н. Кушева опубликовала статью, посвященную памяти В. И. Шункова, о его работе над новгородскими и псковскими кабальными книгами, ставя вопрос о публикации этого материала. К наследию В. И. Шункова также неоднократно обращался В. М. Панях (1930–2017). В своей посмертной рецензии на работу Хагар Сундберг, посвященной новгородским ка-

бальным книгам 1614–1616 гг., В. М. Панеях акцентировал внимание на необходимости опубликования подготовленного В. И. Шунковым тома.

Подготовленные к публикации В. И. Шунковым кабальные книги хранятся в его именном фонде Архива РАН: фонд 1555, опись 1, дела 108 («Кабальные книги»: черновые наброски и подготовительные материалы к изданию. Автограф. 34 л.) и 109 («Новгородские кабальные книги»: материалы, подготовленные к публикации. Машинопись. 265 л.). В. И. Шунковым были предложены оригинальные принципы сокращения, основанные на возможности для читателя представить себе полный текст любой записи. Каждая книга просматривалась В. И. Шунковым полистно и для каждой он составлял описание и оставлял личные наблюдения. Начальная запись каждой книги предлагается полностью. Сокращению подвергнуты только те записи, которые являются полным повторением сведений уже имеющихся. В рамках работы над изучением сохранившегося наследия В. И. Шункова нами была предпринята попытка оценки актуальности, репрезентативности и ценности для современных исследований истории Новгорода конца XVI — начала XVII в. сведений из новгородских кабальных книг, подготовленных им к публикации еще в конце 1930-х годов. Сделан вывод о необходимости публикации этого уникального источника.

З. В. Дмитриева

Денежный бюджет Кирилло-Белозерского монастыря по описи 1621 г.

Финансовое благополучие церковных учреждений, в том числе монастырей, позволяло обеспечивать монастырских насельников (братию, слуг, служебников, ремесленников и других работников) продовольствием, одеждой, предметами быта, а также всем необходимым для осуществления богослужения. Поступление и расход денежных средств фиксировали в приходо-расходной книге или в двух — в приходной и расходной книгах. Эта документация является основным источником как для изучения истории духовных общин, так и для определения уровня развития торговых и экономических отношений в России раннего Нового времени.

Члены монастырского собора ежегодно ревизовали финансовую деятельность казначая, в преамбуле приходо-расходной книги фиксировали полученные и потраченные денежные суммы и отмечали, что «приход с расходом сшелся». В историографии для обозначения этого явления используется разная терминология: «поступление доходов по статьям», «расход по статьям», «баланс», «денежный бюджет» (Е. И. Колычева, В. И. Иванов, Е. Н. Швейковская, Д. В. Лисейцев, Н. В. Башнин и др.). Термин «бюджет», несмотря на определенную условность его употребления для характеристики экономических отношений в России XVI–XVII вв., на мой взгляд, наиболее точно отражает финансовую деятельность монастырских общин и других церковных организаций. Однако при этом необходимо учитывать, что «бюджет», рассчитанный по материалам приходо-расходных книг, не всегда отражал полную сумму поступивших и потраченных денег, так как эта документация могла не включать часть денежных средств, например, от продажи соли.

Казначею в начале года (1 сентября) по решению монастырского собора на расход выдавали «сундушные» деньги, происхождение которых не указывалось в приходо-расходных книгах. Полные сведения об источниках денежных поступлений

и статьях их расхода отразились (пока выявлен единственный случай) в описи Кирилло-Белозерского монастыря 1621 г. Как известно, монастырские описи представляют собой инвентари, составленные при смене настоятелей, по решению монастырского собора или по инициативе государственной власти с целью контроля над имуществом монастырских общин. Государева комиссия при участии игумена, келаря и монастырских старцев фиксировала состояние храмов, храмового имущества, переписывала казну, книги, архив, монастырские строения, предметы быта, лошадей, скот. В опись также были включены сведения о «хлебных» запасах, которые хранились в житницах. Программа ревизии зависела от причины ее проведения и могла включать перепись разных объектов монастырского строения.

1 декабря 1621 г. по указу Михаила Федоровича комиссия, возглавляемая Елизарием Безобразовым, начала перепись строений и имущества в Кирилло-Белозерском монастыре. В итоге были составлены две отписные книги (ОР РНБ. Кир.-Бел. 73/1312. 468 л.; 74/1313. 655 л.). Комиссия сравнила, что изменилось в монастыре после последней ревизии обители государевыми писцами в 1601 г. (эти сведения отразились в пространной редакции описи — ОР РНБ. Кир.-Бел. 74/1313). В ней подробно зафиксирован весь ущерб, нанесенный монастыре в годы «Смуты», а также монастырский бюджет за год, предшествовавший переписи, что позволят выявить реальные источники денежных поступлений. Они состояли из остатка денежных расходов на 1 сентября текущего года, денежных сборов «по кабалам», «от рыбной продажи», вкладных, «молебных», таможенных, и «волостных» оброчных денег, «вымолных» денег с мельниц, а также денег от продажи монастырского имущества и соли (ОР РНБ. Кир.-Бел. 74/1313. Л. 640 об.—641). Всего в монастырь поступило 2464 руб. 2 алт. и 2 ден., при этом «соляные деньги» составили 1088 руб. 16 алт. 0,5 ден. (44,2 %), а в сумме с «вкладными» и «умбской рыбной продажи» — 1820 руб. 6 алт. 2,5 ден. (73,9 %). Деньги же, собранные с крестьян, немного превысили 7 % от совокупной денежной суммы (180 руб. 14 алт. 3,5 ден.). Из монастырской казны было израсходовано 2384 руб. 10 алт. 2,5 ден. (ОР РНБ. Кир.-Бел. 74/1313. Л. 642 об.—647). В эту сумму, помимо выплат «жалованья» слугам и дворовым

людям, покупок на церковный и монастырский обиход (воска, «фимьяна», ладана, сусального золота, рыбы, масла, меда, капусты, чеснока, огурцов, сукон, крашенин, холстов, кож, рукавиц, дров и прочего «потребного»), включены денежные средства, направленные в Поморские промыслы. Затраты на содержание соляных промыслов не включались в приходо-расходные книги. Как видим, в пространной редакции описи 1621 г. отразились самые полные сведения о движении денежных средств в казне Кирилло-Белозерского монастыря за XVII в.

А. А. Ефимов

**Документы фондов дворцовых управлений
Министерства императорского двора как источник
по истории дворцовых городов
Царского Села, Петергофа и Гатчины**

Дворцовые города, в число которых входили в XIX — начале XX столетия Царское Село, Петергоф и Гатчина, обладали особым административным статусом и находились вне общей системы государственного управления. Они подчинялись не руководству Санкт-Петербургской губернии, а Министерству императорского двора. В составе последнего были сформированы особые структуры — Царскосельское, Петергофское и Гатчинское дворцовые управления. Эти департаменты занимались вопросами городского хозяйства, благоустройства и полицейского надзора, выполняя все функции городской администрации.

Изучение истории этих населенных пунктов, именно как городских организмов во всем многообразии их функционирования, невозможно без обращения к архивным фондам с документами дворцовых управлений. Эти материалы хранятся в собрании Российского государственного исторического архива в составе соответствующих фондов. В первую очередь, это фонды Царскосельского (фонд 487), Петергофского (фонд 490) и Гатчинского (фонд 491) дворцовых управлений, а также фонд Канцелярии главноуправляющего дворцовыми правлениями и городом Царским Селом (фонд 486).

Для исследования особенностей взаимодействия городской администрации с местными жителями, как с рядовыми обывателями, так и с представителями торгово-промышленного сословия, используются делопроизводственные материалы.

При этом их можно условно разделить на две группы и несколько подгрупп. Базовое деление — это входящие и исходящие документы. В свою очередь среди них можно выделять подгруппы по их происхождению. Для входящих документов это будут бумаги, поступившие от частных лиц и частных предприятий, и документы, пришедшие из государственных учреждений.

Для исходящих применимо вышеуказанное деление, но уже по месту назначения направляемых документов, адресованы ли они частным лицам или же административным департаментам.

Входящие документы от городских обывателей и предпринимателей представлены по большей части прошениями, подаваемыми для урегулирования какого-либо вопроса, связанного с имуществом или предпринимательской деятельностью. При этом оформлялись они по стандартному формуляру, зачастую на гербовой бумаге.

В свою очередь документы, поступавшие в дворцовые правления из административных учреждений, значительно разнообразнее по своей типологии и включают как донесения и рапорты от нижестоящих служащих, так и предписания и распоряжения вышестоящих инстанций, а также письма-отношения чиновников одного уровня. При этом отнюдь не всегда они оформлялись по всем правилам делопроизводства того времени. Так, пренебрежение правилами оформления заметно в бумагах, оставленных в дворцовых правлениях как вторые копии или отпуски. В то время как документы, отправленные адресатам, оформлялись строго согласно формулярам разборчивым почерком или (для начала XX в.) набирались на печатной машинке, то отпуски зачастую представляют собой небрежные рукописные черновики с сокращениями, исправлениями и дополнениями. Отличия от официальных исходящих документов проявлялись также в качестве и характере бумаги, когда в первом случае заполнялись специальные бланки, а для отпусков могла использоваться простая бумага, где от руки создавалась имитация официального бланка. В некоторых же случаях использовали и оборотные стороны пустых бланков других учреждений.

Внимательное исследование делопроизводственной документации фондов дворцовых управлений Министерства императорского двора со вниманием к пометам и резолюциям помогает понять причины принятия тех или иных решений по управлению городским хозяйством, раскрыть механизмы взаимодействия администрации с горожанами и предпринимателями, а также обратить внимание на проблемы, с которыми сталкивались чиновники и городские жители.

И. Л. Жеребцов, И. О. Васкул, Т. Е. Гончарова

**Писцовые и переписные книги конца XVI — начала XVIII в.
как источник о демографических процессах
на Европейском Северо-Востоке**

Писцовые и переписные книги являются ключевым источником для изучения демографических процессов, происходивших на Европейском Северо-Востоке в конце XVI — начале XVIII в. К настоящему времени обнаружены и использовались исследователями следующие книги и их фрагменты: по Яренскому уезду — книги 1586, 1608, 1628/29, 1646, 1678, 1707, 1710 гг.; по Пустозерскому уезду — книги 1679, 1711 гг.; по Сольвычегодскому уезду — книги 1620, 1625, 1645, 1646, 1647, 1678, 1682, 1710 гг.; по Хлыновскому уезду — книги 1678 и 1710 гг. (в этот уезд входила небольшая часть территории Коми края на р. Летке).

Источникведческий анализ писцовых, переписных и дозорных книг в целом по России провели Я. Е. Водарский, М. Н. Тихомиров, Л. В. Милов, по Поморью — П. А. Колесников, по Яренскому уезду — Н. П. Воскобойникова, по Коми краю — Л. Н. Жеребцов, М. А. Мацук и И. Л. Жеребцов. Значительная часть указанных выше источников (главным образом, по Яренскому уезду) опубликована в различных изданиях усилиями исследователей А. А. Зимина, А. И. Копанева, Н. П. Воскобойниковой, М. А. Мацука, И. Л. Жеребцова.

Принципиально важно то, что в писцовых, переписных и дозорных книгах содержатся богатые сведения о населении, а именно о населенных пунктах, их местоположении, количестве дворов в них, числе жителей, экономическом и социальном положении последних, миграциях. Ключевая роль писцовых и переписных книг в изучении демографических процессов определяется тем, что это источники массового порядка. Если актывый и другой материал содержит информацию о единичных фактах, то книги охватывают практически всю территорию региона, содержат сведения о значительной части его населения. Чрезвычайно важно, что книги составлялись на протяжении

длительного времени каждые 25–30 лет, благодаря чему можно проследить изучаемые процессы в динамике.

Вместе с тем эти источники имеют ряд существенных недостатков, которые нельзя не учитывать. Во-первых, в книгах фиксировалось не все население. Практически не учитывались женщины (кроме переписи 1710 г. и редких исключений, касающихся вдов-дворовладелиц, церковных провирниц и проживающих в монастырях «старниц» в других книгах). Мужчины также фиксировались не полностью, причем полнота их учета различна в разных книгах (переписные книги 1678–1679 гг. в этом отношении полнее, чем все предшествовавшие). Далее, часть жителей утаивалась самим населением, стремившимся таким путем ослабить налоговое бремя. Особенно значительной эта утайка была в начале XVIII в. Наконец, в книгах возможны пропуски или повторные записи некоторых населенных пунктов, неверные подсчеты количества селений, дворов и жителей.

Во-вторых, в этих источниках фактически отсутствуют сведения о национальном составе населения. Встречаются лишь отдельные указания на этническую принадлежность. В определенной мере этот пробел восполняется при помощи анализа ономастического материала (в частности, топонимов и антропонимов, имеющих этническое содержание), но полной картины эти материалы, конечно, дать не могут. В-третьих, в книгах в большинстве случаев не указаны причины переселений, не всегда называются конкретные направления ухода, крайне редки сведения о приходе переселенцев на Европейский Северо-Восток и о месте их прежнего жительства (правда, существенную помощь в этом вопросе оказывают топонимические фамилии, т. е. фамилии, образованные на основе географических названий тех мест, где раньше жили переселенцы).

Представляется важным продолжить публикацию указанных источников, и в первую очередь переписных книг Сольвычегодского уезда XVII в., а также переписных книг начала XVIII в.

Т. В. Жиброва

«Дела воеводские»: документы вокруг южнорусских таможенных изб и кружечных дворов XVII — начала XVIII в. как массовые источники по экономической жизни России

В Государственном архиве Воронежской области отложился достаточно объемный пласт документов, связанный с организацией таможенного и питейного управления в Воронежском и соседних уездах, в Азове и др. областях. Среди так называемых «воеводских дел» многочисленные документы о выборе таможенных и кабацких питейных голов (эти должности занимал один и тот же человек), ценовые росписи строения и имущества, которые по истечению положенного срока переходили под ответственность нового таможенного и кабацкого аппарата. В разных описях видим челобитные местных жителей своему воеводе с просьбой отпустить их в другие города или на Дон для торговых целей. Все перечисленные документы, как правило, оформлены однотипно и содержат информацию как о повседневной жизни региона, так и об экономической истории юга России.

Выбор верных таможенных и кабацких голов начинался с поиска возможной кандидатуры. В связи с тем, что на юге России грамотных и «охочих» людей для этих целей найти было очень тяжело, главным критерием для занятия должности было то, что человек «душою прям и животами прожиточен», чтобы в случае возможного недобора он смог возместить образовавшийся ущерб. Далее выбранный голова и его помощники — целовальники приводились к присяге в церкви и уже могли приступать к своим нелегким обязанностям. Как представляется, таможенная и кабацкая служба для южнорусских уездов была тяжелой государственной повинностью, связанной со сложной подотчетностью и контролем.

Ценовые росписи, составленные подробно с целью обезопасить нового голову от необоснованных обвинений, к сожалению, в исследовательской литературе практически обделены вниманием исследователей. В них подробно описаны все быто-

вые, служебные и хозяйственные постройки, оставшиеся запасы, утварь, тара, меры, документы и т. д., переходящие от сложившего с себя полномочия верного головы или откупщика. Говоря о степени достоверности этих массовых источников, отметим, что в правильности записей должны были быть заинтересованы обе стороны, так как по истечению срока головства каждый служитель таможенного и кабацкого аппарата должен был отчитаться о получении новых доходов, желательно выше предыдущих.

Ежегодно сведения о количестве собранных пошлин отправлялись в столицу. В настоящее время ведется работа по подготовке к публикации нескольких таможенных книг ряда уездов. По Воронежу интерес представляет записная книга 1705 г., несколько листов которой посвящены поездкам воронежцев на Дон и в другие города, в основном в Москву, Коротояк, Суздаль, Елец, а также на Костромскую ярмарку.

Чтобы выехать из уезда воронежцы составляли челобитную на имя воеводы и указывали цель поездки (на Дон для торгового промыслу, «для соляной покупки» и т. д.) и количество отъезжающих человек. На протяжении XVII столетия вид челобитной менялся, формулировки становились более однообразными, что может в свою очередь свидетельствовать о массовом характере подобных документов. Именно через юг России велась торговля с донскими казаками, отсюда привозили соль, табак и другие товары.

Отметим, что документация на местах, содержащая информацию о делопроизводстве и функционировании таможенного и кабацкого дела, нуждается в строгой систематизации. История формирования всероссийского рынка была бы неполной без изучения материалов, хранящихся в провинциальных архивах.

Л. М. Иванов, О. С. Гожалимова

Писцовые описания Рыбной слободы Ярославского уезда XVII в.

Писцовые описания — неотъемлемая часть разверстки и взимания налогов в Русском государстве и важный источник по экономике и демографии той или иной местности или поселения. В данном докладе анализируются писцовые книги Рыбной слободы XVII в. Первое известное на сегодняшний день описание Ярославского уезда письма Романа Алексеева 1469/70 г. В этот момент слободы еще не существовало, она могла появиться в период борьбы Ивана III со своим братом Андреем Большим Углицким в период между 1473 и 1486 гг. Первое современное возникшей Рыбной слободе писцовое описание Ярославского уезда письма Якова Дмитриевича Морозова и Ивана Тучко Васильева сына Долматова — 1500–1501 гг.

На протяжении XVII в. Рыбная слобода была охвачена как общегосударственными переписями, так и ведомственными описаниями дворцовых уездов и волостей, проводившимися Приказом Большого Дворца.

Первым дошедшим до нас «валовым описанием», в котором упоминается Рыбная слобода «в Оносовском приселке» Черemoжской волости Ярославского уезда, является писцовая книга Московской половины Ярославского уезда Ивана Никитича Головина и подьячих Тимофея Андреевича и Никона Федорова 1626–1629 гг. Окрестности Рыбной слободы (например, село Стерлядево, чьи земли граничили со слободой) описывались с участием писцов Мирона Хлопова с товарищами в 1628 г., где само село описано как находящееся «в Черemoжской волости Рыбной слободы Болобановского приселка».

В 1631 г. Перфильем Секериним и подьячим Григорием Софоновым было выполнено первое ведомственное описание Рыбной слободы. Писцовая книга до нашего времени, скорее всего, не сохранилась, но на ее данные неоднократно ссылались при следующем ведомственном описании слободы в 1674–1676 гг.

Для обоих писцов это задание было новым по описываемой территории, но в писцах им уже довелось бывать.

В 1645–1646 гг. проведение переписи в Ярославском уезде совпало с процедурой передачи в кормление восьми ловецких слобод в Ярославле и трех (включая Рыбную) — в Ярославском уезде князю А. М. Львову Ярославскому. В предисловии к переписной книге прямо указано на это. В состав переписных книг города Ярославля, дворцовой Юхотской волости, монастырских вотчин и ловецких слобод переписи Тимофея Алексеевича Собакина и подьячего Ильи Кирилова входит «Слобода Рыбная ловецкая в уезде». В публикации 1917 г. писцовой книги Рыбной слободы 1674–1676 гг. год писцового описания указан с ошибкой в 10 лет.

Перепись 1674–1676 гг. также предшествовала передаче в кормление Б. М. Хитрово. Но в наказе писцам — стольнику и дьяку Михаилу Русинову о подготовке такой передачи не говорилось. Писцовая книга Рыбной слободы 1674–1676 годов — пример не общегосударственного, а «ведомственного» описания Приказом Большого Дворца.

Результаты этого описания дошли до наших дней в виде описания г. Углича, писцовой книги посада Мологи Угличского уезда и писцовой книги Рыбной слободы. Все они были опубликованы в период с середины XIX в. по 1917 г.

При этом публикация писцовой книги Рыбной слободы была сделана по списку, хранившегося в бумагах С. А. Хомутова. Публикатор книги И. Н. Ельчанинов отмечал со ссылкой на описи Архива Министерства юстиции, что оригинала писцовой книги не сохранилось. Вместе с тем, в ОР РНБ в фонде 550 («Основное собрание рукописной книги») хранится еще один список писцовой книги Рыбной слободы начала XVIII в., принадлежавший спустя столетие городскому голове Попову. Сравнительное изучение списков показывает необходимость их дальнейшего исследования, и, желательно, нового издания этого источника. Причем за основу должен быть взят именно «список Попова», хранящийся в РНБ. Более точные сведения этого списка, касающиеся общего количества дворов Рыбной слободы, отмечались исследователями и ранее. В коллекции Рыбинского музея-заповедника хранится еще один экземпляр «списка Попо-

ва», снятый с оригинала в XIX в. «Список Попова» использовался настоятелем Спасо-Преображенского собора М. И. Гомилевским при написании им в первой половине XIX в. своих сочинений по истории Рыбной слободы и ее храмов.

Опубликованный в 1917 г. «список Хомутова» прямо указывает, что он снимался с копии писцовой книги: «У подлинной выписи стольника Михаила Федоровича приложена печать, а по листам скрепа такова приписал подьячей Михайла Русинов. К сей копии поверенной рыбнослободской купец Афонасей Ильинской руку приложил». Список Попова из РНБ содержит более точный формуляр завершения описания: «А у подлинных писцовых книг писец столник Михайло Федорович Самарин печать свою приложил. Справа подьячего Михайла Русинова оу книг всякаго листа».

Вместе с тем, каждый из списков содержит имена тех или иных жителей слободы, не упоминающихся в другом списке. Поэтому при издании необходимо провести сверку упоминаний. Наряду с другими документами XVII в. и писцовыми описаниями Рыбной слободы первой половины XVII в., а также переписи слободы 1711 г. это поможет созданию в будущем просопографической базы данных слободских жителей.

Писцовые книги XVI в. как источник по исторической эпидемиологии

Писцовые книги имеют давнюю историю изучения, но до сих пор исследователи не рассматривали их как источник по исторической эпидемиологии. Между тем, этот источник предоставляет богатый исторический материал по данной теме.

В писцовых книгах XVI в. содержатся указания на «мор», «моровое поветрие», «лихое поветрие» как причину опустынивания сел и деревень. Чаще эти указания встречаются в новгородских писцовых книгах, реже — в писцовых книгах других территорий Московского государства.

В абсолютном большинстве случаев данные писцовых книг совпадают с летописной хронологией эпидемий. То есть, если в писцовых книгах, например, сказано о моровом поветрии 1552–1554 гг. в Новгородской земле, то этот факт точно совпадает с известием летописей. Но в отдельных немногих случаях такого совпадения нет. Например, в писцовых книгах Деревской пятины есть указания на эпидемию 1514–1516 гг., но летописи и другие источники не подтверждают этого. Объяснить это можно особенностями составления писцовой книги. Она составлялась со слов местных жителей (старожильцев) иногда спустя десятки лет после эпидемии, поэтому опрашиваемые могли ошибиться в датировке «мора».

Данные писцовых книг, освещающие последствия крупных эпидемий, совпадают с летописными данными и в географическом отношении. Например, если в писцовых книгах содержатся указания о запустении земель, сел и деревень во время эпидемии 1532–1533 гг. только в Новгородской области, то это точно соответствует летописному известию о моровом поветрии 1532–1533 гг., поразившем именно эту территорию.

В целом, данные писцовых книг отличаются точностью и достоверностью. В них указываются названия сел, деревень, слобод, улиц, храмов, количество пашенной земли и дворов, запустевших в «моровое поветрие», в отдельных случаях — даже

имена и прозвища крестьян и посадских людей, вымерших во время мора.

Писцовые книги освещают демографические последствия крупных эпидемий, случившихся на Руси в XVI в., а именно эпидемий 1532–1533 и 1552–1554 гг. в Новгородской земле, 1566–1568 и 1570–1572 гг. на большей части территории Московского государства.

Согласно данным новгородских писцовых книг, в эпидемию 1552–1554 гг. вымерли десятки деревень, пострадали все пятины Новгородской земли. Это стало причиной демографического кризиса, который подорвал экономический и боевой потенциал русского северо-запада перед Ливонской войной.

Согласно писцовым книгам новгородских земель, а также других территорий Московского государства, в 1566–1572 гг. от эпидемий, голода и военных действий пострадали почти все новгородские земли, тверские, микулинские, ярославские (Угличский уезд), переяславские, московские, тульские (в особенности Каширский уезд), рязанские. Как видим, в основном это северо-западные и северо-восточные территории Московского государства. Масштаб депопуляционных процессов в конечном итоге определить трудно, так как мы располагаем неполными данными.

Данные писцовых книг позволяют говорить о запустении не только сельской местности во времена эпидемий и голода 1566–1572 гг., но также и городских посадов. Особенно ценны в этом отношении писцовые книги городов Кашира и Можайск с уездами, в которых приведены данные о посадских дворах и слободах, запустевших «от мору» в 1570–1571 гг.

Если сравнить писцовые книги северо-западных и северо-восточных русских земель конца XV и первой половины XVI в. с писцовыми же книгами второй половины XVI в., то увидим разительный контраст: в первом случае растут деревни и ставятся починки, население прибывает, во втором — деревни пустеют, население резко сокращается, доходы с земельных владений также резко падают. Создается впечатление, что вторая половина XVI в. прошла на Руси под знаком демографического кризиса, условиями которого были войны, эпидемии, голод, опричные опустошения. Масштабы этого кризиса нарастали. Если в 1550-е годы

в результате эпидемии 1552–1554 гг. исчезли десятки деревень, то в 1570-е годы деревни исчезали сотнями.

Таким образом, писцовые книги предоставляют исследователю темы исторической эпидемиологии и исторической демографии богатый и разнообразный материал, который подтверждается другими источниками — летописями. Этот материал проливает свет на демографические последствия крупных эпидемий, поражавших русские земли в XVI в., и выявляет роль эпидемического фактора в русской истории.

**Служилый «город» Луховского уезда в первой трети XVII в.
по материалам писцовой книги 1627–1629 гг.**

Изучение луховской дворянской корпорации весьма затруднено из-за утраты всех десятен по Луху, которые погибли в пожарах 1626 и 1812 гг. До нас дошел лишь алфавит самой ранней из луховских десятен, составленной в 1580/81 г. Кроме того, сохранился список лушан, служивших Лжедмитрию II весной 1609 г. Еще один смотренный список содержит имена лушан, находившихся под Смоленском в полку боярина М. Б. Шеина. Наконец, сохранился «подлинный» список лушан дворян и детей боярских 1636/37 г. Состав выборных дворян по Луху известен из текстов Боярских книг и списков. Лушане, получавшие жалование из Четей, упоминаются в кормленых книгах. Количественные параметры и характер служб дворянской корпорации отражены в разрядных книгах. Определенные сведения содержат и актовые материалы.

Но лишь материалы валового описания 1627–1629 гг. позволяют с большой долей достоверности установить состав луховского служилого «города» в период между окончанием Смутного времени и Смоленской войной 1632–1634 гг.

Подлинник писцовой книги Луховского уезда письма и меры Михаила Михайловича Трусова и подьячего Федора Витовтова 1627–1629 гг. сохранился не полностью — без начала и конца. Список XVII в. за скрепой дьяка Степана Венедиктова так же имеет потери. Полностью сохранился список 1746 г. за справками канцеляристов Матвея Афанасьева и Андрея Тебенкова. Именно он, несмотря на наличие ряда погрешностей, позволяет с максимальной точностью решить поставленную задачу.

Писцовая книга 1627–1629 гг. содержит имена 318 луховских землевладельцев, в том числе 127 бывших. Естественно, из этого числа следует исключить помещиков и вотчинников, входивших в состав Боярской думы, Государева двора, дьяков, подьячих, дворцовых служителей, иноземцев, поместного атамана, стрелецкого сотника, а также представителей других «служи-

лых» городов, прежде всего Коломны. Это совсем не просто, так как некоторые из них ранее входили в состав луховского «служилого» города, либо вернулись в его состав позднее. Это же касалось и их детей.

Служившие на момент писцового описания в жильцах Кучины и Черницыны в дальнейшем вошли в состав луховского «служилого» города. В жильцах служил сын лушанина Владимира Плаутина Матвей, сыновья Ивана Скрипина Степан и Тихон. То же самое можно сказать о потомках стремянных конюхов Афанасия Айгустова, Ивана Ярыгина, дьяка Дороги Хвицкого, подлючника Власа Тиронова, иноземца Станислава Подолецкого. Землевладельцы, имевшие одно родовое прозвище, могли служить по Луху и входить в состав государева двора. В частности, Смышляй Степанов сын и Каллистрат Сунгуров сын Айгустовы служили по Луху, а Афанасий Иванов сын Айгустов был стремянным конюхом. По Луху служил Петр Савинов сын Лодыгин, а Дмитрий Васильев сын Лодыгин был дворянином московским. Не был редкостью и переход в луховскую служилую корпорацию из других городов. В лушане перешли из Козельска братья Юрий и Иван Чуфаровские, из Белой — Нефедий Шепелев, из Мещевска — новокрещен Апаи Маметев, из Юрьева-Польского — Курцевы.

Как следует из писцовой книги в 1627–1629 гг. в Луховском уезде владели поместьями и вотчинами 57 человек, которые имели отношение к луховскому «служилому» городу. Среди них было 8 выборных дворян, 35 дворовых и городских детей боярских и 6 недорослей. Кроме того, землями владело 5 вдов и 3 дочери луховских служилых людей. Во время составления книги три человека выбыло в состав государева двора. Выборный дворянин Петр Васильев сын Зайцев был пожалован в дворяне московские. А недоросли Маркел Анфиногенов сын Муханов и Никон Владимиров сын Шепелев — в жильцы. Цифры эти неполные. Часть лушан, согласно писцовой книге, не имела в уезде ни поместий, ни вотчин. Например, городские дети боярские Иван Гаврилов сын Чуфаровский и Первой Григорьев сын Глазов, известные по другим источникам. Тем не менее, данные писцовой книги наиболее полно отражают состав «служилого» города в тот период.

Кроме того, материалы писцовой книги содержат данные о 62 бывших землевладельцах, служивших по Луху. Среди них 5 выборных дворян, 49 детей боярских, 6 вдов и 2 дочери. Большинство из них к этому времени умерло. Хотя встречаются и иные причины потери поместий. Например, известный деятель периода Смуты дьяк Никанор Шульгин, служивший по Луху, попал в опалу и был сослан в Сибирь. Его поместья были конфискованы.

Писцовая книга со всей очевидностью свидетельствует о сокращении доли луховского «служилого» города в общем количестве землевладельцев уезда. Если среди прежних землевладельцев почти половину составляли представители местной служилой корпорации, то к 1627–1629 гг. этот показатель составил чуть больше четверти (57 человек из 191). Основная причина — массовая раздача в поместья дворцовых земель в Семеновской и Филисовской волостях в годы Смуты представителям городских служилых корпораций, пострадавших в этот период.

М. В. Карпова, Ю. В. Степанова

Территориальная организация Торопецкого уезда XVI–XVII вв. в писцовых описаниях *

Торопецкая земля с середины XIII в. являлась частью Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ) и вошла в состав Московского государства по перемирной грамоте 1503 г. Целью настоящего исследования является характеристика территориальной организации торопецких земель на поздних этапах нахождения в составе ВКЛ и в XVI–XVII вв.

Историческая география Торопецкой земли и восточных районов ВКЛ привлекали внимание исследователей со второй половины XIX в. (см. работы М. Ф. Довнар-Запольского, М. К. Любавского, И. И. Побойнина, Л. В. Алексеева, Л. А. Басальго и В. Л. Янина, В. Н. Темушева).

Источниками исследования являются писцовые описания и актовые материалы. Наиболее полно характеризует территорию уезда XVI в. писцовая книга письма Александра Давыдовича Ульянина и Тимофея Степанова сына Бибикова 1540 г., сохранившаяся в списке, изготовленном в Москве в период между 1555 и 1569 гг. В нем содержится описание города Торопца и волостей уезда, а также специфических территориальных единиц — перевар. Территориально-административную систему Торопецкого уезда XVII в. характеризует писцовое описание 1627–1631 гг. письма Дмитрия Ефимьевича Воейкова и Федора Протопопова, содержащее описание поместных, вотчинных и монастырских земель (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 888, № 8165, 8166). Торопецкие волости упоминаются в ряде литовских грамот второй половины XV в., а также в перемирных грамотах 1503 и 1522 гг.

Имеются также поземельные акты XVI–XVII вв., характеризующие землевладение в Торопецком уезде, в том числе владения Кудинского монастыря, служилых людей Голенищевых,

* Исследование проведено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-01089.

Зеленых, Кафтыревых и др. Сведения о топонимике уезда содер­жатся в документах Торопецкой приказной избы второй по­ловины XVII в.

Перечень торопецких волостей, содержащийся в перемир­ной грамоте 1503 г., дает представление о составе Торопецкого повета на поздних этапах его нахождения в составе Литовского государства. Это волости Данковская, Казаринская, Любута, Ту­ра, Старцова, Нежелская, Дубна, Рожна и Бибирево, а также Ве­лижская, Плавецкая, Озерская и Жижецкая, не включенные в описание Торопецкого уезда 1540 г.

Территориально-административная система Торопецкого уезда XVI в. подробно охарактеризована в писцовой книге 1540 г. В книге можно выделить две крупные части. Первая часть — описание черных земель, относящихся к Торопецкой, Старцо­вой, Любутской, Турской, Столопенской, Данковской, Стрежин­ской волостям. Текст описания черных земель состоит из руб­рик, посвященных отдельным волостям, а внутри волостей — переварам.

Во второй части книги помещено описание поместных зе­мель, относившихся к Казаринской волости, Сережской волости или переваре, Замошской, Желинской, Болобинской, Пантелеев­ской переварам и области Дубна. В тексте описания поместных земель рубрикация «волость — переvara» не соблюдается.

Специфическими территориальными единицами Торопец­кого уезда XVI в. являлись переvarы. В XVI в. на территории уезда находилось не менее 13 переvar. Локализация их населен­ных пунктов по данным описания 1540 г. показала, что они представляли собой компактные территории с поселениями бортников. Актуальность деления на переvarы в Торопце в 1540-х гг. свидетельствует о сохранении бортного хозяйства в первой половине XVI в., хотя и в состоянии упадка (зафиксиро­ваны запустевшие поселения бортников).

Описание 1627–1631 гг. отражает изменения в территори­альной структуре Торопецкого уезда. Прежде всего, изменяется состав волостей, который включал Старцову, Казаринскую, Дан­ковскую, Порецкую, Грядецкую, Турскую, Любуцкую, Кудин­скую, Стрежинскую, Струскую, Ызбудецкую, Обизерецкую, Нежелскую волости. Таким образом, на территории Торопецкого

уезда в XVII в. появились новые волости, ряд которых образовался на месте перевар. Из собственно перевар сохранилось только три. В то же время, в писцовой книге 1627–1631 гг. зафиксирована принадлежность ряда поселений и их скоплений к десяткам. Возможно, принадлежность поселений к десяткам стала более актуальной в связи с уходом в прошлое деления на перевары.

Результаты локализации территориальных объединений Торопецкого уезда отражены в веб-ГИС, размещенной в сети Интернет: https://histgeo.ru/our_projects/project/2/ .

**Метрические книги православных церквей Минусинска
как источник по истории городского населения
во второй половине XIX в.**

На современном этапе актуальными продолжают оставаться исследования по исторической демографии. В поле зрения ученых такие вопросы как состав населения, брак и семья, естественное движение населения. Историко-демографические исследования развиваются на основе комплексного использования разных видов источников. Авторы исследуют как первичные материалы, так и агрегированную информацию. Особое место занимают материалы массового церковного учета населения. Введение в научный оборот церковных источников позволяет рассмотреть различные аспекты народонаселения определенного региона. В метрических книгах содержится детальный анализ демографической информации, начиная с акта рождения, бракосочетания и смерти.

В рассматриваемый период Минусинск являлся одним из мононациональных городов Сибири с преобладающей долей русского населения. Среди всех конфессиональных групп доминировала группа православных. В Минусинском городском архиве хранятся метрические книги прихожан Спасского собора за 1857–1898 гг. (ф. 12) и Троицкой церкви за 1875–1898 гг. (ф. 59). Спасский собор и Троицкая церковь находились в ведении Енисейской епархии. Метрические книги Минусинска велись по тому же принципу, что и в других российских городах. Структура ведения метрических книг была общей для всех. Как правило, они состояли из трех основных частей: «О рождении», «О бракосочетании» и «Об умерших». Все три тематических раздела метрических книг содержат ценные сведения по истории городского населения. В конце сведений по каждой церкви подводились итоги, т. е. составлялись специальные таблицы, в которых подсчитывалось общее количество рожденных детей мужского и женского пола в течение года, при этом учитывалось число законнорожденных и незаконнорожденных. Таблицы учитывали

количество браков и супружеских пар, а также общее количество умерших мужчин и женщин. Отдельно была представлена таблица, в которой расписывались по возрастным группам и полу умершие, фиксировались причины смерти. Составленные таблицы являлись своеобразным подведением итогов. Создание базы данных позволит изучить соотношение возраста женихов и невест, сезонное распределение браков и крещений, возрастные особенности смертности и ряд других вопросов.

Обработка метрик начинается с так называемого агрегативного анализа, который включает распределение крещений (рождений), похорон (смертных случаев) и венчаний (заключенных браков) по месяцам, по годам, а в сельской местности — по времени сбора урожая (июль-август). На основе данных о численности населения прихода вычисляются рождаемость, смертность и брачность населения. Таким образом, первоначальную характеристику демографических показателей прихода можно получить при агрегативной обработке первичных материалов. Брачность русского населения во второй половине XIX в. характеризовалась неравномерным распределением браков в течение года. Помесячные колебания в количестве заключенных браков были связаны с религиозными и экономическими факторами. Относительное количество свадеб в городе варьировалось по месяцам. Для большинства горожан была свойственна единая модель демографического поведения. В городе господствовала посезонная ориентация при заключении браков. Посезонное распределение смертей показало, что пик летальности приходился на зиму и лето. На протяжении всего изучаемого времени в городе сохранялся высокий уровень смертности. Особенно высокой была детская смертность, что было обусловлено плохим состоянием медицины, антисанитарной обстановкой, частыми эпидемиями и низким культурным уровнем развития населения. На протяжении всего рассматриваемого периода наблюдались колебания рождаемости и смертности. В целом демографический баланс оставался положительным.

Документы о народонаселении церковного происхождения с одной стороны, являются ценным источником в изучении демографических процессов, с другой стороны, существует ряд проблем, связанный с достоверностью и точностью данных до-

кументов. В работе с метрическими книгами существуют такие недостатки, как нерегулярность и неточность данных, отсутствие некоторых сведений, небрежность и невнимательность в заполнении граф, а также плохая сохранность источника. При более подробном исследовании актов учета населения Минусинска были замечены ошибки в возрастах молодоженов с тенденцией аккумуляции этих возрастов, неточности в персональных данных. В то же время агрегированный анализ метрических книг позволяет изучить многие вопросы демографического развития сибирского города в эпоху модернизации.

Экономические примечания к Генеральному межеванию по Устьсысольскому уезду как источник по изучению социально-экономического развития Европейского Севера в конце XVIII в.

Как исторический источник по социально-экономической истории региона, его хозяйственной деятельности во второй половине XVIII в. Экономические примечания к Генеральному межеванию (т. н. «Павловский вариант Кратких экономически примечаний»), составленные на основании указа Межевой комиссии 1782 г. и Наставления к Атласам Генеральных планов 1797 г.), позволяют современным исследователям более глубоко и подробно изучить социально-экономическую историю Европейского Севера и его отдельных регионов в конце XVIII в.

Дело в том, что в соответствии с вышеназванными документами был расширен и систематизирован круг вопросов к землемерным партиям и ужесточены требования к описанию городов и уездов.

Экономические примечания к Генеральному межеванию по Устьсысольскому уезду теперь кроме статистических (расстояние населенного пункта от уездного города, количество дворов, половой состав жителей (по последней ревизии и на момент составления примечаний) в поселении, количество земли (под поселением, пашней, сенокосом и лесом)) и топографических (местоположение населенного пункта с указанием топонимических названий рек, озер, ручьев, оврагов и главных торговых путей, расположенных в границах волостей и уездного города) данных более полно стали описывать социально-экономическое развитие уезда и уездного города.

При описании любого волостного населенного пункта в уезде и уездного города теперь фиксировались: во-первых, перечислялись основные каменные и деревянные строения в населенных пунктах; во-вторых, описывались вид и плодородие почв, пригодного для посева зерна и других растений, качество сенных покосов и земельных владений (с указанием: имени вла-

дельцев (жители поселения, купцы, владельцы заводов, казенные учреждения), кем они обрабатывались (самими владельцами, наемными работниками или теми, кому эти земли отдавались в оброк) и по какой цене; в-третьих, перечислялись водные ресурсы (реки, ручьи, заливы, озера, колодцы), качество питьевой воды в них, время судового хода по рекам, качество леса и виды зверей, птиц и рыб, обитающих в них; в-четвертых, число мельниц с количеством поставов и объем их производства и размер приносимого ими дохода; в-пятых, взимаемый с крестьян налог, их традиционные занятия (хлебопашество, отхожие промыслы на заводах, наем на работу, охота, рыбные промыслы и т. д.), а также занятия женщин в свободное от посевной работы время.

Отдельно описывались железоделательные заводы: имя владельцев, основные строения на заводе (мельницы с поставами, магазины и торговые лавки, гостевой дом, помещения для наемных работников), количество доменных печей и молотов и способы приведения их в действие, количество и качество выпускаемого чугуна и железа, объем и цена его производства и продажи, места продаж и способы доставки товара к ним, наличие амбаров, складов, речных пристаней, корабельных верфей, сенных покосов, рудных мест (с указанием качества и количества добываемой руды) и лесных угодий для производства угля и объем и способы его доставки.

При описании города Устьсысольска кроме описываемых как и в уезде природно-климатических условий, отмечались: во-первых, общее количество каменных и деревянных зданий, церквей (и использование части их помещений в качестве торговых лавок), присутственных мест, торговых и винных магазинов и лавок, училищ, аптек, больниц, богаделен и гостиного двора; во-вторых, указывалось количество дворянских, купеческих, мещанских и крестьянских дворов и закрепленных за ними земельных владений в самом городе и на городской заселенной и незаселенной выгонной земле; в-третьих, подробно перечислялись бакалейные и галантерейные товары, продаваемые в городских магазинах и лавках, время приведения еженедельных торгов съестными продуктами и ежегодных уездных ярмарок с перечнем товаров и продуктов питания, продаваемых на них и

откуда они доставляются на ярмарки; в-четвертых, указывалось наличие в городе предприятий мелкой промышленности и ремесленных мастерских.

Кроме того, по материалам Примечаний возможно узнать общее количество категорий земель в волости, процент этих земель от всей земли и количество земель на двор и д. м. п.

Подобная информация позволяет современным исследователям использовать ее при изучении социально-экономического развития Европейского Севера в конце XVIII в.

**Ревизские сказки как источник о численности и составе
российского купечества в конце XVIII — первой половине
XIX в. (на материалах Енисейской губернии)**

Ревизские сказки — один из основных источников информации о целом ряде структурных характеристик российского купечества: численности владельцев капиталов, их социальном, региональном и этническом происхождении, о людности и составе купеческих семей. На них базируются исследования многих авторов, в частности подробный анализ информационных возможностей ревизских сказок применительно к истории купечества представлен в работах Г. Н. Ульяновой. Охарактеризовать потенциал данной группы источников на конкретном примере позволяет обращение к материалам ревизий городского населения Приенисейского края (территории, вошедшей в 1822 г. в состав Енисейской губернии, а до этого подчинявшейся Томску и Иркутску).

В конце XVIII — первой половине XIX в., т. е. с екатерининских преобразований, законодательно определивших нормы функционирования института гильдейского купечества на многие десятилетия, до гильдейской реформы начала 1860-х годов, было проведено семь ревизий: IV (1782 г.), V (1795 г.), VI (1811 г.), VII (1815 г.), VIII (1835 г.), IX (1850 г.) и X (1858 г.). Однако материалы не всех из них в равной мере дошли до наших дней. Наиболее полный комплект ревизских сказок отложился по Красноярску; для остальных городов рассматриваемого региона (Енисейска, Ачинска, Минусинска, Канска и Туруханска) это данные последних двух ревизий.

Благодаря ревизским сказкам прежде всего можно выявить и проанализировать изменение численности купечества. Особенности демографического учета в XVIII–XIX вв. обусловили наличие в источниках и литературе подчас довольно существенных расхождений в оценке численности населения конкретных населенных пунктов. Коснулось это и рассматриваемого региона. Если основываться на данных ревизий, то динамика числен-

ности купечества приенисейских городов выглядит следующим образом: в 1782 г. всего насчитывалось 26, в 1795 г. — 32, в 1811 г. — 47, в 1815 г. — 53, в 1835 г. — 67, в 1850 г. — 163, в 1862 г. — 279 купеческих семей; среди же владельцев капиталов встречались и женщины.

Другая важная проблема, на которую проливают свет материалы ревизских сказок, — вертикальная мобильность купечества. При сопоставлении собранных в ходе IX и X ревизий сведений о Енисейской губернии вырисовывается следующая картина: из 118 семей, состоявших в местном купечестве в 1850 г., через восемь лет сохранили свой социальный статус лишь около 56 %. При этом нужно иметь в виду, что ревизские сказки не всегда в полной мере отражают изменения в составе купечества, происходившие между ревизиями: например, некоторые купцы за это время несколько раз успевали перейти из одной страты в другую.

В ряде случаев (но не всегда) в ревизских сказках указывался год записи в купечество того или иного города, а также местность и категория населения, из которых вышел купец, иногда можно встретить и указание на этническую принадлежность торговцев (если речь шла о евреях, «принявших российское подданство» или сибирских «инородцах»). Ревизские сказки отражают также структуру купеческих семей, позволяют проанализировать традиции имянаречения, свидетельствуют о грамотности владельцев капиталов, удостоверявших приводившиеся сведения собственноручной подписью.

Таким образом, одним из главных достоинств ревизских сказок можно считать многогранность содержащейся в них информации, характеризующей численность и состав купечества, некоторые присущие ему социокультурные характеристики. Думается, что потенциал данных источников еще далеко не полностью исчерпан для реконструкции истории купечества не только Енисейской губернии, но и многих других регионов нашей страны. К минусам работы с ревизскими сказками относится их фрагментарная сохранность, неполное освещение или отсутствие сведений о том, что происходило с конкретным человеком между ревизиями. Все это влечет за собой необходимость сопоставления данных ревизских сказок с другими материалами

первичного учета населения и сведениями о его экономической активности: обывательскими, окладными и метрическими книгами, поименными списками владельцев капиталов, ведомостями о проверке торговли и др. Несомненно, что только в этом случае возможно наиболее объективное отражение ситуации и выявление характерных для развития купечества тенденций.

А. А. Космовская

**Опыт работы с финансовыми материалами
центральных и местных учреждений XVIII в.
(на материалах Прикамья)**

Материалы, которые характеризуют финансовую сторону работы провинциальных и воеводских администраций XVIII в., довольно разнообразны. При хорошей сохранности фондов центральных и региональных учреждений можно обнаружить тысячи дел, посвященных разным сторонам экономической деятельности местных органов власти. В таком случае возникает необходимость первичного отбора сведений, которые могут быть использованы в работе. Материалы по финансовой истории территории Прикамья (Соликамский, Чердынский, Кунгурский уезды) представлены в фондах № 273, 439, 444, 576, 955 РГАДА. В первом из перечисленных фондов («Камер-коллегия, гг. Москва, Петербург») сохранилась отчетность провинциальных и воеводских учреждений XVIII в., а остальные содержат сходные материалы, хранившиеся на местах. При просмотре дел фондов изучались рапорты, перечневые таблицы, счета, приходные книги, экстракты, некоторые другие разновидности документации. Целью исследования было составление детальной картины всех окладных и неокладных сборов на протяжении периода функционирования в Прикамье воеводских органов власти (до создания Пермского наместничества в 1781 г.). Общий объем документации достаточно значителен, а возможности заказа материалов в РГАДА были ограничены (не только проживанием автора в Перми, но и общей эпидемиологической ситуацией в 2020–2021 гг.). После изучения разновидностей документации провинциальных и воеводских канцелярий выяснилось, что для составления общей таблицы по сбору налогов наиболее репрезентативными источниками оказались перечневые таблицы, рапорты и экстракты. Если речь идет о сборе данных на протяжении длительного периода (более 50 лет), то на первом этапе исследования можно ограничиться заказом данных категорий документов. После составления общего представления о налого-

вой ситуации в регионе можно уже расширять источниковую базу за счет других материалов. Наименее информативными при этом окажутся рапорты начала 1730-х годов, когда формуляр еще не предполагает приложения краткой таблицы со всеми нужными сведениями. Ранние документы имели значительный объем (более 200 листов), а подсчет сведений о поступивших сборах приходилось вести самостоятельно. В дальнейшем рапорты упрощаются, появляется их краткая форма (например, «Репорт перечневой Пермской провинции о кабацких и канцелярских разных сборах денежной казны 1757 г.»). При работе с описями фонда № 273 выяснилось, что все имеющиеся отсылки к Прикамью надо проверять полностью. Особенно это касается доношений, которые могли содержать самую разнообразную информацию. В частности, в фонде № 273 в делах с заголовком «Доношение пермской провинциальной канцелярии» находились краткие и перечневые рапорты пермской провинциальной канцелярии и соликамской воеводской канцелярий. В целом опыт изучения финансовой истории Прикамья привел автора к заключению о необходимости выявлять в первую очередь отчетность, имеющую устоявшийся формуляр (за 1750–1770-е годы) и сверять полученные данные с разнообразной документацией местных учреждений. На втором этапе исследования были привлечены прочие виды финансовой документации центральных и местных учреждений для сверки данных и выявления причин недоимочности. Прделанная работа позволила составить представление о финансовой стороне деятельности местных учреждений Прикамья.

А. А. Куреньшев

**Массовые источники по истории хлебозаготовок,
коллективизации и голода в СССР
конца 1920 — начала 1930-х годов**

Проблема взаимоотношений крестьянства и государственной власти является одной из ключевых для понимания российской специфики. В ее рамках особую значимость приобретает изучение отношений государства и сельского населения в переломные для страны периоды. В 1930-е годы в ходе кратковременного и грандиозного по масштабам аграрного переворота произошла насильственная ликвидация крестьянства как класса свободных мелких товаропроизводителей.

Современные исследовательские подходы связаны с активным приращением источниковой базы в результате «архивной революции», появлением новых исследовательских подходов: социальной истории, микроистории, социальной антропологии, истории повседневности и т. п. В конце 1920 — начале 1930-х годов основной натурально-продуктовой податью в сельскохозяйственных регионах России как по субъективной тяжести для крестьян, так и по объемам и стоимости изъятия были централизованные хлебозаготовки, в рамках которых вне зависимости от официального наименования методов их осуществления происходило практически неоплачиваемое и принудительное отчуждение в пользу государства произведенного в колхозах и единоличных хозяйствах зерна. В исследуемый период ежегодное проведение хлебозаготовок приобретало характер хозяйственно-политических кампаний. На организацию заготовок направлялись основные усилия органов партийного и государственного управления в аграрной сфере. Целостную картину функционирования и развития хлебозаготовительной системы невозможно реконструировать без детального изучения региональной специфики. Одним из важных хлебопроизводящих районов СССР в 1930-е годы оставалась Сибирь.

Роль сибирского хлеба традиционно возрастала в условиях неурожая в европейской части страны. В регионе ярко проявля-

лись многие особенности и противоречия как отдельных заготовительных кампаний, так и хлебозаготовок 1930-х годов.

Анализ литературы по истории хлебозаготовок в 1930-е годы показывает, что наиболее исследованной в рамках данной темы является хлебозаготовительная политика Советского государства в начале указанного десятилетия. Наиболее репрезентативный корпус источников по истории хлебозаготовительной политики Советского государства в 1930-е годы представлен в пятитомнике «Трагедия советской деревни», изданном под руководством В. П. Данилова. В этих документах, в частности, был отмечен крутой перелом в системе взаимоотношений крестьянства и Советского государства. Это не был еще «великий перелом», то есть переход к форсированной коллективизации, раскулачиванию и, как полагают некоторые историки и политики — голоду.

В конце 1920-х годов в СССР произошел переход от коммерческих к налогово-податным методам хлебозаготовок. Основным методом отчуждения хлеба у производителей в 1929 г. стал так называемый урало-сибирский метод. Его базовым принципом являлось разверстывание заготовительного задания между селениями и основными индивидуальными держателями хлеба. Разверстание, как и в дореволюционные времена, происходило при посредстве общинных механизмов. Новым явилось добавление государственно-репрессивных приемов и методов, в основном юридических, для чего вводились новые статьи в советское законодательство и судебную практику. Так называемая контрактационная система, то есть заключение фьючерных соглашений на поставку определенного (часто чрезмерного для данного хозяйства) количества сельскохозяйственной продукции осуществлялось тем же общинно-нажимным и государственно-репрессивными методами. Хлебозаготовительная кампания 1930/31 г. стала прелюдией массовой коллективизации, в результате которой произошли значительные изменения в организационно-производственной структуре сельского хозяйства.

В хозяйственно-политических кампаниях, включая хлебозаготовительные, региональные комитеты ВКП(б) принимали непосредственное участие на всех стадиях. При этом персональная ответственность за достижение промежуточных и итоговых

плановых показателей кампании возлагалась на первых секретарей парткомов. Исполкомы региональных советов также участвовали в проведении хозяйственно-политических кампаний. В целом они играли подчиненную парткомам роль. Тем не менее, председатели исполкомов, как вторые лица в советской властной иерархии, также персонально отвечали за успех кампании.

Составной частью системы контроля являлось информирование вышестоящих управленческих структур. Первый секретарь регионального парткома получал непосредственную информацию от партийного и советского руководства районов, уполномоченных, руководителей контрольных и надзорных органов и опосредованную — в форме обзоров и сводок, составленных отделами парткомов, хозяйственными и надзорными органами. Опубликованные в сборниках источники представляют собой часть документооборота стадии контроля за исполнением. Но при этом они дают репрезентативное представление о ходе исследуемых хлебозаготовительных кампаний.

Базовая группа публикуемых источников — докладные записки (79 документов). Разновидностями докладных записок также являются информационные письма (3), политдонесения (2), объяснительная записка (1), телеграфное сообщение (1). Во вторую группу документов входят информационные сводки/обзоры (9) и справки (9). Кроме того, опубликованы выдержки из двух стенограмм (заседания комиссии Новосибирского облисполкома с выступлениями представителей сельских районов и заседания уполномоченных по хлебозаготовкам), доклад секретаря райкома на объединенном заседании бюро крайкома ВКП(б) и президиума крайисполкома и одно постановление бюро райкома ВКП(б), имеющее информационный характер.

Описание дворцовых земель Тверского уезда 1677 г.

Писцовая книга, хранящаяся в РГАДА в фонде Поместного приказа под № 878, озаглавленная «Книга писцовая 186 году Тверского уезда», содержит описания дворцовых земель Тверского уезда, проведенные осенью 1677 г. писцами Федором Борисовичем Изъединовым и подьячим Федором Бишовым. Документ сохранился в списке XVIII в., скрепленном подписью канцеляриста Ильи Власова. В книге описаны центры дворцового землевладения Тверского уезда: села Погорелец, Городня, Тургиново и Никольский Ладоженский погост с прилежащими к ним деревнями и пустошами.

Местности, описанные в писцовой книге, были локализованы на исторической карте. Данные писцовой книги были сопоставлены с данными тверских писцовых материалов XVI в. Проведены наблюдения над землевладельческой историей поселений.

Исследование прослеживает развитие дворцового землевладения и уточняет представления об исторической географии Тверского уезда XVII в.

М. Д. Мазурин

Историческая и лингвистическая достоверность переписных монастырских книг XVI–XVIII вв.

Описные книги — учетная документация, составлявшаяся в целях контроля за имущественным положением духовных корпораций со стороны государства и церкви. Исследования, где описи рассматриваются как источник по истории лексики, единичны; переписные книги привлекаются лингвистами как дополнительный материал наряду с другими видами монастырских актов. Достоверность по С. М. Каштанову, «необходимая и достаточная степень соответствия между явлением и его описанием в источнике». Более века идет дискуссия о достоверности государственных писцовых книг. Новаторский подход к проверке данных писцового дела успешно применила З. В. Дмитриева, сопоставив сведения из государственных писцовых книг с вычными и переписными книгами Кирилло-Белозерского монастыря. Всесторонний анализ источников показал, «монастырские кадастры значительно информативнее и достовернее материалов писцового дела <...> содержат более достоверные данные о населении и тяглой пашне, чем писцовые и дозорные книги. В них отразились система вотчинного обложения, эволюция землевладения, землепользования, народонаселения, состава семьи, особенности внутривотчинных и внутримонастырских отношений». З. В. Дмитриева впервые поставила вопрос и о точности фиксации «монастырского строения» на Соловках, т. е. о достоверности соловецких описей. Сравнительное исследование пяти отписных книг обосновывает: «на Соловках в 16 веке не было единого принципа учета денежных средств при смене игумена. Его особенности определяла конкретно-историческая обстановка. “Передаточная” комиссия фиксировала прежде всего не наличные деньги, а их движение по официальным документам — отписным книгам». Аналогичный вывод сделан и о монастырском хлебе, данные о его количестве в описях «нельзя абсолютизировать», но «можно говорить о запасах хлеба приблизительно, на уроне порядков и общей тенденции потребления хлеба в мо-

настыре». Экономико-статистические сведения о земле, дворах и крестьянах в кирилло-белозерских вотчинных и переписных книгах более полны и точны, чем аналогичные сведения из писцовых книг; но учет имущества и денег в описях каждого монастыря мог иметь особенности и содержать неточности. Достоверность данных описных книг зависела от составителей: переписчики допускали описки, ошибки в подсчетах, без проверки включали приправочные материалы предыдущих ревизий. На состав учетных статей, их достоверность влияли конкретно-историческая ситуация, традиция учета, сложившаяся в монастыре, и личные качества людей, проводивших перепись.

Вопрос о достоверности монастырских учетных документов поднял в 1981 г. В. И. Иванов; тема была раскрыта в книге 2005 г. «Бухгалтерский учет в России XVI–XVII вв.: историко-источниковедческое исследование монастырских приходо-расходных книг». По мнению автора, «большинство исследователей при использовании монастырских приходно-расходных книг относятся к ним с полным доверием, принимают их сведения за эталон достоверности». Однако полнота, точность этих документов связаны с объективным и субъективным аспектами: «содержание определялось общими принципами учета, сложившимися в том или ином монастыре <...> большое значение при составлении приходно-расходных книг имели личные качества приказчиков». В. И. Иванов приходит к тем же выводам, что были сделаны З. В. Дмитриевой по описям: полнота и достоверность сведений, отраженных в приходно-расходных книгах, как и в монастырских описях, обусловлены правилами учета, которые могли отличаться, и личными качествами составителей. Новейшая историография не касается достоверности переписных книг; исследователи и публикаторы описей опускают этот вопрос. Историческая достоверность не имеет значения при исследовании лексики переписных книг, ярко отражающей духовную и материальную культуру русского средневековья.

Тема лингвистической достоверности источников по истории языка до последнего времени практически не была раскрыта в диахронной русистике. Вопрос затрагивал Л. Ф. Копосов в книге «Лингвистическое источниковедение». Этой теме посвящена докторская диссертация Л. Ю. Астахиной «Проблемы

филологической достоверности источников по русской исторической лексикологии». Достоверность источника, по Л. Ю. Астахиной, «инструмент для определения степени адекватности отражения явлений языка»; абсолютная достоверность, по мнению исследователя, присуща только рукописям, не будет абсолютно достоверной сформированная картотека или издание. Опубликованные памятники классифицируются как промежуточные источники, между рукописями и картотеками. Тезис Л. Ю. Астахиной о необходимости проверять истинность языковых фактов имеет практическое значение в исторической лексикологии и лексикографии, так как связан с языковым явлением, именуемым *псевдогапакс*. *Псевдо* — «ложный, мнимый, вымышленный», *гапакс* — «один раз, однажды». Псевдогапаксы — зафиксированные в публикациях, словарях и картотеках слова, о которых наука в дальнейшем точно установила, что их никогда не было в языке, что это результат некорректной работы или ошибки. Лингвисты их обозначали по-разному: «слова-фантомы» (А. Н. Шаламова, С. Н. Смольников), «мнимые слова», «лексикографическая фикция» (А. М. Молдован). На псевдогапаксы в публикациях описей указывал С. Н. Смольников: «Опись Сямженского Евфимьева монастыря 1561 г. по списку 19 в. содержит искажения: *ризы безменные* вместо *ризы безинные*, *ризы костны* вместо *ризы постные*, *поручи кужачны* вместо *поручи кумачны*, *кандило медная* вместо *кандея медная*».

Вопрос о достоверности переписных книг как лексикологического источника важен, поскольку в текстах выявлено однократное употребление слов и составных наименований, зачастую, не зафиксированных в лексикографии: *багай*, *векша рыболовная*, *гарнец шостный*, *держальник топорный*, *долговорот*, *кужлевинник*, *наледник*, *попытырь*, *сатьень* и др. Открыть неизвестные слова, дополняющие исторические словари, важно любому лексикологу, но здесь возможны ошибки. Для исторической лексикологии тема достоверности актуальна в связи некорректным толкованием древних слов, с утратой денотатов, появлением псевдогапаксов. Единично отмеченные лексемы делятся на три категории: статистически нечастые слова; редкие, уникальные слова, которые не отражены в словарях, требующие сугубой исследовательской работы; и псевдогапаксы.

Ключевая особенность описей в том, что они составлялась не одним человеком, а группой людей, направлявшихся в монастыри для учета и письменной фиксации имущества. Формулярный анализ показывает: преамбулы переписных книг включают интитуляцию, инструкцию, констатацию, где указывались имена и должности лиц, которым поручалось отписать монастырь. Наименования монастырского имущества, адекватно воспринимались приезжими ревизорами, писцами, выведившими текст, и всеми, кто проверял точность и полноту конечного документа. В описях отражены слова, активно употреблявшиеся в исследуемое время; их семантика была понятна составителям текстов; лексика переписных книг номинирует реалии средневекового быта, промыслов, ремесел фактически имеющиеся в монастырском хозяйстве, что приводит к выводу о высокой степени лексикологической достоверности источников. Описи документируют сотни редчайших слов, из которых десятки — уникальные, обозначающие предметы, которые полностью исчезли. История многих лексем, не вошедших в словарный фонд современного языка, в XIX–XXI вв. отражается в диалектах, что говорит не только о достоверности, но о незаменимости монастырских переписных книг как источника по истории русского слова.

Комплекс материалов церковной статистики Спасского храма города Уфы как исторический источник

В последние десятилетия в отечественной историографии наблюдается большой интерес к церковной документации Российской империи. Исследователи начинают анализировать отдельные виды церковной документации, в частности, исповедные или духовные росписи. Информационный потенциал исповедных росписей высоко оценивается историками.

Исповедные росписи имели важное значение как в церковном, так и в гражданском отношении. Исповедные ведомости при отсутствии метрических книг имели юридическую силу при определении возраста, доказательствах законности и самого события брака, в других обстоятельствах. Справка об исповеди была обязательна при вступлении в брак в другом приходе.

Исповедные ведомости — источник, обладающий большим потенциалом. Его можно использовать в генеалогических изысканиях при изучении родословной населения: статских, военных, купцов, крестьян и мещан, а также, в случае отсутствия клировых ведомостей, и духовенства. Преимущество этого источника по сравнению с ревизскими сказками состоит в регулярности их составления, в меньшем объеме и четкой структуре.

Данная документация была введена в Российской империи указом Петра I от 17 февраля 1718 г. с целью выявления раскольников для их налогообложения. Форма была окончательно утверждена при Анне Иоанновне, далее происходило некоторое совершенствование формуляра. Вначале шла информация о священниках прихода. Но основную часть документа составляла роспись сведений по каждому двору. Указывался владелец двора и его семейство (с указанием родства), дворовые люди, квартиранты, наемные работники, люди, жившие при дворе по милости, солдатские жены и вдовы. Записывалось сословие, род занятий, пол, возраст. В одной из колонок ставилась отметка — был ли на исповеди, в другой — причащался ли. Сразу после росписи следовала итоговая таблица. Во второй и третьей гра-

фах учитывались причастившиеся и непрichaщавшиеся, раскольники и иноверцы.

Священники должны были посылать копии исповедных росписей в духовную консисторию не позже Фоминой недели, то есть в апреле, оригиналы хранились в церковных архивах. Формуляр исповедных росписей просуществовал до 1917 г., когда они были официально запрещены. В течение столетия он несколько изменялся. В 1861 г. была исключена группа «дворовых», но появляется группа «постояльцев».

Списки имеют большую полноту описаний, которая зависела от масштабов миграции, и дают возможность восстановить посемейный состав православных прихожан, бывших на исповеди и уклонившихся от нее. Недостатком исповедных росписей является то, что в них не содержатся сведения об умерших, а также о том, куда перемещается прихожанин или семья, что очень важно в изучении родословных.

Исповедные росписи дают информацию о численности, половозрастном и социальном составе населения. В них фиксируются лица обоего пола и всех возрастов, включая годовалых младенцев. Исповедные ведомости составлялись погодно, что позволяет проследить изменение родственной и поколенной структуры, общего состава населения.

В местной литературе лишь отдельные краеведы в небольшой степени привлекали материалы исповедных росписей, научного анализа и публикации данного источника еще не производилось. В фондах Национального архива Республики Башкортостан сохранилась большая часть делопроизводственного архива Спасского храма Уфы. Среди метрических, приходно-расходных книг, описей имущества, клировых ведомостей, брачных, обыскных документов, книги поминаний, особое место занимает коллекция исповедных ведомостей, иногда называемых духовными росписями, в которых указаны имена священников и прихожан, бывших у исповеди. Всего до наших дней сохранилось восемь томов за период с 1820 по 1925 г., объемом документации весьма значительный.

Для исповедных записей Спасского храма характерна полнота учета населения прихода, который бывал в храме и у исповеди и даже тех, кто на ней не бывал. Фактически сохранились

сведения за 100 лет с небольшими изъятиями. Имеется также роспись о духовных служителях, их происхождении, образовании, службе, наградах, семейном положении.

Церковная статистика не самый простой источник. Количество исповедовавшихся часто не совпадает с количеством причащавшихся. Но они объединяются в единую итоговую цифру, в разные годы от 200 до 2500 человек. По исповедным росписям, как и метрикам, можно проследить состав причта Спасского храма. Качество записей, несмотря на стандартизированный формуляр, все же во многом зависело от кадрового состава духовенства.

Уфимский Спасский храм не случайно избран объектом изучения. Сохранившаяся и поныне, это одна из самых красивых церквей города, воплотившая в своем облике традиции петербургской архитектуры. В XIX в. это была одна, если не самая, престижная церковь Уфы, тем более, что Спасский храм стоит на важнейшей Большой Казанской улице, уфимском «Невском проспекте», одной из главных транспортных артерий города, вокруг которой селилась губернская элита.

В отдельном томе статистических описаний сохранилась справочная информация о настоящем храме, который был заложен 20 мая 1824 г. на месте сгоревших в 1816 г. деревянных церквей, в честь победы над Наполеоном.

Массу интересных сведений о населении этого района Уфы находим и в духовных росписях Спасской церкви. В храм на службу приходили статские, военные, купцы, ремесленники, крестьяне, дворовые люди. Многие первые лица губернии, чиновники, почетные граждане принадлежали к этой церкви. Самые ранние исповедные росписи за 1820 и 1830 гг., 1854 и 1904 гг. мы опубликовали. Кроме того, был опубликован выявленный в Государственном архиве Кировской области комплекс уфимского Спасского храма 1782 г., обнаруженный в материалах из ревизских сказок о церковно- и священнослужителях Вятской епархии за 1782 г.

Изучение данной группы источников проливает свет на состав, структуру и обновление населения города Уфы, его пригородов на протяжении большого хронологического периода. Существует необходимость вводить его в научный оборот и не только специалистам по генеалогии, но и историкам и краеведам.

И. А. Мальшева

Об издании архангельской (двинской) таможенной книги 1719 г.

Таможенные книги XVII–XVIII вв. представляют большой интерес как для историков, так и для лингвистов. Как лингвистический источник они ценны в первую очередь своей насыщенностью богатым и разнообразным лексическим материалом. Однако лингвистами они исследованы в меньшей степени, лингвистические издания таможенных книг XVIII в. отсутствуют. В связи с этим представляется важной публикация одной из них.

«Книга явчая двинская первая 1719 года» хранится в РГАДА в фонде Камер-Коллегии (ф. 273, оп. 1, ч. 8, № 32762), является одной из достаточно большого количества сохранившихся книг архангельской таможни XVIII в.

Объем рукописи 352 листа, написана скорописью, характерной для конца XVII — начала XVIII в. С определенной долей осторожности можно говорить о более чем 10 писцах. Свидетельства о писцах единичны, например: «Подлинной досмотръ писал архангелогородцкой таможни ручникъ Осипъ Жеховъ <...> в книгу выписывал ручник Никита Ломоносов». В некоторых случаях писца удастся определить по почерку его рукоприкладств «по велению» торговцев.

Книга представляет собой совокупность записей-регистраций — таможенных статей. По своему типу является явчей (что указано в ее названии), т. е. содержит записи явок торговцами своих товаров для регистрации их в таможне с целью дальнейших торговых операций. Каждая статья начинается с даты и имени явившего товар, содержит перечень явленных товаров, оканчивается рукоприкладствами торговца (или другого лица, явившего товар) и целовальника, досмотревшего товар. Завершают статью записи об обязательстве подачи выписи или о ее предъявлении, об уплате и принятии пошлин, о выдаче разрешений (пропусков) на провоз товара и др.

В большинстве своем в книге зарегистрированы явки товаров, привезенных к Архангельску водным путем, по Двине, в связи с чем книга имеет название *Двинская*.

Указание «Первая» говорит о том, что это одна из книг комплекса, который велся в архангельской таможне в течение 1719 г. Записи явок в книге заканчиваются 8-м июня, и продолжение их было в следующей книге — второй (к сожалению, не сохранилась), но о ее существовании говорят пометы на листах регистрации товаров торговцев, например: «Онъ же во Ъи книги на МЗм листу в двинской».

Книга является черновой. Об этом прежде всего свидетельствует количество и характер почерков, более поздние вписывания о подаче выписей и уплате пошлин, пометы о проверках, которые чинили надзиратели над сборами (*смотрил, смотр, поверивал, справил, изверил*) и под. Важнейшим доказательством чернового характера книги являются собственноручные подписи торговцев или лиц, расписывавшихся «по их велению».

Записи в книге систематизированы по именам торговцев. Среди торговцев называются горожане, холмогорцы, сольвычегодцы, пустоозерцы, кеврольцы, мезенцы, пенежане, устюжане, вятчане и др., упоминаются иноземцы — голландцы Еремей Дебос и Петр Дебос, «анбурцы» Иван Деркен и Крестоян Меэр, англичанин Роман Менваринг и др.

Книга содержит большое количество архангельских топонимических указаний, это связано с местами привоза товаров, с местами их досмотра, с местами перемещения товаров внутри города и др.

Предпринимаемое издание архангельской таможенной книги 1719 г. имеет целью представить прежде всего интереснейший источник для исследования русского языка XVIII в.: она является черновой книгой, написанной писцами местного происхождения; написана многими писцами, что дает возможность сравнительного изучения языковых особенностей разных лиц; написана в период смены приказного делопроизводства коллегиальным, что проявляется, в частности, в смене административной терминологии; создана на территории, где осуществлялась не только местная, но и «заморская» торговля, что обуславливает не только богатый в целом лексический состав памятника,

но и проявление региональных черт и раннее отражение отдельных заимствований; содержит явки и досмотры товаров, записи которых в своей основной части (перечне названий товаров) являются по сути списками одного и того же текста и содержат богатый материал для исследования синонимических отношений и явлений языкового варьирования, соотношения торговых-счетных единиц и др.

Текст передается в максимальном приближении к оригиналу: сохраняются все употребленные в рукописи буквы, сохраняется орфография рукописи и буквенное обозначение чисел, сохраняются пунктуационные знаки и некоторые надстрочные знаки (паерок, ударение), сохраняются пометы о проверках, сделанные на полях рукописи.

Издание дополняется указателями: почерков; слов; имен; географических названий. В качестве иллюстраций прилагаются образцы листов рукописи.

Публикация данной таможенной книги может представлять интерес и для историков — специалистов по истории торговли и таможенного дела, краеведов, занимающихся историей Русского Севера.

Писцовые бортные книги Верхоценской волости начала XVII в. (обзор источников)

Верхоценская волость Шацкого уезда — небольшой регион на южных окраинах Московского государства, образовавшийся в 1617 г. Территория Верхоценской волости занимала практически все течение реки Цны и включала в себя район проживания мордвы-мокши. Это позволяет рассматривать данный регион как контактную зону, где происходило взаимодействие разных этнических групп, а также вырабатывались механизмы управления подобными территориями и взаимодействия с коренным нерусским населением. Большой интерес, в этой связи, представляют писцовые книги Верхоценской волости 20-х годов XVII в. Эти документы хранятся в РГАДА и в Архиве СПбИИ РАН.

В РГАДА необходимо отметить два источника. Первый — «Копия с шацкой писцовой книги Федора Чеботова 1623 г. о владениях великой старицы иноки Марфы Ивановны в Верхоценской волости». Он представлен в компилятивных выписках, сделанных в конце XVII в. из разных писцовых книг 1622, 1623, 1631, 1640 и 1679–1682 гг. Документ находится в фонде Поместного приказа, в делах, касающихся имений Нарышкиных. Это связано с тем, что часть дворцовых сел и деревень Верхоценской волости в 1691 г. была передана в поместное владение дяде Петра I и фактическому руководителю правительства России того времени Л. К. Нарышкину. В связи с этим были подготовлены копии документов, описывающих Верхоценскую волость в разные периоды XVII в. Книга выполнена скорописью конца XVII в.

Второй документ — книга ясачных сборов с мордовских деревень Верхоценской волости воеводы Матвея Федоровича Стрешнева 1622 г. (в фонде Тамбовской приказной избы). Книга представляет собой перепись бортников 12 деревень Верхоценской волости с указаниями бортных ухажеев, которыми владел бортник, и количества выплачиваемых налогов. Ценным является наличие в документе графических изображений бортных знамен, которыми владели бортники. Объем книги 185 листов. До-

кумент выполнен скорописью начала XVII в. Книга сохранилась без начала и без конца.

В Архиве СПБИН РАН в Коллекции рукописных книг хранится список 1671 г. с писцовых бортных книг Федора Чеботова 1622 г. В отличие от документа РГАДА, список 1671 г. не компиляция, а аутентичная копия писцовой книги 1622 г. Список выполнен скорописью конца XVII в., на 469 листах. В этом документе представлены 43 населенных пункта Верхоценской волости (включая 12 деревень, описанных в книге ясачных сборов Матвея Стрешнева), а также несколько сел и деревень Рязанского, Темниковского и Кадомского уездов, принадлежащих, как и Верхоценская волость в тот период, Марфе Ивановне, матери царя Михаила Федоровича. По каждому населенному пункту перечислены владельцы бортных ухожеев с указанием имен и этнической принадлежности. В отношении каждого владельца описываются границы территории ведения им бортного промысла, в основном, по рекам. И далее определены налоги, которые взимаются с мордвы и бортников — оброк, ясак, пошлины и т. д. Также, как и в книге ясачных сборов Стрешнева, есть изображение бортных знамен.

Подлинники писцовых книг Федора Чеботова не сохранились.

Мы видим, что под одним годом — 1622-м — появляются сразу два описания волости, на первый взгляд, дублирующих друг друга. Появление параллельных описаний, возможно, было связано как с особым статусом Верхоценской волости как дворцовой в составе Шацкого уезда, так и с существованием двух администраций — уездной и волостной. Дворцовая волость являлась самостоятельной административной единицей, имеющей собственное управление в лице приказчика, который формально соблюдал субординацию с уездом, но имел собственную компетенцию на вверенной территории. В Верхоценской волости, вероятно, таким приказчиком в период не позже 1622 г. и по 1631 г., был Федор Чеботов. Он, как минимум на протяжении девяти лет занимался управлением Верхоценской волости, проводив описания сел и деревень, разрешая волостные споры и ведя учет собираемых налогов. Результатом его описаний и явились писцо-

вые книги. После 1622 г. подобные описания проводились, по крайней мере, еще в 1623 и в 1631 гг.

С другой стороны, Матвей Стрешнев (отец боярина и воспитателя Петра I Родиона Матвеевича Стрешнева), будучи в 1622 г. воеводой, в исполнение своих функций также организовал проведение описания мордовских деревень Верхоценской волости. Вполне вероятно, что в одних и тех же населенных пунктах часть населения управлялась администрацией Верхоценской волости, другая часть — находилась в ведении мордовского воеводы. Детальное сравнение источников может дать более полное представление об особенностях функционирования подобных территорий.

М. И. Парфеня

Переписи податного населения Иркутского уезда 1686 и 1699 гг. как исторический источник

В докладе рассматриваются как исторический источник переписные книги посадских людей и крестьян Иркутского уезда за 1686 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1.3. Д. 941. Л. 103–182 об.) и 1699 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1.4. Д. 1260. Л. 162–189, 1021–1066 об.). Это первые подворные переписи основанного в 1661 г. Иркутска. Ранее, в 1674 и 1680 гг., составлялись лишь именные книги с перечнем обрабатываемой пашенными крестьянами десятинной пашни. Таким образом, переписи 1686 и 1699 гг. представляют собой важнейший источник по истории и демографии Восточной Сибири конца XVII в.

Обе книги написаны профессиональной скорописью XVII в. Составителем первой указан стряпчий Федор Сергеевич Сверчков. Отметим также, что «посадская» часть обеих переписей была в 1883 г. опубликована Н. А. Найденовым в сборнике «Иркутск. Материалы для истории города».

Перепись 1686 г. содержит сведения о 35 дворах посадских людей, для каждого из которых известно место рождения, год прихода в Иркутск, состав семьи, размер оброка и информация о промыслах. Тринадцать лет спустя в Иркутском остроге проживало уже 110 человек, для которых известны состав семьи и размер оброка.

Аналогичная ситуация с крестьянами. Переписная книга 1686 г. включает данные о 140 налогоплательщиках, для которых известны город происхождения, год прихода в уезд, состав семьи, размер собинной (пахавшейся на себя) пашни, десятинной пашни и оброка. В 1699 г. насчитывалось уже 235 глав семей с информацией о семье и десятинной пашне. Таким образом, согласно подворным переписям, за 13 лет податное население Иркутского уезда выросло по крайней мере в два раза (обратим внимание на то, что все приведенные выше числа касаются только собственно налогоплательщиков без учета членов их семей).

Перепись 1699 г. дает ценные сведения о взаимодействии русских поселенцев с местным населением. Так, 11 пашенных крестьян держали у себя ясырей — работников из бурят или монголов. Кроме того, по всей видимости, в Иркутском уезде имели место невенчаные браки с иноверками: в той же книге 1699 г. пять крестьян записаны одновременно холостыми и имеющими детей.

В целом доля холостых крестьян и посадских людей в уезде была невелика. Перепись 1686 г. сообщает о трех холостых налогоплательщиках из посадских и 35 — из крестьян. В 1699 г. таковых было 7 и 15 соответственно. Большинство из них вместо обработки десятинной пашни платили натуральный налог. У женатых в среднем было по 2–3 сына на семью. Обратим внимание на высокий возраст вступления в брак: часть крестьян имела холостых сыновей и братьев 20–25 лет.

Интересно, что обе переписи практически не фиксируют дворов вдов: в 1686 г. их нет совсем, а в 1699 г. всего три (все крестьянские). Отметим также, что та же перепись сообщает о двух крестьянах, женатых на вдовах, и четырех овдовевших женщинах, проживающих у взрослых сыновей.

Помимо прочего, изучаемые переписи могут быть интересным источником по крестьянско-посадской антропонимике конца XVII в. В общей сложности они содержат 107 уникальных мужских имен. Наиболее частотные из них — Иван (68 чел.), Василий (39), Федор (22), Семен (20), Петр (17), Григорий (16) и Степан (15). Это распределение ожидаемо и соответствует данным историографии по близким периодам. В то же время отметим, что святцы 1658 г. фиксируют 310 уникальных имен. Таким образом, в реальной практике использовалась только треть возможного именованного. Наконец, отметим отражение в переписях практики двойного имянаречения. В частности, переписная книга 1686 г. упоминает нехристианское имя Шумил — из других источников известно, что в крещении этого крестьянина звали Кузьмой. Обнаружить можно и чисто христианскую двуименность: переписи фиксируют крестьянина по имени Микул/Викул Никифоров Вока. Этот кейс интересен также единичным использованием имени Николай: известно, что как минимум до

середины XVII в. существовал неписанный запрет на крещение в честь Николая Чудотворца.

Информационный потенциал переписей не исчерпывается приведенными выше положениями. Для составления полноценной картины жизни в уезде возможно привлечение и сравнение с данными переписных книг других массовых источников (например, мирских выборных актов). Привлечения дополнительных источников требует исследование того, какие хозяйства скрывались за очень относительно небольшими размерами оброка и десятинной пашни.

И. В. Пугач

**Записная книга Устюжской четверти 1635/36 г.
как источник по истории местного управления
на Русском Севере**

Среди множества делопроизводственной документации центральных ведомств Русского государства XVII в. особое место занимают записные книги. Их главное назначение — контрольно-учетная функция, а именно регистрация всего оборота актовой и делопроизводственной документации внутри отдельных приказов. Записные книги велись в течении всего календарного года. В них в сжатом или развернутом виде фиксировалось содержание всей исходящей и входящей документации.

В наибольшей степени известны записные книги «всяких дел», которые отличаются широтой тематики. Этот массовый источник, особенно записные книги «всяких дел» Московского стола Разрядного приказа, давно стали предметом изучения. Ряд из них был опубликован в «Русской исторической библиотеке» (т. 9–11), а их подробный источниковедческий и историографический анализ проведен О. В. Новохатко.

В фондах Устюжской четверти сохранилось несколько записных книг второй четверти XVII в., одна из которых, а именно 1635/36 г., стала источником для наблюдений и анализа (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Устюг. Кн. 25. Л. 78–203 об.). Данный источник представляет особую разновидность записных книг. В ней фиксировался только «отпуск», т. е. исходящие из четверти от имени государя распоряжения — указные грамоты городовым воеводам, таможенным и кабацким головам и другим должностным лицам местного управления.

В данной книге отмечен отпуск 412 государевых грамот, в том числе 248 грамот на Русский Север — в Устюг Великий, Соль Вычегодскую, Тотьму, Чаронду, Устьянские волости и даже Вологду, которая находилась в ведении Новгородской четверти.

Месяц	Город					
	Великий Устюг	Соль Вычегодская	Тотьма	Чаронда	Устьянские волости	Вологда
Сентябрь	8	2	4	1	–	–
Октябрь	5	1	3	1	1	–
Ноябрь	12	3	4	2	2	1
Декабрь	14	10	8	–	2	–
Январь	12	5	2	1	–	–
Февраль	13	11	5	2	–	–
Март	10	7	7	2	1	–
Апрель	6	3	3	–	–	–
Май	8	2	–	–	–	–
Июнь	16	5	1	2	1	–
Июль	13	5	2	–	–	–
Август	14	2	2	–	–	–
Всего	131	57	41	11	7	1

Как и любой другой массовый делопроизводственный документ, записная книга 1635/36 г. имеет свой вполне устойчивый формуляр. Каждая запись содержит достаточно подробную информацию, которая позволяет рассмотреть механизм государственного управления и особенности его функционирования на местном уровне. Основные ее компоненты — дата исходящего акта с указанием города и должностного лица, кому она предназначена, причина и содержание распоряжения, подразделение (стол) Устюжской четверти, подготовившее грамоту, лицо ее доставляющее.

Все записи в книге имеют разбивку по месяцам, хотя в пределах одного месяца хронологическая последовательность отсутствует. Более того, в некоторые месяцы большинство выданных грамот датируются одним и тем же числом. Из 11 грамот

за февраль на Соль Вычегодскую, 8 были выданы усольскому целовальнику Петрушке Свиныну в один день — 28 февраля. Видимо, готовые грамоты записывались в книгу непосредственно в день ее «отпуска», то есть передачи лицу, которое должно было доставить распоряжение адресату. При этом это могло растянуться на несколько этапов. Так все 12 грамот на Устюг Великий (9 — за 11 января, 2 — за 15 января, 1 — за 25 января) были выданы одному и тому же лицу — устюжскому приставу Васке Игнатьеву. Иногда грамоты отправлялись в города, что называется с попутной оказией, Например, на Тотьму в октябре с усольцем Гришкою Опляшихиным, а в декабре с устюжским посыльщиком Богдашком Ивановым.

Записи в книге позволяют в определенной мере выявить внутреннюю структуру Устюжской четверти, разнообразие отделов (столов), интенсивность их работы. Как правило, указ готовился в подразделении, которое непосредственно ведало данными вопросами и имело соответствующие полномочия. Абсолютно большая часть грамот — 182 исходила из «столпа всяких дел», а грамоты, в которых шла речь о поставках в Сибирь, были из «столпа о сибирских делах», о государевой руге — из «устюжского ружного особного столпа» и т. д. Всего в записной книге зафиксированы 14 подразделений Устюжской четверти, из которых происходил отпуск государевых грамот.

Наиболее значительный по своей информационной насыщенности раздел записной книги — сокращенный или полный пересказ текста отправленных грамот, которые, как правило, в архивах Устюжской четверти и воеводских приказных изб не сохранились. Практически все грамоты отправлялись в адрес воевод и подьячих или таможенных и кабацких голов. Из 131 грамоты на Устюг 78 предназначались воеводе Степану Хрущову и подьячему Григорию Самсонову (после него Ивану Ключареву), а 53 — таможенному и кабацкому голове Панкратью Харламову, а затем Алексею Усову «с товарищи».

Если грамоты в адрес таможенных и кабацких голов строго ограничены сферой их деятельности — сбор, выдача на месте или доставка денег в Москву, передача полномочий и др., то тематический спектр грамот городовым воеводам чрезвычайно широк, от административно-финансовых и фискальных — кон-

троль за сбором четвертных доходов, выплата руги, взыскание недоимок и многое др., до военно-полицейских — городовое дело, набор стрельцов, розыск преступников и т. д.

Записная книга позволяет уточнить ряд важных деталей в системе местного управления, например, точное время вступления в должность городских воевод и других должностных лиц. Так, 24 декабря «по государеву указу» в Тотьму вместо Василия Борщова был назначен новый воевода Григорий Варнавин, а 30 декабря в Соль Вычегодскую — новый таможенный и кабацкий голова Дмитрий Журавкин, который сменил Дмитрия Пивоварова.

В целом записная книга 1635/36 г. наполнена самой разнообразной информацией о нормативно-правовой и делопроизводительной деятельности как Устюжской четверти и отдельных ее подразделений, так и воеводских приказных, таможенных и кабацких изб. Она дает богатейший материал по истории центрального и местного управления, механизме их взаимодействия, истории служилого сословия, приказной бюрократии и многое др.

**Книжные покупки Кирилло-Белозерского монастыря
на Московском Печатном дворе в 1662–1664 гг.
(по архиву Приказа книгопечатного дела)**

Не имеющие аналогов в мировой истории уникальные «приходные книги» архива Московского печатного двора содержат десятки тысяч записей о розничной продаже книг через типографскую книжную лавку на Никольской улице. Одним из основных направлений освоения столь массового источника становится построение электронных баз данных, которые оперативно позволяют получить необходимую группировку исходного материала (по городам, сословиям, лицам и др.).

По двум базам данных с лагом в четверть века рассмотрим изменения в представительстве древней Белозерской земли на первичном столичном книжном рынке. В 1636/37 г. лишь три человека посетили лавку: «поп» Анисим из Преображенского Кожезерского монастыря, «старец» Иоасаф из Ворониной пустыни и «поп» Кирилл из уездной Архангельской церкви, которые соответственно приобрели Требник, Устав и Евангелие на-престольное.

В 1662/64 гг., сделав 21 покупку за 18 посещений книжной лавки, 13 представителей города Белоозеро с уездом в общей сложности купили 113 книг 10 названий, так что по сравнению с 1636/37 г. количество покупателей и приобретенных книг возросло многократно, в результате чего соответствующий «рейтинг» Белозерья среди 80 других городов с уездами поднялся с одного из последних на очень высокое 5-е место после Вологды, Ярославля, Новгорода Великого и Каргополя. Однако за единственным исключением («белозерец» Яким Семенов — уездный дворянин или посадский человек) все остальные покупатели были связаны с Кирилло-Белозерским монастырем. Это три ответственных его администратора — «слуги» Матвей Булычев, Леонтий Карпов, Матвей Марков и «стряпчий» Герасим. Собственно же монахами были два «строителя» — Авраамий и Тихон и два «черных попа» — Макарий и Сергей. Кроме того,

четыре покупки были записаны как просто «в Кириллов монастырь» без имени и чина покупателей.

Весьма широким оказался круг книжных интересов белозерцев, но с явным перевесом в сторону Третьяка и Жития Николая Чудотворца: соответственно 54 и 31 экз., так что на их общую долю (85 экз.) пришлось 75 % всех проданных белозерцам книг. Остальные 8 изданий представляли Пролог (10 экз.), Библию (9), а также по два экз. Евангелия толкового, Псалтыри учебной, Триоди постной и по 1 экз. Канонника, Минеи общей и Шестоднева.

Книги покупались 18 дней с понедельника 5 мая 1662 г. по среду 13 июля 1664 г. в среднем один раз в месяц. За исключением ноября, февраля и апреля они покупались во все времена года, но чаще и более всего весной и летом: соответственно 17 экз. за 9 покупок и 89 — за 6, так что в весенне-летнее время было сделано 15 покупок, в результате чего было куплено 106 книг (соответственно 71 % и 94 %), причем только за 4 августовские покупки было взято две трети (77) книг. Столь выраженные акценты продаж могут объясняться влиянием Великого Поста (на март пришлось 6 продаж из 9 и 9 книг из 17) и Успенского поста с богородичными праздниками. Осенью же было сделано всего лишь 4 покупки (по 2 в сентябре и октябре), а зимой белозерский покупательский интерес упал вдвое: 2 книги по 1 покупке в декабре и январе.

По отдельным годам основное количество книг было продано белозерцам в 7170 (1661/62) г., когда 3 человека за 6 покупок в 5 дней приобрели 84 книги. В 7171 (1662/63) г. также 3 человека за 5 покупок в 3 дня взяли 14 книг и в 7172 (1663/64) г. 10 человек за 10 покупок в 9 дней приобрели 15 книг.

По дням недели в первые дни седмицы по воскресеньям и понедельникам количество покупок возрастало вдвое (с 2 до 4), но число купленных книг оставалось неизменным (по 6 экз.). По вторникам число продаж снижалось до 2, но книг покупалось в пять раз больше — 32. По средам в дни общегородского базара книжная торговля достигала своего максимума (53 экз. за 10 покупок), после чего по четвергам она в разы снижалась до 6 экз. За 5 покупок; по пятницам никаких покупок не было, а в субботу была сделана лишь одна крупная покупка в 10 книг.

Чаще других 4 раза лавку посещал черный поп Сергей (10 книг). Сначала в понедельник 5 мая 1662 г. он взял два Требника, затем 11 мая еще пять таких же книг, а через два года Миною общую и три Псалтыри учебные (соответственно в среду 4 мая и во вторник 29 сентября 1663 г.), так что этот человек посещал лавку три года подряд. Но больше всех книг (62 экз., или 55 %) купил дважды посетивший лавку строитель Тихон, который за два дня подряд — вторник-среду 26 и 27 августа 1662 г. покупал (видимо, на монастырские деньги) сразу по 30 Требников и Житий Николая Чудотворца (27 числа он купил еще два Евангелия толковых). По три раза за книгами приходили также строитель Авраамий (он взял по одной книге) и слуга Макарий (4 книги), два раза лавку посетили Яким Семенов (2 экз.). Таким образом, 5 из 9 поименованных покупателей повторно посещали типографскую книжную лавку, что говорит о высокой книжной культуре этих людей.

Д. А. Пшеницын

Опись Юзской вотчины Донского монастыря 1739 г. как источник по аграрной и демографической истории

В России в XVII–XVIII вв. существовали три независимые системы учета населения — государственная, церковно-административная и вотчинная. От функционирования каждой из названных систем сохранилась соответствующая документация. Лучше всего в литературе известна первая, фиксирующая тяглое мужское население по дворам, — дозорные, писцовые и переписные книги.

Проблемы исторической демографии активно исследовались в выступлениях и трудах участников конференции «Писцовые книги и другие массовые источники по истории России XVI–XX вв.», а также в рамках Аграрного симпозиума (Ю. Ю. Кахк, Я. Е. Водарский, Н. А. Горская, В. В. Канищев, Х. Э. Палли, Е. Н. Швейковская и многие др.). Остаются актуальными темы сессий симпозиума: Таллинской 1984 г. (по социально-демографическим аспектам развития производительных сил деревни) и Уфимской 2016 г. (по демографическим процессам в связи с аграрным освоением России).

В глухих непроходимых галичских и вологодских лесах, среди болот, там, где сходятся границы Волжско-Северодвинского водораздела, и находилась малоизвестная вотчина, принадлежащая московскому Донскому монастырю — Юзская волость Галичского уезда: дивный край, где в изобилии водились стерлядь, судак, семга, треска, налим, окунь, лещ, щука, язь; обладающий лесными богатствами — клюквенные, брусничные и морошковые болота, заливные луга с характерным разнотравьем.

Донской иконы Божией Матери московский монастырь — ставропигиальный мужской монастырь Русской Православной Церкви Московского Патриархата находится на юго-востоке Москвы, является одним из самых известных. Монастырь основан царем Феодором Иоанновичем и боярином Б. Ф. Годуновым в 1591–1592 гг. в память избавления Москвы от нашествия

крымского хана Казы-Гирея, во славу чудес, совершившихся при этом от Донской иконы Божией Матери.

Настоящая статья представляет малоизвестную страницу из исторической демографии Юзской вотчины московского Донского монастыря по описи 1739 г., являющейся отражением социально-экономического положения крестьян той эпохи. Юзская вотчина Галичского уезда находилась на столь большом удалении от Донского монастыря, что даже не удалось произвести перепись 1701–1702 гг., а писец смог добраться только в 1704 г. и завершить описание. Сама опись 1739 г., а равно и другие документы Донского монастыря, в т. ч. переписи Юзской вотчины 1701, 1718, 1719, 1721 гг., находятся на хранении в Центральном государственном архиве города Москвы. Почему исследователи ранее не обращали внимание на опись, либо же она не попала в их поле зрения и по какой причине? На наш взгляд, это связано с тем, что сам архивный источник разбит на три неравномерные части, причем если начало документа датировано 1739 г., то продолжение — 1740 г., а окончание — 1741 г., да и к тому же он расположен в описи в разных местах, что также явно затрудняет ее поиск и распознавание как целостного комплекса документа, когда не знаешь состав самой вотчины.

По описи в вотчине за Донским монастырем от 28 мая 1739 г. в Юзской волости Кологривской осады Галичского уезда в селе Андреевском и 15 деревнях отмечено 174 жилых крестьянских двора, а в них 500 мужского пола и 505 женского пола, а всего 1005 человек обоего пола. Отметим, что в описи 1739 г. представлена «мощность» каждого крестьянского двора, а именно: помимо состава мужского и женского пола имеются данные о количестве лошадей, жеребят, коров, телят (подтелков), мелкого скота, приведена система денежных и натуральных государственных повинностей крестьян, причем в архаичных счетных единицах («пирог» — 1/8 сер. коп.) и связанные с нею дробными (6-я доля, полпирога, полтора, полтретья, полчетверта пирога), характерных для XVI–XVII вв., записано количество излишней земли, как она используется, количество высеваемой ржи, сколько ставится возов сена. Любопытно, что до наших дней сохранился документ духовного ведомства — исповедная ведомость Воскресенской Юзской церкви Кологривской осады Галичского

уезда 1739 г. (хранится в фондах Великоустюгского центрального архива), в которой отмечен 151 двор, а в них зафиксировано 525 муж. и 538 жен., а всего 1063 человека, т. е. представляет собой параллельный источник того времени, по которому можно сравнить правильность и точность воспроизведения православных имен мужского и женского пола, возраст, состав крестьянского двора и другие демографические показатели (примерное время вступления в брак, рождение детей, их количество в половом отношении и т. д.).

Таким образом, данный исторический источник представляет новые данные не только по исторической демографии, но в то же время является показателем социально-экономического положения монастырского крестьянства и системы денежных и натуральных повинностей, что дает импульс для дальнейшего изучения данной категории населения на Европейском Севере России.

Писцовые книги Вороночского уезда о ранней истории Святогорского монастыря и его первых настоятелей

Успенский монастырь на Синичьих горах (современный Святогорский монастырь) и его настоятели довольно часто упоминаются в писцовых книгах Вороночского и Опоческого уездов Псковской земли. Однако до настоящего времени исследователи мало обращали внимание на эти ценные источники.

Ранняя история Святогорского монастыря, где покоится прах великого поэта А. С. Пушкина, изучена недостаточно. Особенно «не повезло» в этом отношении церковным иерархам монастыря. Большинство лиц, о которых говорили исследователи, либо вообще не были в монастыре, либо находились в нем в другое время, к тому же этих имен было обнаружено чрезвычайно мало (применительно к первому веку существования монастыря).

Митрополит Евгений (Болховитинов) первым игуменом указал строителя старца Зосиму (Завалишина) в 1598 г., а П. М. Строев, отметив, что монастырь основан в 1569 г., указал первым настоятелем Исайю только в 1633 г., а вслед за ним через 50 лет — Геннадия (1683).

Историк монастыря игумен Иоанн (Мазь) после строителя Зосимы (Завалишина) указал следующего настоятеля Феоктиста, имя которого значится на толковом Евангелии, которое тот пожертвовал монастырю в 1603 г., а далее вслед за П. М. Строевым — в 1633 г. игумена Исайю. Следующий игумен монастыря Вениамин упоминается только в 1648 г., его имя указано в надписи на книге святого Иоанна лествичника 7156 г. Далее настоятелем в книге игумена Иоанна записан игумен Геннадий (1662–1683), как и у П. М. Строева.

Из всех упомянутых настоятелей до игумена Геннадия только про игумена Исайю имеются конкретные письменные документы того времени (Исайя указан в царской грамоте псковскому воеводе кн. Ф. А. Елецкому от 16 августа 1631 г.), которую

привел Л. И. Софийский, а Зосима (Завалишин) служил в другом монастыре — Псковском Снетогорском.

Поэтому важно использовать при изучении начальной истории монастыря писцовые книги Вороночского уезда, в которых можно найти сведения о первых настоятелях и о самых ранних земельных владениях монастыря.

В писцовой (платежной) книге Г. И. Мещанинова-Морозова и И. Г. Дровнина 1585–1587 гг., где приводится описание Вороночского уезда, имеются сведения о настоятеле монастыря игумене Иосифе. Это первый известный по источникам игумен данного монастыря, о котором ранее исследователи ничего не сообщали. В те годы (1585–1587) монастырь уже владел в Егорьевской губе деревней Рытица на р. Лугвице и пустошью Гришинская. На самом городище Вороноч «игумену Пречистенского монастыря Синичьих гор Иосифу с братией» дано пустое место под двор на приезд. Игумен Иосиф «с братией» взяли на оброк в Вороноче половину огорода местного пушкаря Кирилки Сидорова Ладилы размером 23 на 11 сажень. Этот огород находился на большой Опоческой дороге. Игумен Иосиф упоминается в данном писцовом описании еще несколько раз. Кроме указанной деревни (пустоши) Рытица монастырские старцы во главе с игуменом Иосифом владели в 1585 г. в Ильинской губе (к югу от Вороноча) пустошью Михалево, а в Богородицкой губе — пустошью Букрово. В настоящее время это хорошо известная деревня Бугрово со своей знаменитой мельницей. Кроме того, монастырю принадлежали нетяглые пашни: «В Богородицкой губе. Успенья Пречистые Богородицы, что в Воронатцком уезде на Синичьих горах, да в Егорьевской губе пустошь Острцево, пустошь Олехново, пустошь Бардово, пустошь Пухово, пустошь Веригино, пустошь Печатниково, пашни перелогом 31 четь».

Следующее описание Вороночского уезда происходило в начале 1614 г. уже при правительстве Михаила Романова. Сохранилась дозорная книга Вороночского уезда, причем полностью (как об этом сообщает публикатор С. С. Ермолаев). К сожалению, дозор касался только поместных земель, упоминаются жившие в те годы в Вороночском уезде помещики, поэтому о владениях Святогорского монастыря сведений нет и нигде этот монастырь не упоминается. Однако здесь приводится важное

свидетельство об одном из служителей данного монастыря: «К сим дозорным книгам Вороначского уезда Успения Пречистой Богородицы Синичьих гор черной поп Гурей руку приложил». Эта скрепа черного попа Гурия, как и подьячего Григория Ларионова, свидетельствует о подлинности данной дозорной книги. Кроме попа Гурия нам ничего неизвестно о служителях монастыря вплоть до 1631 г. (игумен Исая).

Однако сохранилась в РГАДА писцовая книга Ивана Яковлевича Вельяминова Псковской земли 1624–1627 гг. (в том числе несколько ее списков XVII и XVIII вв.), в которой подробно описаны Вороночский и Опоческий уезды, в ней довольно часто упоминается Успенский монастырь на Синичьих горах (это было видно даже при беглом просмотре микрофильмов данной писцовой книги). К сожалению, к настоящему времени она еще не опубликована и псковские исследователи к ней почти не обращались. Столичными светскими и церковными историками, в том числе специалистами РГАДА, данная книга также практически не использовалась в широком объеме.

Хочется надеяться, что после публикации данной писцовой книги будут раскрыты многие неизвестные страницы Святогорского монастыря первого десятилетия царствования Михаила Романова и выяснены имена новых его настоятелей. Дальнейшим этапом в изучении истории монастыря могла бы стать публикация следующей писцовой книги Вороночского и Опоческого уездов. Это описание в 1677–1678, 1680–1681 гг. проводил еще один представитель рода Вельяминовых — Лев Вельяминов.

Таможенная книга Кирилло-Белозерского монастыря 1700 г.

Как известно, помимо городских и сельских таможен в России в XVII — первой половине XVIII в. существовали также монастырские таможи, собиравшие пошлины в казну некоторых монастырей, которым такое право было официально предоставлено государственной властью. Одним из таких монастырей был Кирилло-Белозерский.

В РГАДА хранится ярмарочная таможенная книга Кирилло-Белозерского монастыря 1752 г., в которой приведены сведения о сборе пошлин с торгующих на Кирилловской (13 июня), Успенской (18–19 августа) и Введенской (23, 26 ноября) ярмарках. Данный документ, находящийся в 829-м фонде РГАДА (ед. хр. 741), был ранее ошибочно атрибутирован архивистами как таможенная книга Каргополя. В том же фонде имеется записная явочная книга кирилловской таможни 1744 г., в которой зарегистрированы товары, явленные по зачетным выписям (ед. хр. 838).

В ОПИ ГИМ хранится еще одна таможенная книга Кирилло-Белозерского монастыря — за 1700 г. Она находится в фонде 484 (ед. хр. 57), в составе которого находятся различные документы этой обители, в частности, материалы монастырского хозяйственного архива.

Книга в настоящее время насчитывает 95 листов (12 тетрадей) форматом в 4°, переплет отсутствует. Текст имеется на л. 1–91, последние четыре листа пустые, л. 95 сохранился частично. В рукописи штампом проставлены номера листов с 1-го по 91-й, при этом л. 11 при нумерации пропущен; начиная с л. 11 внесена также правильная карандашная фолиация.

На л. 1 приведено заглавие: «Книги Кириллова монастыря таможенного збору о празднике о чудотворце Кирилове памяти 1700-го году июня в день» (число не указано). Над этим заглавием почерком XIX в. внесено еще одно заглавие: «Книга Кириллова монастыря таможенного збору о празднике чудотворца Петра (sic) для памяти году июня» (год и число не указаны).

На обороте л. 1 имеется преамбула: «Лета 1700-го июня в день [число не указано] по благословию государя отца нашего архимандрита Сергия и по приказу государя келаря старца Филарета и соборных старцов Кирилова монастыря слуги Василей Булычов, Дмитрий Алтуфьев, Гаврило Волков о празднике о чудотворцове Кирилове памяти збирали в таможене в монастырскую казну с торговых людей и с лавок и с шалашей полавочные и пошлинные и з денег заявочных и с соляной продажи и с мены пошлины, а с кого что взято и то писано в сих книгах ниже сего статьями».

Таможенная книга состоит из трех разделов. На л. 2–22 об. приведены записи о сборе пошлин с торговых лавок, шалашей и харчевен, а также с торговцев, продававших товары с телег. Торговые объекты подразделены по рядам (Серебряный, Щепетильный, Кожевенный, Мыльный, Мучной и др.). В записях указан тип объекта (лавка, шалаш и др.), местожительство, социальный статус, имя, отчество и фамильное прозвище торговца, виды продававшихся товаров. Например: «В лавке вологжанин п[осадский] ч[еловек] Василей Иванов сын Корелин, товар у него сукна, камки, китайки. Платил 16 алтын 4 деньги. В той же лавке вологжанин п[осадский] ч[еловек] Андрей Машкарин, товар у него пух бобровой. Платил 5 алтын. В [лавке] вологжанин п[осадский] ч[еловек] Иван Васильев, товар у него крашенины. Платил 13 алтын 2 деньги». Суммы взятых пошлин дописаны позднее. В записях широко применены сокращения отдельных слов, обозначенные, как правило, первой буквой слова, данной в кружке (например, «в» — в лавке, «в» — вологодский, «б» — белозерский, «п» — посадский, «ч» — человек и др.). Некоторые записи заключены в прямоугольники, имеются зачеркнутые записи.

Большинство лиц, торговавших в лавках, составляли вологодские посадские люди. Встречаются также белозерцы, каргопольцы, ярославцы. Среди продававшихся товаров упомянуты различные ткани (крашенина, камка, китайка, кумач, тафта, шелк и др.), «серебряной» и «щепетельной» товар, свечи, воск, ладан, фимиам, церковное (виноградное) вино, шапки, шляпы, шубы, рукавицы, чулки, медь, мыло, сапоги, башмаки, подошвы, ножи и др.

На л. 23–24 находятся записи о сборе пошлин с продавцов соли и с лиц, регистрировавших деньги на покупку (видимо, соли же). Перед записями в рукописи имеется фраза: «Выписано из заявочных листов». Отдельные записи этого раздела имеют, например, такой вид: «Каргополец посажкой человек Семен Свешников явил семнатцать кулей соли весом сто семьдесят пуд, отъявил четыре куля, пошлин взято 26 алтын 4 деньги», «Села Рукины Слободки крестьянин Сенька Сидоров явил продать соли на две телегах, взято пошлин 2 алтына 2 деньги», «Села Фрязинова крестьяне Семен да Степан Иванов явили на покупку 2 рубля, пошлин взято 8 денег».

Третий, наиболее пространный, раздел, находящийся на л. 25–91 об. составляет «конская книга», имеющая заглавие «Книги Кирилова монастыря конские продажи о чудотворцове Кириллове памяти 1700-го году июня в день» (число не указано). В этом разделе представлено 189 записей, фиксирующих куплю-продажу лошадей (все записи за исключением последней пронумерованы буквенной цифирью). Например: «Белозерского уезду вотчины Кирилова монастыря села Волоку Словинского деревни Коровина крестьянин Василей Миронов продал лошадь мерина ворона, грива налево с отметом, леты срослу, Белозерского ж уезду Заозерского стану Ухтомярьские волости Олексееву крестьянину Епанчина деревни Анашкина Федьке Яковлеву, а взял от Васка за тое лошадь цены рубль тритцать алтын, пошлины и пошерстное по указу взято».

Таможенная книга Кирилло-Белозерского монастыря 1700 г. является ценным историческим источником, требующим дальнейшего изучения и, возможно, публикации.

М. И. Роднов

Опыт обработки подворных карточек сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг.

Одним из важнейших первоисточников, показывающих жизнь каждого крестьянского хозяйства, являются подворные карточки сельскохозяйственных переписей. При земских и государственных обследованиях они составлялись на каждое домохозяйство и включали огромный объем демографической и социально-экономической информации.

Подворные карточки как главный источник информации применялись во время общероссийских переписей в 1917 г. (проводило Временное правительство) и 1920 г. (советская власть), но по стандартам земской статистики. Обычно после окончания обработки материалов первичная документация уничтожалась, поскольку она занимала много места в архивохранилищах. В Уфе, однако, сохранились коллекции подворных карточек по Уфимской губернии за 1917 г. (без Мензелинского уезда) и 1920 г., по Малой Башкирии за 1920 г.

С 1988 г. мною проводилась сплошная обработка подворных карточек переписи 1917 г. по Уфимской губернии, поселенные итоги опубликованы (последняя работа издана в 2001 г.), а также карточек переписи 1920 г. (в 2009 и 2014 гг. поселенные итоги изданы в трех книгах).

Из-за огромного интереса пользователей к генеалогической информации этих двух переписей они обе оцифрованы, перепись 1917 г. доступна в Интернете, материалы переписи 1920 г. — в читальном зале Национального архива Республики Башкортостан в Уфе. Кроме того, карточки переписи 1917 г. сгруппированы по населенным пунктам, изначально они были разбросаны по нескольким архивным делам.

Большой интерес к этому источнику (буквально ежедневный просмотр) объясняется тем, что в подворных карточках зафиксирована информация о людях, память о которых еще сохранилась. Это позволяет легко установить родство и с переписи 1917 г. «шагнуть» вглубь — к X ревизии, метрикам.

Обработка такого большого массива источников (более 800 тыс. карточек по обоим переписям) открыло совершенно новую информацию по демографии, экономике и, наиболее востребованную, по этническому составу населения Южного Урала.

Помимо «своего» региона мною изучались карточки этих и других (земских) переписей по Самарской, Оренбургской, Пермской, Вятской и др. губерниях. Сохранность данного первоисточника плохая, например, карточки переписи 1917 г. сохранились в архивах лишь Уфы, Кирова, Самары, Пензы, Ярославля, Краснодар, Архангельска, Москвы (ГАРФ), в Тамбове есть общинные бланки, которые также составлялись в 1917 г. (они сохранились и в Уфе). В Уфе также имеются первичные карточки городской переписи 1917 г. (по Бирску, Белебею, Стерлитамаку, Златоусту). Полная картина сохранности первичных материалов переписи 1917 г. по Европейской России точно не известна. В азиатской части страны они есть в Барнауле и Забайкалье.

Сейчас ряд архивов и группы историков-краеведов осуществили оцифровку подворных карточек, сделав их доступными для массового пользователя через свои сайты или сайт Госуслуги. Но до сих пор коллекции подворных карточек востребованы лишь генеалогами и краеведами, за единичными исключениями (Башкирия, Сибирь) они не используются в научных трудах.

Главные причины — огромная трудоемкость при обработке этого массового первоисточника, почти полное отсутствие финансирования подобных проектов со стороны научно-административных структур.

Накопленный десятилетиями практический опыт позволяет высказать ряд конкретных рекомендаций, которые могут пригодиться историкам, которые возьмутся за обработку коллекций подворных карточек. Во-первых, никаких выборочных исследований, только сплошной просмотр, нельзя применять методы социологии. Во-вторых, категорически недопустимо привлечение технических сотрудников. Самое главное при создании базы данных — первичный ввод информации! Этим должны заниматься исключительно люди лично и научно заинтересованные в результатах исследования. Наемный аппарат всегда приводит к вводу ошибочных данных. В-третьих, с моей точки зрения, важным является, так сказать, «тактильный» фактор. Запись пер-

вичной информации на бумагу предпочтительней ноутбука. Конечно, это вызывает промежуточный обсчет информации, увеличиваются затраты времени и ресурсов, но традиционная запись самый надежный способ. Лишь после этого можно вводить данные в компьютер и заниматься их обработкой.

Е. Н. Ропаква, Д. А. Воронин

**Собрания изданий массовых источников по истории России
XVI–XX вв. в фондах Российской национальной библиотеки:
современные возможности поиска в электронных
и карточных каталогах**

Доклад посвящен истории развития принципов и способов раскрытия многочисленных книжных фондов Российской национальной библиотеки (РНБ) и формированию системы каталогов.

Рассматриваются особенности современной структуры каталогов, доступных читателям (на современном языке — пользователям) Библиотеки. Для эффективной ориентации в огромном количестве единиц хранения (документов) читателю необходимо иметь широкий круг вариантов поиска требуемой литературы. Важнейшими инструментами такого поиска являются наши каталоги: Генеральный алфавитный, Генеральный систематический, Предметный, Электронный. В докладе объясняется специфика их организации и поисковых возможностей при работе с ними.

Раскрытие алгоритма поиска необходимой литературы в карточных и электронных каталогах РНБ осуществляется на основе опыта библиотекарей Группы справок по Генеральному систематическому каталогу РНБ, полученного в ходе выполнения читательских запросов по истории исследований и публикаций массовых источников по истории России.

В докладе иллюстрируется выбор наиболее эффективных сочетаний различных поисковых фильтров и точек доступа: хронологический порядок (прямой или обратный), тип ресурса, место хранения документов, наличие электронной копии, доступной к ознакомлению без заказа документа, тематические коллекции, предметные рубрики (ПР), индексы библиотечно-библиографической классификации (ББК). Такой поиск позволяет существенно снизить информационный шум, неизменно возникающий при базовом поиске в электронном каталоге, и получить результаты, релевантные пользовательским запросам.

В выборе тематического круга изданий массовых источников, используемых в докладе для презентации поисковых возможностей, особое внимание уделено документам по истории России и отдельных регионов, документам, относящимся к государственному управлению и местному самоуправлению, статистике, мемуарам, периодической печати.

А. И. Савинова

**Переписная книга Бежецкого Верха 1650/51 г.:
источниковедческий, статистический
и геоинформационный анализ**

Вопрос о трансграничных миграциях на территорию Русского государства новых шведских поданных — жителей Корельского уезда, именуемых в русских материалах писцового дела XVII в. «зарубежными выходцами», являлся ключевым в отношениях России и Швеции. После заключения Стокгольмского мирного договора 1649 г. на территории Московского государства была развернута масштабная кампания по учету перебежчиков, которая нашла отражение в материалах писцового дела 1649–1650 гг. Наибольшее число перебежчиков, учтенное в выявленных источниках, было зафиксировано на территории Бежецкого Верха.

Переписную книгу 1650/51 г. можно считать уникальным источником, так как она полнее других отражает процесс миграции карельского населения в северо-западные и центральные районы Русского государства. Рукопись сохранилась не в полном объеме, утрачено начало и выявлены фрагментарные потери по тексту книги. Переписная книга 1650/51 г. датирована исходя из упоминания дат в формуляре источника: в описании некоторых из переселившихся семейств фигурирует указание на «... нынешний 158 год ...», что соответствует 1650/51 г.

В тексте переписной книги представлены описания землеуладений с «зарубежными выходцами». Структура информации в формуляре следующая: стан (административно-территориальная единица в рамках Бежецкого Верха), разновидность земельного владения, современный владелец, тип поселения, его название, далее — перечисление семейств «зарубежных выходцев», населяющих дворы в описываемом поселении. Описание каждой семьи «выходцев» сопровождается текстом «роспроса», в котором содержится уникальная для исследователей карельского переселения информация. Это место жительства на территории Корельского уезда («Корельского города уезду») с указа-

нием погоста/волости/старошеля/деревни; в каком составе описываемая семья или отдельный человек «перешел в государеву сторону», сколько лет назад; перечень имущества, которое было за перебежчиками в момент выхода. Затем расписан маршрут передвижения «выходцев» с указанием промежуточных пунктов и времени проживания в каждом до обоснования на территории Бежецкого Верха на момент переписи.

Книга 1650/51 г. позволила детально определить места масового исхода жителей Карелии. Наибольшая доля переселенцев приходится на Сердобольский, Кирьяжский, Соломенский, Суйстамский погосты. Происходили также переходы из Кидецкого, Иломанского, Угоменского, Либелицкого, Тиврольского, Шуезерского погостов. Наиболее ранней датой выхода в источнике обозначен 1610 г., большинство дат относится к 1620–1630-м гг.

Переселение «корелян» на территорию Бежецкого Верха и сопредельных территорий Верхневолжья происходило как напрямую, так и через различные районы Новгородской земли, Белозерского, Вологодского, Угличского, Ярославского, Дмитровского, Суздальского, Архангельского уездов. Перемещение занимало от трех до более чем 20 лет. Наиболее длительные и сложные маршруты перемещений характерны для переселенцев, вышедших из Карелии на ранних этапах, в 1620–1630-х годах. Перемещения по относительно коротким маршрутам — это более поздние перемещения 1640–1650-х годов. По-видимому, они происходили вслед за родственниками и односельчанами, в уже известные места.

На территории Бежецкого Верха переселенцы зафиксированы в более 160 поселениях семи станов Бежецкого Верха (Есеницкий, Городецкий, Березовской, Онтоновский, Верховской, Каменский, Полянский), где проживали семьи перебежчиков. Наибольшее количество «зарубежных выходцев» зафиксировано на территории Есеницкого и Городецкого станов Бежецкого уезда.

Во всех описываемых станах, кроме Есеницкого и Верховского, наибольшая доля поселений «корелян» числилась за монастырями. В Есеницком стане «кореляне» в 1650/51 г. зафиксированы в равной степени на землях светских и церковных землевладельцев. Среди светских землевладельцев, поселявших «корелян» на своих землях, — крупные землевладельцы князя

Прозоровские, средние и мелкие — Нелединские, Моклоковы, Батюшковы, Масловы, Батюшковы, Манамаховы и др.

Выявленные маршруты перемещений «корелян» показывают направления их миграции. Значительная доля маршрутов приходится на Олонецкий перешеек. Другим направлением стало движение через Карельский перешеек. Перемещение шло также из Карелии и в Северное Прионежье и Заонежье, в Белозерский и Вологодский уезды. После перехода в Бежецкий Верх перемещения «корелян» продолжались. Из Бежецкого Верха зафиксированы переходы в Москву, Углич, Угличский и Ярославский уезды. На территории Бежецкого Верха передвижение карельских переселенцев продолжалось до начала XVIII в. В основном это было движение между монастырскими, частновладельческими и дворцовыми землями, которое можно объяснить поиском переселенцами лучших условий проживания.

**«В том мы, братья, промеж собой и приговор учинили»:
соборные приговоры Кирилло-Новоезерского монастыря
конца XVII в.**

Предметом настоящего доклада являются соборные приговоры Кирилло-Новоезерского монастыря. Соборный приговор как отдельный документ представляет собой уникальный источник. Записи соборного счета при проверке казначея или житника иногда встречаются в приходных и расходных хлебных и денежных книгах Кирилло-Новоезерского монастыря. В Кирилло-Белозерском монастыре формуляр приходных и расходных денежных книг всегда начинался с соборного счета. Н. К. Никольский писал, что соборные приговоры содержатся в келейных обиходниках. Соборные приговоры выявлены только среди документов Кирилло-Новоезерского монастыря. Они относятся к периоду 1668–1686 гг., когда игуменом монастыря был Иона, часто ездивший в Москву, а в 1687 г. ставший архимандритом Спасо-Прилуцкого монастыря.

Приговоры представляют собой 39 ставов, склеенных в единый свиток. Каждый приговор начинается датой, затем перечисляются участники собора (в разные годы от 8 до 20 человек). Первым упоминается игумен Иона, за исключением тех случаев, когда соборный приговор поручает игумену какое-либо действие. После игумена перечисляются черные священники (от одного до трех), далее уставщик (не всегда), келарь, казначей, житник, иногда конюший, воротник, пономарь, далее старцы без должностей, последними больничные старцы «и вся братия». Далее следует глагол, отражающий суть решения: «приговорили», «считали», «приняли».

В основном приговоры касались денежных вопросов, связанных с поездками игумена Ионы в Москву, Вологду и Белозеро, наделяя его полномочиями на совершение тех или иных действий, преимущественно бить в Москве челом о монастырских делах и занимать в случае необходимости деньги. Ряд приговоров связан с необходимостью продать в Москве вкладные

вещи или лошадей, используя полученные деньги на монастырские нужды. В таком случае собор устанавливал цену, а в случае невозможности продать по этой цене предписывал вернуть непроданное в монастырь. Один из приговоров уполномочил игумена передать в белозерскую губную избу крестьянина из монастырской вотчины, обвиненного в душегубстве, но и здесь ключевым оказывается денежный вопрос: «А что денежного убытку учинитца из монастырской казны, и нам, священникам и братье, в том на игумена не роптать и не укорять». Приговор 29 апреля 1671 г. уполномочил игумена давать монастырским крестьянам зерно взаем «под гребло», то есть ровно, а взимая долг, «вверх осыпать», то есть с верхом.

Собор мог принять у игумена отчет о поездке, дав ему в том счетную память, подобные тем, которые включались в расходные денежные книги.

После описания сути вопроса в соборных приговорах следует санкция: «И нам, священникам и братье, и в том на игумена не роптать и не укорять» с угрозой «смирять монастырским смирением» несогласных.

В заключении каждого приговора отмечен писавший его дьячок: «А приговор писал по брацкому велению монастырский казенной дьячек Якушка Артемьев». Артемьев записал большинство приговоров, за исключением четырех. Каждый приговор имеет от одной до трех скреп, чаще всего черных священников.

Среди приговоров выделяется документ от 6 декабря 1669 г., озаглавленный «роспись». Он также связан с поездкой игумена Ионы в Москву, но представляет собой краткую опись имущества, которое игумен при отъезде «отписывает» братии. Приговор 6 июля 1671 г. цитирует указ архиепископа Вологодского и Белозерского Симона о повторном назначении игумена Ионы в Новозерский монастырь. Вслед за известной по описям имущества стандартной формуле «ведати и строить и меж братиею и слугами, и служебниками, и вотчинными крестьяны росправа чинить» уточняется: «с боящимися Бога монахи, а не с крамолники и ропотники». В конце документа также содержится указание на неизвестные по другим источникам непорядки: «А которые братия, не боящиеся Бога, в монастыре учнут чинить крамолы и ропоти, и нам, священникам и братие, на тех крамол-

ников и ропотников игумену извещать, а ему их с братьею по совету смирать монастырским смирением».

Приговоры исходят из формального приоритета власти собора над игуменом. Есть приговоры, которые утверждают решения, превышающие полномочия игумена: передача обвиненного в убийстве монастырского крестьянина в белозерскую губную избу, что и так находится в компетенции городской администрации; утверждение игумена Ионы соборным приговором 6 июля 1671 г. выглядит излишним ввиду его назначения указом архиепископа.

При изучении соборных приговоров Кирилло-Новозерского монастыря конца XVII в. создается впечатление, что их составление могло быть своеобразной страховкой игумена на случай возникновения «крамолы и ропота» среди братии и, возможно, является отражением беспокойной обстановки в монастыре в это время.

Землевладельцы Медынского уезда 1620-х годов

Задачи доклада: охарактеризовать состав, социальный статус землевладельцев Медынского уезда по писцовой книге 1628–1629 гг. и сведениям иных источников.

Описание Медынского уезда содержится в книгах, хранящихся в РГАДА. Первая (подлинник) объединена с писцовым описанием Калужского уезда 1628 г.; вторая является отдельной рукописью XVII в. Дошла до нас также снятая с одной из указанных рукописей копия XVIII в. (хранится в ОР РНБ).

Медынский уезд делился на 4 стана (Городской, Бежецкий (Вежетцкий), Радомский, Мигулин). В писцовой книге отмечены 142 владения. Владельцев же насчитывается существенно меньше — 111 человек. Объясняется это тем, что нередкими были случаи, когда один служилый человек владел в разных станах поместьями и вотчинами. Данный пример хорошо иллюстрирует «сходство социального состава вотчинников и помещиков» отмеченное В. Б. Кобриным. Указанный факт послужил одним из основных доводов для пересмотра противопоставления «помещиков и вотчинников как разных социальных категорий», мнения «о разных политических позициях помещиков и вотчинников, о «борьбе» боярства и дворянства.

Крупного землевладения в Медынском уезде не было. Общий размер поместий и вотчин ни в одном случае не достигал 1000 четей даже у бояр и монастырей.

Особенностью медынской писцовой книги является значительный объем «ретроспективных данных» о прежних землевладельцах (в ярославских, ростовских, суздальских и ряде других писцовых книг «ретроспективный слой» сохранился значительно хуже). В медынской книге в описании почти каждого владения есть сведения о бывших хозяевах. Кроме того, об этих лицах подробно сообщается в описаниях «порозжих земель», при этом на 111 существовавших приходится 109 «порозжих» владений. Именной перечень прежних землевладельцев включает 190 человек. Это почти вдвое больше числа вотчинни-

ков и помещиков 1628–1629 гг. Указанное соотношение не совсем обычно для писцовых книг и его следует объяснить особенностями эволюции служилого землевладения в Медыньском уезде. Так, известно, что Медынь была взята в опричнину. По январскому 1565 г. указу царь взял «на свой обиход» «город Медынь с Товарковою» (Товарков стан Малоярославецкого уезда). Медыньский уезд подвергся сильному разорению в Смуту. Как изменился состав землевладельцев по сравнению с серединой XVI в.? На этот вопрос можно ответить, используя данные Дворовой тетради 1550-х годов, Боярских списков и памятников последующего периода. Из фамилий 40 землевладельцев, указанных в Дворовой тетради «по Медыни», в книге 1628–1629 гг. числились только 18.

В 1620-х годах в составе 111 медыньских землевладельцев были трое бояр (князя И. Б. Черкасский, Д. М. Пожарский, А. В. Сицкий), 3 стольника царских (Юрий Федорович Бутурлин, князя Яков Гаврилович Коркодинов и Семен Михайлович Селеховский), 3 патриарших стольника (Василий Бабарыкин, Дорофей Лавров сын Рудаков, Замятня Микитин сын Полтев); «царицы и великие княгини сын боярский» (Дружина Третьяков сын Байков); двое дьяков (Гарасим Мартемьянов, Иван Титов сын Детков); 2 подьячих (Исаак Левонтьев, Федор Осипов сын Парфеньев); 18 дворян московских; стряпчий «сытного дворца» (Дружина Степанов Пустобояров), 11 медыньских «выборных»; трое из «выбора» иных городов; 47 — в «служилом городе».

Процент лиц, связанных службой с Государевым двором, был в Медыньском уезде значителен — около половины (46 человек) от общего числа землевладельцев. Немногим меньше (40 человек) значилось медынцев в Дворовой тетради 1550-х годов в составе «Литвы дворовой». Лица из нескольких фамилий, числившихся в Дворовой тетради, владели землями в данном уезде и в 1620-х годах (Дешковские, Полтевы, Сфиридоновы, Реткины, Бакеевы, Свитиные, Плюсковы, Жуковы) и их можно считать «старинными» землевладельцами уезда. Все они, по-видимому, выехали на московскую службу из Литвы в XV — начале XVI в. Об иноземном происхождении сообщается в родословных некоторых фамилий, владевших в разное время земля-

ми «в Медыне» (Чернышovy, князья Чертенские, Огаревы, Наумовы, Плюсковы, Поливановы).

Монастырское землевладение в Медынском уезде было развито мало — только две обители владели вотчинами на его территории (Рождества Пречистые Богородицы Пафнутьев монастырь и обитель Великого Чюдотворца Николы).

Можно заключить, что в XVI — начале XVII в. Медынский уезд являлся регионом преимущественно мелкого и среднего служилого землевладения. В первой половине XVI в. на его территории наделялись землями выходцы из Литвы, добровольно или вынужденно перешедшие на московскую службу. Значительное их количество (около 40 %) числилось в составе Государева двора, являлось резервом его пополнения. Наименование «Литва дворовая», использованное для медынцев в Дворовой тетради, поясняет их место в «служилом сословии» Московского государства в середине XVI в. и последующие десятилетия.

Изменения в составе землевладельцев Медынского уезда связаны с политическими процессами, происходившими в Московском государстве в последних десятилетиях XVI и первых XVII в.

О. В. Скобелкин

**Годовые сметы городов Белгородского полка
как источник по истории народонаселения
последней четверти XVII в.**

Среди книг, отложившихся в Белгородском столе Разряда, есть категория, названная архивистами XIX в. так: «годовые сметные книги городов, ведавшихся Белгородским столом». До наших дней дошло 26 таких книг, составляющих 28 единиц хранения. Они охватывают период с 1667/68 по 1702 г. Хотя этот источник известен с момента публикации соответствующих томов «Описания документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции», исследователи очень долго не обращались к нему. Исключение составляет монография В. П. Загоровского «Белгородская черта», вышедшая в 1969 г., в которой автор использовал некоторые данные двух таких книг и дал краткую характеристику источника. Только в последнее время среди исследователей наметился интерес к годовым сметам городов указанного региона.

Каждая из книг представляет собой переписанные и переплетенные под одной обложкой отчеты (годовые сметы) воевод и приказных людей городов Белгородского полка, присланные первоначально в Белгород — административный центр Белгородского разряда. Эти отчеты включают очень широкий круг информации о состоянии городов и, отчасти, уездов к концу календарного года (в XVII в. год начинался с 1 сентября).

За указанный промежуток времени 10 годовых сметных книг в соответствующей описи фонда Разряда отсутствуют. Сохранность же дошедших до нас книг весьма различна; сильно различаются они и по количеству годовых смет (отсутствующие сметы городов были, судя по всему, механически утрачены) и в силу этого также сильно различаются по объему — от 329 до 2867 листов. При этом часть книг была ветхой уже в момент составления описи в конце XIX в. В настоящее время в некоторых книгах, даже при наличии листов, значительная часть текста на них практически утрачена.

Из-за указанных обстоятельств по некоторым городам Белгородского полка имеются данные лишь за один или два года.

Годовая смета каждого города, как правило, состоит из двух частей — подробного описания и кратких количественных итогов. Формуляр этих смет достаточно устойчив в пределах одной книги, но на протяжении изучаемого периода он периодически претерпевал некоторые изменения.

Обязательной частью годовых смет были именные списки жителей города и, отчасти, уезда (при наличии последнего). Практически всегда фиксировались: а) служилые люди, отставленные от полковой службы или переведенные в городскую службу; б) служилые люди городской службы; в) в сметах некоторых лет — служилые люди полковой службы; г) посадские люди; д) черкасы. Кроме того, поименно указывались все должностные лица, как назначаемые, так и выборные.

Как правило, вместе с данными о служилом или посадском человеке, приводилась информация о его родственниках и свойственниках мужского пола, проживающих, судя по всему, с ним в одном дворе. В зависимости от формуляра той или иной книги детальность такого учета была разной, но имя, степень родства или свойства и возраст были обязательной характеристикой. Методика фиксации возраста родственников и свойственников тоже была различной: в одних случаях учитывались только люди служебного возраста, в других — все, включая родичей «в малых летех».

Представляется, что годовые сметы городов могут стать важным дополнением к кадастровым источникам последней четверти XVII в. в плане реконструкции демографической ситуации на территории Белгородского разряда.

Белозерская таможенная мера из коллекции Кирилло-Белозерского музея-заповедника

Древнейшей основной общерусской мерой сыпучих тел являлась кадь, которая равнялась 2 половникам, 4 четвертям или 8 осминкам. В. Г. Лебединская в научной статье «Общерусские наименования мер сыпучих веществ в русском языке XI–XVII веков» констатирует, что русская система мер сыпучих тел сложилась к концу XVII в. В своем исследовании автор отмечает, что в древнерусских памятниках кадь фиксируется с XII в. в двух значениях: «деревянный сосуд из досок, скрепленных обручами» и «мера сыпучих веществ». Кроме того, кадь в документах XV–XVII вв. используется для названия меры не только сыпучих веществ, но и других продуктов (меда, масла, лука и рыбы). Помимо основной меры, кади, бытовали различные по вместимости деревянные сосуды из досок, скрепленных железными обручами, использовавшиеся для измерения как сыпучих, так и других веществ. Также автор фиксирует, что в письменных источниках XVII в. встречается заорленная кадка — мера, подлинность которой была подтверждена государственным знаком («орлом»). Нередко в письменных источниках упоминаются другие наименования для названия меры: оков и бочка. В отличие от бочки кадь могла быть ниже и не имела верхней крышки, бочки иногда переделывали в кади. Происхождение названия «оков» связано с тем, что верх кади часто оковывали металлом для прочности, а также для того, чтобы нельзя было обрезать и тем самым уменьшить вместимость кади. Кроме того, автор отмечает, что помимо кади бытовали и другие различные по вместимости деревянные сосуды-меры.

Сохранилось достаточно много подобных мер, сделанных из дерева, корней, соломы, луба, бересты, металла. По большей части они имеют цилиндрическую форму, в редких случаях похожи на ведра с ручками, округлые невысокие короба. Иногда они были рассчитаны под конкретные продукты, в первую очередь, зерно и муку и имели объем, соответствовавший опреде-

ленному весу продукта, например, чети или пуду. Сохранившиеся в музейных и частных коллекциях меры в основном датируются серединой XIX — первой половиной XX в. и внешне достаточно похожи друг на друга. Деревянные меры большей частью изготавливались методом долбления, реже — бондарным способом и часто имели деревянные, металлические обручи или были оплетены берестой. Иногда подобные предметы имели ручку на верхней грани, которая была продолжением стенки сосуда, реже — одно или несколько металлических кованых колец на боку меры для продевания веревки и переворачивания.

Деревянные меры считались достаточно утилитарным предметом и обычно не имели украшений, рисунков и надписей, в музейных коллекциях сохранилось достаточно немного таких экспонатов.

На фоне прочих мера из коллекции Кирилло-Белозерского музея-заповедника выглядит абсолютно уникальным экспонатом. Таможенная деревянная долбленная мера из города Белозерска представляет собой овальный в сечении предмет высотой стенок 66 см (усредненно) со вставным эллиптическим дном размером 42,5×37 см, высокими скругленными стенками и широкой горловиной размером 45×38 см и объемом около 85 литров, т. е. примерно 0,8 московской осьмины. По верхнему краю меры на равномерном расстоянии расположены 4 круглые отверстия. На внешней стороне меры на расстоянии 6 см от верхнего края расположен поясok с вырезанной надписью вязью: «МЕРА БЕЛОЗЕРСКАЯ ГОСУДАРЕВА ТАМОЖЕННАЯ А МЕРИТЬ В НЕЕ ПОД ГРЕБЛО». Предмет имеет следы активного использования: деформации, сколы, утраты фрагментов дерева, трещины, сверху и снизу есть темные полосы, видимые в ультрафиолете. Вероятно, мера ранее имела металлические обручи.

В 1653 г. царь Алексей Михайлович издал указ о взимании таможенных пошлин, в котором было указание о введении единообразия мер и весов по всей стране. Таможням на протяжении 50-60-х годов XVII в. рассылались образцы, металлические «царские мерные ведра» с рельефными печатями на верхнем крае предметов. Возможно, данная мера использовалась параллельно с металлическим ведром или заменяла его какое-то вре-

мя. Судя по палеографии надписи, она была сделана в середине XVII в. и могла использоваться на белозерской таможне вплоть до XVIII в.

Данный предмет имеет интересную историю. Он был приобретен музеем-заповедником в 2016 г. у Маргариты Пантелеймоновны Курилко-Рюминой и происходил из коллекции известного художника, профессора Санкт-Петербургской академии художеств, руководителя театральной мастерской в Московском художественном институте имени В. И. Сурикова Михаила Ивановича Курилко (1880–1969). Его сын Михаил Михайлович Курилко-Рюмин в своих воспоминаниях об отце называет его «собирателем», имевшим небольшую, но уникальную по составу коллекцию старинных русских и западноевропейских предметов. Среди картин, гравюр, мебели и предметов быта выделялся «цилиндр из темного плотного дерева с резной надписью по-старославянски», который Михаил Иванович использовал в качестве тары для перевозки паникадил, полученных им в Кирилло-Белозерском монастыре. Расшифровав надпись, Михаил Иванович предположил, что данной мерой измеряли важнейший продукт белозерского промысла — вяленый снеток, сущик. Ловля сущика действительно была очень распространена на Белом озере и окрестных реках. Мелкую рыбу (ершей, снетков, мелких окушков и корюшку) ловили при помощи различного вида сетей, подсаживали и просушивали. Такая рыба отлично хранилась, была легка в транспортировке, использовалась при варке супов и приготовлении вторых блюд. Сущик добывался на Белом озере круглогодично и для многих жителей был важной статьей дохода. Согласно писцовой книге города Белоозера 1675–1676 гг., «бывает рыбных ловцов белозерцов, посадских и уездных, осе-нью, по 400 лодок да по 17 челнов, да прасолских по 29 лодок; а в иной год бывает болши и менши». Рыбаки платили оброк с лодок и с рыбных снастей как деньгами, так и рыбой. Читаем там же: «В Белеозере рыбные охочие ловцы, белозерцы посадские люди и уездные крестьяне, рыбу ловят мережными снастьми, <...> а государева денежного оброку платят с лодки по 8 алтын по две денги, а с челна по 3 алтына по две денги; да те ж рыбные ловцы платят с тех же лодок и с челнов, с лодки по три рыбы, а с челна по две рыбы, судовок и щук головных». Там же

далее: «а государева денежного оброку платят с крючные керешки по 10 денег, с переметные керешки по 5 алтын, да по две рыбы стерлядей и судовок головных; а когда у рыбных ловцов стерлядей и судовок в улове не бывает, и за ту рыбу собирается на них по 10 денег за рыбу». Таким образом, видим, что оброк платится как деньгами, так и рыбой. С сушиком ситуация была, разумеется, иной — мелкую рыбу было проще мерять объемами или на вес, а не штуками и платить оброк с каждой снасти. Читаем там же: «белозерцы посадские и уездные, ловят в Белеозере снятки частыми неводами, что словут тагасы, шестнадцатью тагасами; <...>, а государева денежного оброку платят с тагаса по рублю по 16 алтын по 4 денги да по чети снетков мерзлых, в белозерскую таможенную меру». Таким образом, видим, что кроме денежного оброка происходит плата и рыбой, но измеряется она четьями. Упоминание белозерской таможенной меры здесь, скорее, как учреждения, а не предмета.

В более поздних документах, например, в «Исследовании о состоянии рыболовства в России» (Т. 9. СПб., 1875) в описании начальника экспедиции Н. Я. Данилевского читаем, что в XIX в. на Белом озере сохранилась тенденция измерения снетка традиционными местными мерами — «ковшами» (по 5 фунтов) и «мерами» (от 12 до 16 фунтов). Однако это скорее внутренняя система мер для удобства бытового хранения и учета сущика местными жителями, а вся продаваемая рыба считалась уже в общеимперских величинах — пудах.

Таким образом, можно сделать вывод, что на основании имеющихся на данный момент сведений белозерская таможенная мера является инструментом для определения объемов сыпучих тел. Возможно, ее могли использовать и для определения количества сущика, но ничего не указывает на то, что она использовалась только для этого. Мера уникальна как с точки зрения наличия надписи, позволяющей точно привязать ее к местности и учреждению, так и датировкой, которая позволяет утверждать, что перед нами древнейший из сохранившихся предметов определения объема, что делает ее подлинной жемчужиной коллекции дерева Кирилло-Белозерского музея-заповедника.

**Текущий этап работы над средствами автоматической
обработки сибирских таможенных и приходных книг
первой трети XVII в.**

В исторической литературе сложились два устойчивых направления по изучению массовых источников (таможенные, приходные и др. книги). Первое направление занимается методами наборных публикаций массовых источников (в том числе таможенных и приходных книг) и самой их публикацией (см. библиографические обзоры А. И. Раздорского по таможенным книгам). Второе направление занимается способами использования баз данных в изучении массовых источников (обзоры по этому направлению делала И. М. Гарскова в 1994, 2005, 2018 гг.). Сюда же можно отнести метод структуризации слабоструктурированных данных при помощи XML разметки (этот вопрос хорошо раскрыт в публикациях А. Г. Варфоломеева, А. С. Иванова и др.). На наш взгляд, необходимо формирование третьего направления — промежуточного между этими двумя. Это направление должно заниматься методами автоматического перехода от того вида «слабоструктурированных данных», который представляет собой таможенные книги, изданные наборным способом, к виду сильно структурированных данных, который представлен разными табличными базами данных. На наш взгляд, такое направление развито сейчас недостаточно. Особенно пропорционально тем возможностям, которые предоставляет современное развитие языков программирования.

Проблема слабоструктурированных данных была нами сформулирована как личная исследовательская задача в 2013 г. В 2017 г. нами была проделана работа по уточнению терминологии, а также сделан опыт по автоматической обработке машиночитаемой копии таможенной книги. На Пятой международной научной конференции «Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XX вв.» в Новосибирске (27–29 сентября 2022 г.) нами был сделан доклад на тему возможного отказа от «тематического» подхода к изучению таможенных книг и переходу

к сплошному изучению источника на базе словаря нелемматизированных данных с примерами (словаря с конкордансом). Для чего нами в октябре 2022 г. был написан отдельный скрипт, с помощью которого был обработан файл томской приходной книги 1630 г., которая, наряду с таможенными документам Томска за 1624–1627 гг., является важным источником для характеристики социально-экономического состояния города в первой трети XVII в. В основу работы нами была положена публикация В. А. Есиповой 2005 г. и ее же публикация 2004 г. в серии «Таможенные книги сибирских городов XVII века». В результате из небольшого текстового файла примерно в 1200 строк (161 774 знака, 160 килобайт на диске) мы получили текстовый же файл объемом более чем в 30 тыс. строк (7 318 671 знак), который на диске занял около 7148 килобайт. Понятно, что текст размером в 168 авторских листов — это хорошая многотомная энциклопедия. Такой текст вряд ли может быть прочитан за один раз. Но, с другой стороны, он не оставляет места для «вкусовщины». Все слова в тексте словаря расположены в алфавитном порядке и мы можем в одном месте получить информацию о любом явлении или персоналии, которые встречаются в тексте. В конечном итоге формы организации научного труда могут снова привести нас к тематизации, но, на наш взгляд, это будет «честная» тематизация, очищенная от налета субъективизма, с уменьшенным количеством ошибок.

Конечно, большинство коллег найдет предложенное нами решение чересчур радикальным. Потому задачей следующего этапа работы является написание такого скрипта, который бы преобразовывал сырые данные источника в табличную форму. Промежуточными этапами для разработки такой формы и должны выступить частотный словарь нелемматизированных словоформ и словарь с примерами, которые позволяют лучше понимать структуру источника. Идеалом же должно быть автоматическое преобразование данных вида: «Осипу Кокореву тринадцать рублей дано. Гаврилу Черницыну два рубли дватцат семь алтын четыре денги дано. Степану Моклокову пят рублей дано. Левонтью Полтеву пят рублей дано. Пересвету Тарakanову восемь рублей тринадцат алтын две денги дано. Григорию Каржавину пят рублей дано. Остафью Харламову семь рублей // (л. 2)

десет алтын дано. Бажену Карташову семь рублей тринацат алтын две денги дано. Луке Васильеву три рубли дватцат три алтына две денги дано. Григорью Пушину восемь рублей дано. Ивану Едловскому семь рублей дано» к виду таблицы.

Это позволит сортировать записи как по алфавиту фамилий, так и размеру оклада, а также производить всякого рода вычисления, не только приводя оклады к «рублевому виду» (т. е. пересчитать алтыны и деньги в доли рубля и записать оклад в виде десятичной дроби), но и определяя самых высокоплатимых участников выборки, самых низкоплатимых, вычисляя среднее, медианное и так далее. Что, в свою очередь, может быть основанием для каких-то выводов собственно исторического характера.

Далее естественным образом возникает вопрос о конкретной программной реализации данного метода. В связи с этим мы хотели бы обратить внимание на следующую цитату из работы И. М. Гарсковой (2018): «<...> перестали использоваться почти все авторские программы, разработанные в 1980–2000-х гг. <...> Очевидно, авторские программные продукты, как универсальные, так и специализированные, не имеют тех преимуществ, которыми обладает коммерческое программное обеспечение: они часто написаны на устаревших языках программирования, имеют не слишком удобный интерфейс, их непросто осваивать, отсутствует обязательное для коммерческих программ сопровождение и обновление. Все это предсказывает таким программам короткую жизнь. Кроме того, в настоящее время эти программы не используются, поскольку многие их функции реализованы в современных стандартных статистических пакетах <...>».

По нашему мнению, из этого утверждения может быть сделан следующий вывод: более чем тридцатилетний опыт показывает, что создание программных пакетов имеет мало смысла по тем причинам, которые названы выше. Большое значение имеет разработка общих методов, а также публикация примеров кода, которые в будущем позволят отдельным исследователям создавать инструменты для автоматической обработки текста, которые будут исходить из своих творческих исследовательских задач.

Выводы, к которым мы пришли на данном этапе исследования, таковы. Во-первых, идея создания, изучения и обработки машиночитаемых наборных копий массовых исторических источников Нового времени (преимущественно XVII в.) не утрачивает пока своей актуальности. Во-вторых, идея трансформации слабоструктурированных данных источника в жестко структурированную форму базы данных автоматическим способом, минимизирующая человеческое вмешательство, пока не нашла еще должного распространения в среде историков. В-третьих, промежуточными этапами такого структурирования может быть не только частотный словарь нелемматизированных словоформ, но и подобный же словарь со всеми примерами употребления (несмотря на то, что объем текста увеличивается более чем на порядок). В-четвертых, поскольку формуляры источников были довольно гибкими, нам кажется разумным адаптация общих методов и алгоритмов под каждый изучаемый источник (или группу источников), а не попытка создания универсального алгоритма, реализованного как программный пакет или приложение.

Возможности массовых источников для изучения раннего периода истории староверческого движения в России

Традиционный для исследователей староверчества круг источников обычно формируется из двух групп: источники староверческого происхождения и официальные документы, происходящие из правительственного лагеря.

Для раннего периода истории староверческого движения, который охватывает вторую половину XVII и начало XVIII в., переписные книги, относящиеся к документам официального характера, имеют исключительное значение. Почему среди многочисленных видов источников этой группы хочется говорить именно о переписных книгах? Дело в том, что правительственные постановления, решения соборов, всевозможные акты, материалы следственных дел, челобитные, донесения, отписки, относящиеся к указанному периоду, прочно вошли в научный обиход и уже довольно хорошо изучены. В этом плане исследователь староверчества едва ли обнаружит что-то новое, возвращаясь к этим документам. Обращение к переписным книгам и материалам ревизий всегда дает новую информацию.

Рассмотрим на примере северного поморского региона Российской государства, что можно почерпнуть из материалов государственного учета для истории староверческого движения. Переписные книги северных уездов (Олонецкого и Каргопольского) и вотчины Соловецкого монастыря 1647, 1678, 1707, 1712–1713, 1718–1719, 1720 гг. и материалы двух ревизий Олонецкого и Двинского уездов 1723 и 1744 гг. содержат информацию о географии и административном делении северных территорий, о статусе земель, о монастырях и их вотчинах, о городских и сельских приходах, священнослужителях и прихожанах, имена которых встречаются в следственных делах, связанных с сопротивлением реформе, о названиях, составе и численности староверческих поселений.

При решении просопографических задач особенно результативным является метод сплошного просмотра нескольких пе-

реписей и ревизий. Такой метод является чрезвычайно затратным по времени и требует от исследователя значительного терпения, усидчивости и внимательности, но в то же время может отблагодарить неожиданным результатом. Так, при сплошном просмотре переписных книг 1678 и 1707 гг. были выявлены предки знаменитого усть-цилемского староверческого книгописца Ивана Степановича Мяндина, которые оказались выходцами из Выгозерского погоста Олонецкого уезда, переселившись в начале XVIII в. в Мезенский уезд. Были установлены фамилии многих лиц, упоминаемых в сочинении староверческого писателя И. Филиппова «История Выговской пустыни», — Угарковы, Третьяковы, Крохины, Серебрянниковы, Белозерцовы.

Для дополнения скудных биографических данных персонажей, фигурирующих в следственных делах о староверах или в литературных произведениях, переписные книги служат незаменимым источником информации. Помимо того, что устанавливаются даты жизни искомым лиц, выясняются их родственные связи, профессиональные занятия, социальное происхождение, регион, откуда они происходят.

Во многих переписных книгах 1707, 1712 и 1719 гг. указано, когда крестьяне «ушли в раскол», всей семьей или нет, с каким имуществом, в какие пустыни они удалились. Благодаря подобной записи в переписной книге Олонецкого уезда 1707 г. установлено, что поселение, организованное соловецким выходцем дьяконом Пимином, и погибшее в 1687 г. во время захвата стрельцкой командой, находилось не в деревне Березовый Наволок, а на острове Березовом на Тунгудском озере. Запись в переписной книге Лопских погостов 1678 г. о двухлетнем сыне крестьянина Архипа Памфилова Иове позволила отождествить Пужамагубское поселение староверов из следственного дела 1689 г. с Вонгозерским поселением из староверческого синодика.

На примере северного региона России показано, что использование переписных книг и материалов ревизий в качестве источника по истории староверческого движения является эффективным и перспективным решением биографических, просопографических, географических, социальных, генеалогических и демографических вопросов.

**Реконструкция взаимодействия помещичьих крестьян
и местных властей в екатерининскую и павловскую эпохи
на основе расходных книг мирских старост и иных
документов вотчинного архива ***

В Российской империи контакты государства и большинства подданных, в том числе крепостных крестьян, происходили преимущественно на уровне представителей крестьянских общин и уездных властей. Делопроизводственные материалы последних, не касающиеся экстраординарных случаев, крайне скупы, поэтому созданные сельской общины документы — почти единственный источник о повседневных отношениях крестьян и властей. Максимально же полно реконструировать эти отношения позволяет анализ сплошных массивов мирской документации по одной вотчине, которые чаще всего встречаются в личных дворянских архивах. Одним из них является архив Бутурлиных по селу Палех с деревнями Владимирской губернии: он содержит, с незначительными лакунами, книги старост, приговоры мирских сходов, переписку вотчинных властей с помещиком и др. материалы. Поскольку почти любой контакт крестьян с чиновниками можно было определить в денежном выражении, то наиболее важными являются расходные книги, погодно фиксировавшие траты общины. Достоверность и подробность этих источников (например, при описании подношений властям) отмечались в работах В. А. Александрова, Н. В. Соколовой, Е. Н. Швейковской. Расходные книги, содержащиеся в архиве Бутурлиных, составлялись на основе черновых записок о тратах и по памяти. Записи в них идут не в хронологическом порядке, многие не датированы, а имеющиеся даты зачастую отличаются от фактических на несколько дней. Кроме того, от записи к записи степень подробности значительно отличается. Описания мо-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00391

гут быть очень краткими и неясными: раскрыть смысл большинства из них и уточнить датировку позволяют другие документы.

Воссозданные на этой основе сведения о контактах палешан с властями можно разделить на две группы: поездки крестьян в уездный и губернский города и приезды разного рода администраторов в Палех. В расходных книгах фиксировались все поездки по мирским делам, их цели: доставка собранных налогов, сдача рекрутов и объявление рекрутских квитанций, подача явочных челобитных. Ежегодно сотские ездили в уездный город для получения инструкций, причем задолго до того, как Екатерина II постановила это в «Инструкции сотскому с товарищи» 1774 г. С 1760-х годов уездной администрации ежегодно подавали сведения об урожае хлеба. Иногда крестьяне ездили в уездный центр, добываясь каких-то выгод и послаблений, как правило, безуспешно. По сохранившимся запискам о тратах в поездках (они касаются в основном рекрутской повинности) можно проследить маршрут следования крестьян до города, их остановки в пути. Также из этих материалов видно, какие траты брала на себя община: подводы (в том числе и данные общинниками), питание в дороге, деньги за постой, фураж, подношения чиновникам, при рекрутских проводах — также алкоголь. Видно и то, кто ездил по мирским делам. Так доношения о разбойниках, которые по закону от 12 сентября 1728 г. формально требовались со старост, обычно подавал сотский. Рекрутов в губернский город чаще отвозил староста, а подушные — его помощник, выборный. Вместе они ездили крайне редко, поскольку в их обязанности входило и «отправление градских приездов».

Палех находился на дороге, ведущей из Шуи в Нижний Новгород. На палешанах лежала обязанность поддерживать дорогу и ближайшие мосты в исправности: от этой обязанности они через самых разных служащих пытались откупиться. Но окончательно избавиться от повинности не удавалось, поэтому они нанимали людей для ремонта дороги и мостов. Мимо села регулярно проезжали чиновники Владимирской и других губерний, рекрутские и сыскные команды, везли государственную казну. В Палехе многие из них останавливались на постой и брали подводы; число их за вторую половину XVIII в. ощути-мо увеличилось. Крепостные Бутурлина селили и кормили их на

постоялом дворе и совместно со второй половиной села (принадлежащей другим помещикам) платили за это деньги хозяевам двора. Рекрутским же командам крестьяне иногда давали деньги, чтобы те не останавливались у них. Также чиновники и солдаты регулярно приезжали в Палех для объявления указов. Объявления касались царской семьи, законов, а больше всего — повинностей крестьян (о выборе сотских, начале рекрутского набора и проч.). В том числе дважды в год напоминали им об уплате подушных, делая это вопреки указу от 31 января 1762 г., прямо запрещавшему посылать нарочных с такими повестками до нарушения срока платежа (согласно сохранившимся в архиве распискам палешане платили подушные в срок). Также приезжающие чиновники запрашивали сведения: о помещике (служит ли, сколько душ и земли); о числе крестьян, отпущенных с паспортами; о ярмарках и т. п. Таким образом, взаимодействие с властями занимало важное место в жизни общины и являлось одной из главных обязанностей вотчинной администрации.

Л. В. Теребова

Предметно-терминологические указатели к описям Кирилло-Белозерского монастыря 1621 и 1668 гг.

В ходе подготовки к изданию описей строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1621 г. (в двух редакциях) и 1668 г. были составлены предметно-терминологические указатели. Актуальность такой работы не вызывает сомнений, так как наличие указателя позволяет исследователю быстрее ориентироваться в объемном и разнообразном по составу информации тексте, каким является описание монастырского имущества, а также на начальном этапе изучения документа увидеть разнообразие позиций в описаниях того или иного предмета или термина. Первый этап работы включил составление словаря устаревших слов, встречающихся в описи.

Термины в указателях систематизированы в алфавитном порядке. Основной словарной единицей являются имена существительные в именительном падеже и, преимущественно, единственном числе. Прилагательные использованы как определяющие слова, глаголы при составлении указателя не использованы, в случае употребления словосочетания с глаголом существительные в указателе даны отдельными позициями. Так, в сочетании «9 блюд вязовых подписаны золотом» слова разнесены по позициям «блюдо вязовое» и «золото». Слова одинаковые по написанию, но различные по значению, выделены в подрубрики предметно-терминологических единиц, название которым определено составителями. Например, рубрика «Глава» имеет такие подрубрики как «архитектурный элемент», «голова, часть тела», «заглавная буква в тексте», «раздел в тексте или книге», «центральная верхняя часть креста, панагии, киота или иконы». Слова, обозначающие одно и то же понятие, объединены в одну предметно-терминологическую единицу. Например, термин «образ», в понятии «иконописное изображение», объединен с термином «икона». Определения, уточняющие сведения о существительных и относящиеся к одному слову, отмеченному в рубрике, включены в подрубриках определяемого слова в ал-

фавитном порядке, с отступом от края строки. Они даны в том виде, в котором встречаются в описи, то есть может быть дано полное описание предмета — основной материал (серебро, золото, дерево), основная техника изготовления (кованая, чеканная, резная и т. д.), техники для декорирования предмета (золочение, с финифтью, чернение), размер (невелик, средний и т. д.), так и короткое описание, например, «чеканная золоченая», «малый», «большой» и т. д.

Для удобства работы с указателем нами был применен общепринятый в археологии метод, позволяющий для ряда более узких определений вводить общее классификационное понятие. Таким образом, некоторые близкие по значению предметы и термины объединены в единые рубрики, а в алфавитный ряд предметно-терминологических единиц введены обобщающие словарные единицы, отсутствующие в тексте источника. Например, все декоративные камни, встречающиеся в описи как элементы украшений предметов церковной утвари, изделий из ткани, церковных облачений и прочее, объединены в рубрике «Камни драгоценные и декоративные». В рубрике указаны листы, на которых встречаются камни без указания разновидности и цвета, в подрубриках можно найти указание на название конкретного минерала — лал, бечета, бирюза и прочее, а также его цвета — алый, багровый, лазоревый, желтый и другие. В случае более сложных описаний, например, если определенный минерал встречается нескольких цветов или имеет другие отличительные черты (невелик, средний, окатный и прочее), используются подрубрики нескольких уровней. При сочетании в тексте описи обобщающего слова и названия минерала, например, «камешек червец» — упоминание в указателе следует искать по более узкому понятию, в данном случае — слову «червец». Оформлены подрубрики, покрывающие более узкие определения, как и в других случаях, в алфавитном порядке с отступом от края строки, в случае разделения подрубрики на разделы — для разделов дается дополнительный отступ.

К обобщающим в указателе можно отнести рубрики: «Грамота», «Кожа», «Ткани», «Краска», «Серебро», а также составительские рубрики «Ангельские чины», «Денежная единица, денежный знак, монета», «Лики святости», «Камни драгоценные

и декоративные», «Книги», «Скот», «Священнослужители и церковнослужители».

Особую сложность при составлении указателя вызвали рубрики «Венец», «Гривна», «Образ», «Оклад», «Складень», систематизация предметов в которых усложнялась не только большим разнообразием материалов и техник, но и вариативностью их сочетаний. Также следует обратить внимание на рубрику «Крест», для ее пояснения даны многочисленные подрубрики, в том числе указывающие назначение предметов и раскрывающие материалы и техники из которых и с помощью которых они были изготовлены. При работе над данными рубриками упор сделан на наиболее часто встречающиеся сочетания позиций.

Таким образом, предметно-терминологические указатели дают исчерпывающее представление о богатстве монастырского строения, а также о лексике, использованной кирилловскими старцами при составлении описей имущества XVII в.

Случаи коррекции сведений писцовых книг в делопроизводстве начала 30-х годов XVII в.

Проблема достоверности сведений, содержащихся в писцовых книгах XVII в., издавна и постоянно привлекает внимание историков, исследовательские интересы которых преимущественно направлены на верификацию различных цифровых данных. Главным источником при этом остаются, как правило, сами писцовые книги, в лучшем случае, с привлечением наказов писцам, и только в отдельных работах (в частности, А. А. Фролова) привлекаются материалы приказного делопроизводства с содержащимися там выписями из писцовых книг. Такой путь источниковедческих исследований, включающий кадастровые материалы в общий документооборот, представляется весьма перспективным для дальнейшего изучения писцовых книг. В качестве примера приведем три дела Устюжской четверти начала 30-х годов XVII в., где использовалась писцовая книга Тотьмы и Тотемского уезда 1622/23–1624/25 гг.

Не позднее 23 сентября и 14 ноября 1631 г. вдова Д. Строганова Ольга подала в четверть две челобитные, указав, что в 1624/25 г., когда писец Ф. Дуров и подьячий О. Колюпанов «мерили и писали» Тотьму, посад и уезд, она сама находилась в Москве. В результате, принадлежавшие с 70-х годов XVI в. Строгановым и зафиксированные за ними в дозорной книге 1619/20 г. пожни и сенные покосы по ложному челобитью писцам крестьян И. и А. Желвачевых оказались приписанными к пустоши Звездочетову в Окологородной волости. О. Строганова просила провести сыск про эти, попавшие в чужие руки угодья и вернуть их настоящим владельцам.

Не позднее 24 декабря 1631 г. в этот же приказ была направлена челобитная крестьянина волости Верхняя Еденга С. Р. Баландина с жалобой на крестьян Иванова починка, где было отмечено, что во время работы писцов в волости его отец, Р. Баландин, «сказывал» им о принадлежавших семье покосах, которыми, тем не менее, «насильством» стали владеть крестьяне

Иванова починка. С. Р. Баландин просил запретить посторонним вступаться в их покосы.

Не позднее 10 января 1632 г. в четверть поступило обращение игумена Преображенско-Введенской Сумориной пустыни Галактиона с братьями с рассказом о том, что, когда в 1623/24 г. писцы Ф. Дуров и О. Колюпанов писали различные, принадлежавшие им угодья, в Суморине пустыне находился строитель, прихожий старец Антоний, который ничего не сообщил о монастырских владениях писцам, а они, соответственно, не внесли в книги необходимые сведения о множестве сенных покосов, пожень, амбарных мест и даже о трех соляных трубах, почему старцам «<...> владети <...> теми соляными трубами и онбарными месты, и островками, и пожнями, и сенными покосами <...> впредь не по чему». Их просьба была схожа с пожеланием О. Строгановой: провести повальный обыск и на его основе выдать монастырю грамоты на владенье угодьями.

На оборотах всех челобитных имеются немного различающиеся лексически, но одинаковые по смыслу пометы дьяка П. Чирикова с предписаниями выписать из писцовой книги касающиеся указанных географических объектов фрагменты. Далее в делах следуют сделанные подьячими три выписи, в конце которых читаются также почти однотипные распоряжения дьяка о посылке тотемским воеводам И. А. Францбекову и сменившему его М. В. Головачеву грамот о проведении повалных обысков и записи за челобитчиками указанных владений, если справедливость их просьб подтвердится.

Приведенные примеры имеют значение для выяснения вопроса о степени достоверности приказной документации как на первичном уровне — собственно писцовых книг, так и на вторичном — подготовленных для различных административно-судебных разбирательств выписях.

Сравнение тотемской писцовой книги с делами О. Строгановой и Сумориной пустыни показывает неточность и неполноту содержащихся в ней сведений. В первом случае неправильно, несмотря на купчие и фиксацию в дозорной книге, указана владельческая принадлежность пожень. Во втором — в кадастр вообще не попали почти два десятка сенокосных угодий и три соляные трубы, что не могло не отразиться на итоговых,

проведенных писцами подсчетах, которые в результате заведомо являются недостоверными.

Указанная же в челобитной монахов причина утраты сведений — неосведомленность об истинных масштабах монастырских владений недавно появившегося старца — предоставляют дополнительный аргумент для решения такого дискуссионного вопроса, как методы и способы работы писцов: личное посещение и осмотр ими описываемых территорий или получение сведений от тех или иных представителей местных светских и духовных властей или жителей. Рассказ старца Антония Ф. Дурову и О. Колюпанову подтверждает справедливость второго предположения.

Одновременно все три примера являются аргументами против историографического тезиса о стремлении землевладельцев разных категорий к утайке собственных владений от фискального учета. Наоборот, и вдова солепромышленника, и монахи, и черносошный крестьянин в полных и точных записях в кадастровых материалах видели неоспоримое юридическое обоснование своих владельческих прав, почему и добивались исправления допущенных писцами ошибок.

Что же касается вторичных материалов, подготовленных в приказе выписей, то сравнение показывает, что в двух (дела О. Строгановой и Сумориной пустыни) текст книги, за исключением небольших орфографических разночтений, передан точно. В третьей же (дело С. Р. Баландина) подъячий совершил ошибку гаплографического характера в обозначении количества десятин пашенного и непашенного леса. Следовательно, говорить об абсолютно точном воспроизведении текста антиграфа на основании выписей не приходится. Вместе с тем, вопрос о реконструкции содержания утраченных писцовых книг при помощи позднейших документов не имеет, как представляется, однозначного ответа, требуя дальнейшего изучения конкретных материалов приказного делопроизводства.

И. О. Тюменцев

Синодик защитников Троице-Сергиева монастыря из рукописи № 25 собрания Лавры

Героическая оборона Троице-Сергиева монастыря от тушинцев в 1608–1610 гг. явилась поворотным событием Смуты начала XVII столетия в России. Победы, одержанные защитниками Троицы осенью 1608 г., стали искрой, зажегшей пламя земского освободительного движения.

Выявленные исследователями источники по истории обороны Троице-Сергиева монастыря содержат общие приблизительные сведения о численности защитников монастыря, о понесенных потерях и о гибели конкретных лиц. Список защитников Троице-Сергиева монастыря мы в своей работе восстанавливали по монастырским вкладной книге, троицкому синодику № 818 (С818), списку погибших в осаде и троицким документам архива Я. Сапеги. Всего удалось восстановить имена 652 человек.

Недавно С. В. Николаева описала и ввела в научный оборот список, отразивший более ранний синодик № 25 (С25), который содержит свидетельства о гибели и поминании в хронологической последовательности, а не по рубрикам социальной стратиграфии как в С818. Особую ценность представляют сделанные киноварью над строками пояснительные записи о том, кто и откуда поминаемый человек. Троицкие документы, перехваченные сапежинцами, позволяют раскрыть новые особенности С25 как исторического источника.

С. В. Николаева отметила, что в С25 упоминаются инок Иосиф (Обрезков) умерший 15 июля 1608 г., а ниже инок Серапион (Мещерский) почивший 6 ноября того же года. Между ними в поминальной записи помещены 71 человек?! Как известно, год в то время на Руси начинался 1 сентября, а тушинцы пришли к Троице 23 сентября, поэтому перечень поминаемых можно с уверенностью сократить до 25 человек. Десятым в списке поминального перечня за 7117 год в С25 указан троицкий слуга Василий Брехов, который был смертельно ранен на вылазке

10 (20) октября 1608 г. Если учесть, что первая вылазка из Троицкой крепости согласно «Выписи вылазкам» и дневнику Я. Сапеги произошла 8 (18) октября 1608 г. и осажденные потерь не понесли, можно прийти к выводу, что смерть В. Брехова открывает поминальный список погибших и умерших в осаду. Завершает этот список архимандрит Иоасаф, убитый сапежинцами у гроба Пафнутия Боровского 5 (15) июля 1610 г. Подсчеты показывают, что по С25 в осаду погибло и умерло 1415 человек: в 7117 г. — 1028, в 7118 г. — 387.

С. В. Николаева установила, что данные С25 и С818 о соборных старцах соответственно 5 и 5, священноиноках — 22 и 20, дьяконах — 4 и 5, в основном совпадают. Разнятся лишь сведения о крылошанах 4–8.

В С25 поминовению подлежат 360 иноков без выделения в особые рубрики иноков Подольного монастыря и принявших постриг монастырских слуг. Тогда как в С818 упомянуты 173 служебника Троице-Сергиева, 24 Подольного монастырей, 79 монастырских слуг, принявших постриг, и келейник патриарха — всего 277. Остальные, судя по прямым указаниям архива Я. Сапеги и «Сказанию» А. Палицына, — миряне, принявшие постриг во время осады.

В С818 упомянуты 79 монастырских слуг из них 16 перед смертью успели принять постриг. В С26 отмечены только 16 слуг-чернецов. Та же ситуация, видимо, со служками (см. табл. 1).

Таблица № 1

Служебники	Синодик 818	Синодик 25
Кузнецы	15	3
Плотники	11	9
Конюхи и тележники	28	5
Повары	4	4
Хлебники	22	3
Посошники	3	—
Портные	4	3
Ложечники	5	1
Сапожники	7	3

Огородники	7	4
Каменочетцы	4	1
Токари	7	6
Иконники	8	7
Судописцы	5	2
Нижегородцы	21	9
Детеньши	7	14

Анализ С818 не оставляет сомнений в том, что в нем тщательно отобраны только монахи, слуги, служебники и работники Троице-Сергиева монастыря.

В «Поименном списке» мы установили имена 9 инокинь и 2 попадней Хотьковского и Подсосенского монастырей. В С25 упоминаются 49 монахинь. С25 существенно увеличивает число осадных сидельцев из пригорода Троице-Сергиева монастыря — села Клемятева и других троицких сел (см. табл. 2).

Таблица № 2

Троицкие крестьяне	Поименный список	Синодик 25
Клемятево село	15	69
Желтково село	4	4
Молоково село	2	1
Выпукова село	1	3
Деулино село	1	1

В гарнизон Троицы входили 104 московских стрельца сотника Николая Волжинского. В свое время в «Поименный список» мы смогли включить только 4 имени, в С 25 упомянуты 16 стрельцов. В феврале 1609 г. в Троицу прорвался атаман Сухой Останков с 66 казаками. В «Поименном списке» мы смогли назвать имена 5 из них, в С25 — их уже 28 человек. Сложнее с дворянами. За редким исключением из-за отсутствия прямых указаний в тексте памятника невозможно выделить их из общей массы иноков и мирян.

Главным достоинством С25 является упоминания членов семей монахов, слуг, служек, дворян и крестьян: родителей, жен,

детей, братьев, сестер и даже младенцев, которые по другим источникам практически не прослеживаются.

Ввод в научный оборот С 25 существенно расширяет возможности просопографического анализа в изучении истории обороны Троице-Сергиева монастыря. Персонификация позволяет существенно продвинуть изучение этого героического, поворотного события Смутного времени.

Информационный потенциал настольных грамот русских архиереев и архимандритов XVII в.

Настольные грамоты — важный документ, удостоверявший права и обязанности духовного лица, облеченного властью. В отличие от ставленных грамот, выдававшихся простому священству, настольные грамоты получали представители среднего и высшего духовенства — настоятели монастырей, члены епископата и сам патриарх. Настольные грамоты готовились в патриаршей канцелярии и заверялись подписью главы церкви или, в случае поставления патриарха — подписями и печатями представителей епископата, участвовавших в избирательном соборе.

Исследование документального комплекса настольных грамот сопряжено с рядом источниковедческих трудностей. Наиболее сложным является вопрос поиска и выявления сохранившихся документов этого типа. Особенно остро он стоит в отношении настольных грамот епископата в силу разрозненности, частого перемещения и отсутствия единой локации хранения. По общим оценкам в настоящее время исследователям известно лишь около 20 % текстов епископских настольных грамот XVII в. Наиболее полно сохранился комплекс настольных грамот русских патриархов в Синодальном собрании ОПИ ГИМ. В архивах монастырей такие документы хранились компактно и общая их сохранность выше. Так, довольно хорошо сохранился комплекс настольных грамот архимандритов Троице-Сергиева монастыря.

Настольные грамоты имеют четкую структуру и обязательный набор содержательных элементов: общее богословское вступление, обоснование необходимости замещения вакантного места в церковной иерархии и выбор достойного кандидата, перечень обязанностей пастыря на новом посту, требования к пастве о подчинении и должном уважении, датировка, подписи. На протяжении XVII в. тексты грамот подвергались редакционной правке, в них вносились дополнения и изменения. Наиболее важными из них представляются последовательное расширение

и структуризация списка требований, перечень «должностных» обязанностей владык, введение во второй половине века санкционной части в текст грамоты (наказание иерарху за нарушение церковной дисциплины) и некоторые другие.

Оформление настольных грамот также схожее — они представляют собой парадный документ, как правило, оформленный орнаментом (от простого одноцветного на настольных грамотах настоятелей монастырей до сложного, разноцветного с использованием золота на грамотах архиереев и патриархов).

Несмотря на формальную структуру и однотипность настольные грамоты представляют собой важный исторический источник и имеют богатый информационный потенциал. Во-первых, они содержат сведения о времени и обстоятельствах поставления духовных лиц (а в случае с патриархами и перечень участников процесса), во-вторых, анализ текстов грамот позволяет конкретизировать вопрос об объеме и пределах власти духовного лица в России XVII в., наконец, в-третьих, эволюция текстов настольных грамот иллюстрирует изменение представлений государства и общества о месте и роли в нем представителей церковной иерархии. Одной из перспективных задач исследования в этой области представляется составление реестра сохранившихся настольных грамот русских архиереев, их сравнительно-текстологическое исследование и публикация.

А. А. Фролов

Писцовая книга Дмитрия Китаева в годы Смуты

Архивная судьба писцовых книг Русского государства в XVI–XVII вв. мало изучена. Составлено представление о пути, который проделали до архивов новгородские книги, но и здесь существуют белые пятна. Известно, что книги древнее 1580-х годов в столичный приказ Новгородской четверти поступили из Новгорода в 1688 г. По меньшей мере некоторые из них «после немецкого разъярения поставлены были под церковь Происхождения Честнаго Креста и под тою церковью лежали многое время», пока в 1646/45 г. она не рухнула. То, что в Новгороде они находились и во время немецкого разорения, кажется наиболее вероятным, так как еще ранее, на протяжении всего XVI в., они служили источником для выписей Новгородской приказной избы.

В монографии о русско-шведской границе А. А. Селин предлагает альтернативную версию. По его мнению, «подлинная книга Дмитрия Китаева хранилась в то время (в 1616 г. — *А. Ф.*) в Москве в архиве Поместного приказа. Она пережила пожар 1626 г. и каждый может посмотреть ее ныне в РГАДА». Конечно, представление о связи этой книги с Поместным приказом ошибочно — хранится она в фонде РГАДА, полученном из МГАМИД (а не МАМЮ, где находились документы Поместного приказа), который, в свою очередь, аккумулировал документы Новгородской четверти. Но мнение А. А. Селина побуждает к поиску ответа на вопрос, не могла ли, действительно, на время шведской оккупации книга Д. Китаева (среди других древнейших книг) быть эвакуирована, чтобы снова вернуться в Новгород после Столбовского мира?

Книга Д. Китаева «всплывает» в пограничном споре, возникшем в ходе Столбовских переговоров, и при последующем размежевании границы. Шведы, получавшие по Столбовскому миру Корельский уезд, считали расположенные севернее территории относящимися к нему, а Москва утверждала, что «лопские» погосты никогда к нему не относились и тянули непосред-

ственно к Новгороду. В конце 1616 г. новгородцы предупреждали московских послов, прибывших в Столбово, о том, что «<...> выписывал-де в Новегороде ис писцовые книги Дмитрея Китаева свейской перевотчик Анца Брякилев Ноугородцкой уезд и новгородские пригороды, и которые волости и погосты х которому городу приписаны, <...> и выписал-де ис тое книги перевотчик Анца Брякилев Лопских семь погостов, <...> а приписаны те погосты к Новугороду. И свейские-де посылы о тех погостех говорити и стояти хотят и приписывать х Кореле или к Орешку, потому что-де на Москве тех книг нет, и государевым-де послом про те погосты не ведамы» (здесь и далее цит. по А. А. Селину).

Зная неоднозначность, с которой иногда в писцовых книгах может быть отражена административная принадлежность тех или иных территорий, и делая поправку на то, что реалии 1500 г. не всегда были точно понятны человеку начала XVII в., можно предположить, что шведы намеревались трактовать эту неоднозначность в выгодном для себя свете, используя свое преимущество обладания самим источником. Какую бы информацию ни содержал этот источник, сыграть на неведении московской делегации для них не составляло труда: послы кн. Д. И. Мезецкого даже за месяц до подписания договора не имели ясного представления о взаимном расположении даже довольно крупных географических объектов Новгородской земли — городов и пятин.

Найденная шведами книга Д. Китаева — это, по-видимому, не подлинник, а список с него, скрепленный дьяком Дмитрием Алябьевым (новгородский дьяк с 27 марта 1594 г. по май 1602 г.). Когда в 1620 г. шла работа совместной межевой комиссии, русские комиссары сообщали в Посольский приказ: «И в той, государь, Дмитриеве книге Китаева написано в Сердобольском погосте деревня Унизьярви (у) озера, а в твоей государеве грамоте тое статью о той Дмитриеве книге и списки з Дмитриевы книги за приписью дьяка Дмитрея Олябьева в про деревню нам, холопом твоим, казали». Упомянутая царская грамота, определяющая список дьяка Алябьева как авторитетный источник для разрешения споров, — это царская грамота Густаву Адольфу, отправленная в 1617 г. Оставляя Новгород, список Д. Алябьева шведы забрали с собой — ныне он хранится в коллекции «Оккупацион-

ного архива» в Стокгольме. Но своей книги Д. Китаева у московской делегации в 1617 г., насколько можно судить по этому эпизоду, еще не было.

Другой экземпляр книги Д. Китаева был очень скоро отыскан в архиве Новгородской приказной избы уже русской администрацией. На русско-шведскую межу воевода И. А. Хованский отправляет ее в 1618/19 г. А. А. Селин определяет ее также как список, но аргументов не приводит. При этом исследователь сообщает о находке новгородскими подьячими в архиве в 1618 г. трех писцовых книг Водской пятины XVI в. — кроме книги Д. Китаева это книга Инши Булгакова (около 1568/69 г.) и Семена Клушина (около 1539 г.). Поскольку именно эти три книги представляют сейчас в РГАДА собрание описаний Водской пятины, можно заключить, что в 1618 г. была найдена подлинная книга Д. Китаева. Это дает дополнительные основания полагать, что Смуту известные ныне древнейшие писцовые книги пережили в Новгороде.

М. С. Черкасова

**О ретроспективном изучении
«офицерских описей» 1760-х годов
(на примере Троице-Алатырского монастыря)**

Комплекс так называемых «офицерских описей» 1763–1765 гг. отразил заключительный этап эволюции церковно-монастырского землевладения, хозяйства, народонаселения на фоне осуществляемой в эти годы секуляризации. На общероссийском уровне эти проблемы были изучены А. И. Комиссаренко. По некоторым поздним (середины XVIII в.) вотчинным комплексам Троице-Сергиевой лавры обзорное рассмотрение офицерских описей нами уже предпринималось.

В данном же докладе хотелось бы представить некоторые наблюдения относительно изучения их в ретроспективном плане, т. е. с учетом более ранних переписных материалов. Для такого подхода наиболее продуктивным стало обращение к архиву наиболее крупного «филиала» Троицкой духовной корпорации — Троице-Алатырского монастыря. По нему сохранились переписная (она же оброчная и верстальная) книга 1696 г., приходо-расходная книга мирского старосты, переписные книги 1701 и 1703 гг. Честь открытия такого редкого для Троицкого архива источника, как приходо-расходная книга мирского старосты 1696 г., всецело принадлежит Н. В. Соколовой. С введением в оборот офицерской описи Троице-Алатырского монастыря 1764 г. В. Д. Кочетковым становится возможным изучение ее и как таковой, и в ретроспективном плане с учетом указанных выше более ранних источников.

Находилась Алатырская обитель от «головного» монастыря на расстоянии 600 верст на восток, в Среднем Поволжье. Она была подчинена «большому» монастырю после Смуты (в 1615 г.) и в XVII — первой половине XVIII в. ее вотчина успешно развивалась.

Опись была выполнена капитаном Нотебургского пехотного полка Аф. Тихменевым в январе-феврале 1764 г. Как и в 1701 г., были зафиксированы здания монастыря, его церкви, колокольня,

имущество, утварь, жилые помещения, хозяйственные службы, села и деревни в Алатырском уезде, а еще приписная Ключевская пустынь. К составлению описи был привлечен строитель иеромонах Иларион Ильинский, а в селах — старосты и выборные. Для проезда по вотчине крестьяне с Четвертакова предоставили Аф. Тихменеву 10 подвод.

Состав вотчины Алатырского монастыря к 1764 г. существенно увеличился по сравнению с рубежом XVII–XVIII вв. Кроме известных сел Четвертаково, Тургаково, Кувакино, Ичикса, Евлея, Кладбища, дер. Подгородней (Чюварлей), она включала новые для него села Сурской Майдан, Стемас, Курчемасы, Ильинское Пермеево, деревни Чемзинку и Вечкисеvu. Они происходили из дворцовых земель и были заселены монастырскими крестьянами в предшествующее время. Ныне это Ардатовский район Республики Мордовия и Порецкий район Чувашской Республики.

Окладные единицы в описи названы «осьмаки» или «тягла», хотя в ряде селений их вовсе не было и практиковался подушевой оброк в 1 руб. Единицы были весьма разновелики — от 17 до 60 душ в осьмаке. Показательно «душевое», а не поземельное (как прежде) наполнение окладных единиц. Эволюция системы налогообложения отражала все больший акцент не на земле как таковой, а на самом земледельце. Прежде окладная система Троицы опиралась на выти, которые в разных уездах и имениях были разномасштабны по количеству тяглоу земли. Наделу алатырских крестьян чаще соответствовали 1/32 и 1/64 доли вытного тягла при довольно крупном размере самой выти — по 36–192 десятин в одном поле. В XVII в. происходил неуклонный демографический рост алатырских сел и деревень за счет миграций из Костромского, Нижегородского, Владимирского, Суздальского и других уездов. В описи часты ремарки в отношении «новоселидебных» и новопостроенных селений (Евлея, Подгородняя, Миренка, Новая Ичикса Кувакино тож). Последнее отсылает к крупному костромскому селу Кувакину, откуда переселение крестьян в XVII в. в Алатырский уезд было наиболее массовым.

По ряду селений указана «новоросчистная земля», т. е. процесс земледельческого освоения Алатырского уезда продолжался и в первой половине XVIII в. (с. Ичикса — 30 десятин, с. Ку-

вакино — 43, с. Кладбища — 169,5). Значителен разброс данных о количестве земли и числе душ: в староосвоенных селах до 500–1000 десятин в трех полях и до 400–900 душ, а в недавних дворцовых деревнях — лишь до 7–8 четвертей в одном поле пашни и по 6–10 душ. Неравномерной была обеспеченность селений и санными покосами. Всего же показатель землевладения монастыря к началу 1760-х годов достигал 9290 десятин в трех полях. По сравнению с 1696 г. общий объем учтенной земли к 1760-м годам (пашня плюс сенокосы) возрос на 54 %.

Как и в 1701 г., в 1760-е годы господская пашня была размещена в с. Четвертакове в размере 50 десятин в одном поле. В 1764 г. возделывались не все 50, а только 30 десятин — крестьянами алатырских сел. Остальные 20 десятин были отданы на оброк «охочим людям», что свидетельствует об аренде. В отличие от оброчной 1696 г. и переписной 1701 г. книг, домениальной пашни в других селах (Тургакове, Мишукове) в 1764 г. уже не было. Сокращение домена давно уже происходило: он на 47 % был уменьшен еще при переоброчке в 1696 г., тогда как население возросло в 7 раз. Таким образом, одной из причин сокращения домена стал дисбаланс между демографическим ростом и земельным пространством. Уменьшение это диктовалось потребностями землеобеспечения возрастающих численно крестьянских дворов.

**Описания приходских церквей Коломенской епархии
в материалах переписи 1701–1703 гг.**

Начало переписи архиерейских домов, монастырей и церквей в 1701–1703 гг. положил именной указ Петра I от 31 января 1701 г. Ее главной задачей являлось определение размеров богатств Церкви, которые переходили в ведение воссозданного 24 января 1701 г. Монастырского приказа. Перепись уже неоднократно привлекала внимание исследователей, однако многие вопросы, связанные с составлением переписных книг, до сих пор специально не изучались. Одним из таких вопросов является описание в рамках проводимой государственной ревизии приходских церквей. На материалах Коломенской епархии я попытаюсь обозначить эту сторону переписных мероприятий.

Описание владений Церкви в составе Коломенской епархии в течение 1701–1702 гг. осуществили два стольника — И. В. Кикин (Коломенский, Каширский, Тульский уезды) и М. Т. Толубеев (Орловский, Кромский, Крапивенский (Соловский) уезды). Переписные книги архиерейского дома, монастырей и приходских церквей Коломенской епархии сохранились в составе книги 58 фонда 237 (Монастырский приказ) РГАДА.

На настоящий момент мне удалось обнаружить описания 52 приходских храмов, составленных в 1701–1702 гг., из более чем 660 действовавших в то время на территории епархии, что составляет около 8 %. Эти описания можно разделить на две группы. Первые составлялись в ходе переписи архиерейских и монастырских вотчин, и церкви, располагавшиеся в вотчинных селах, описывались вместе с ними. Ко второй группе относятся описания церквей, располагавшихся за пределами вотчин; для них составлялись отдельные переписные книги.

Последние по своему содержанию сильно различаются. Часть из них содержит весьма подробные сведения — об убранстве храмов, ризницах, библиотеках, составе священно- и церковнослужителей, их дворах; в них есть данные о земле, находящейся в собственности храма — пашне, сенокосах и других

угодьях, в ряде случаев названы документы, подтверждающие право священников на владение этими угодьями — выписи из писцовых книг 1620-х или 1680-х годов; присутствуют данные о зависимом населении — церковных бобылях и дворовых людях, а также повинностях, которые они выполняли в пользу священнослужителей. Однако для большей части приходских храмов Коломенской епархии приводится весьма краткая информация: содержащая лишь их именование, указание волости или стана, где они находились и данные о количестве бобыльских дворов.

Исключение составляют городские соборы Орла и Тулы. Так, в описании орловского Рождественского собора приведены достаточно подробные сведения о его внутреннем убранстве — иконах, священных одеждах, церковной утвари, книгах, — в то время как информации о причте, землевладении и зависимом населении нет. В описании тульских Успенского и Воскресенского соборов, напротив, нет данных об убранстве, в то же время приводится информация о священно- и церковнослужителях, их доходах и находящихся в их владении земельных угодьях.

Таким образом, материалы переписи Коломенской епархии позволяют прийти к выводу, что в ходе этого мероприятия помимо церкви, располагавшихся в архиерейских и монастырских вотчинах, описывались и приходские храмы, находившиеся за их пределами. Однако переписчики описывали далеко не все из них. Они в первую очередь интересовались приходами, во владении которых находилось зависимое население.

Географическая информация в поуездных описных книгах лесам (на материале книг Тульского уезда 1702 г.)

С. Б. Веселовский, оценивая познавательный потенциал писцовых книг, отмечал, что, несмотря на неточность приводимых в них величин земельных участков, не следует «совсем бросить данные писцовых книг относительно меры земель, — этого нельзя сделать уже потому, что заменить этого материала ничем». Большая часть сохранившихся писцовых книг принадлежит ко второй четверти XVII в. Следующий по времени крупный массив сходных источников — материалы генерального межевания — относится к последней четверти XVIII в. Временной промежуток обеспечен источниками значительно хуже. Лишь некоторые их виды и лишь для некоторых территорий могут отчасти восполнить дефицит массовых источников, содержащих информацию о земле, вовлеченной в хозяйственный оборот. Статья посвящена одному из таких источников.

В начале XVIII в. в связи с воронежским судостроением, повлекшим быстрое уменьшение лесных ресурсов в регионе, вышел ряд указов, ограничивших использование лесов по берегам больших рек и крупных их притоков и предписавших организовать описание этих лесов. Результаты работы отразили описные книги, составлявшиеся по уездам. Они содержат информацию о состоянии лесного фонда — важного элемента характеристики места в аспектах, рассматриваемых физической и экономической географией.

В докладе на материале описных книг лесам Тульского уезда 1702 г. рассмотрена географическая информация, содержащаяся в этом источнике.

Книга, сохранившаяся в составе архивного фонда Поместного приказа (в РГАДА) под названием «Список с описных книг Тульского уезду», датируется 1702 г. Она переплетена вместе с другими книгами, образуя сборник, имеющий название «Список Тульских казенных, Крапивенских, Каширских и Веневских засек писцов Дмитрия Овцына, Дмитрея Бартенева, Федора

Хворостина, Ивана Наумова, Акинфия Данилова, Семена Офросимова и Михаила Салтыкова 148, 156, 158, 159, 190, 198 и 704 годов». Просмотренная нами часть этого сборника включает копии засечных книг, т. е. описаний лесов, входивших в состав отдельных засек Засечной черты.

В преамбуле к описной книге Тульского уезда сообщается, что 19 июня 1702 г. по царскому указу и наказу из Казенного приказа Гуру (Гурию) Осиповичу Данилову (чин не указан) было велено осмотреть и описать леса «в дворцовых, и в патриарших, и во архиерейских, и в монастырских, и всяких чинов в помещиковых и в вотчинниковых землях и в засеках». Требовалось учесть 9 пород деревьев, использовавшихся в судостроении: «дубовые, илмовые, кленовые, ясеневые, сосновые, вязовые, корагичевые, лиственницы, олху». Данилову предстояло с дворянами и старожилами те леса «измереть в версты и в десятины и чертеж учинить».

Книгу образуют пронумерованные краткие описания лесов. Записи имеют устойчивый формуляр. Он начинается словами «по осмотру и по мере». Следом в первой записи указано, в каком уезде и стане находится лесной участок (всего учтены два стана — Нюховский и Старое Городище); в последующих до перехода в другой стан этих слов нет. Дальше сообщается, в даче какого селения, принадлежащего какому владельцу располагается участок. Затем он описывается: обобщенно характеризуются возраст деревьев (лес «большой» или «меньшой»), размеры участка (в длину и поперек, в верстах), видовой состав по выделенным породам («в том лесу есть...»). В конце сообщены имена лиц, ответственных за охрану участка («и тот описной лес приказан стеречь выборному сторожу» такому-то).

Формуляр описания засечного леса отличается. Его проводили по звеньям — участкам, имевшим прикрепленных сторожей, и привязывали к местности через ближайший населенный пункт. Придерживались схемы: В звене стольников (имена) против пустоши (название) Малиновой (или другой — название) засеки (число) верст. А в той засеке есть (название пород деревьев). А та засека приказана стеречь выборному сторожу (имя) крестьянину (имя) помещика деревни (название).

Описаний леса, принадлежавшего помещикам и вотчинникам, в книге 195. Описаний лесов в засеках: в Картасеневской 13, Щегловой 7, Малиновой 34 — всего 54. Таким образом, описные книги лесам двух станов Тульского уезда содержат 249 описаний. Количество лесных участков, описанных в них, больше — некоторые записи содержат описания нескольких участков одного владельца (владельцев).

Информация, содержащаяся в описных книгах лесам, — полезный источник по географии описываемого района начала XVIII в. Смешанный лес, рассматриваемый в них в качестве ресурса (что важно с точки зрения экономической географии), охарактеризован в плане его видового состава и возраста деревьев. Присутствуют данные о величине участков. Суммированием их площадей можно получить приблизительную площадь лесов в учтенных станах уезда. Сравнение этих данных с площадями, которые дает суммирование по писцовым книгам и по материалам генерального межевания, позволяет оценить динамику обусловленного хозяйственной деятельностью сведения лесов.

Г. Р. Якушкин, М. М. Якушкина

**Карточки лишенных избирательных прав
как исторический источник
(по документам Государственного архива Ивановской области)**

В 20-е годы XX в. появляется новый вид источников — карточки лишенных избирательных прав («лишенцев»). Лишение избирательных прав фактически означало для человека изменение социального статуса, отсутствие социальных гарантий и льгот, увеличение налогового бремени и др.

В процессе изучения истории женской Святоезерской Иверской пустыни (современная Ивановская область), которая официально была ликвидирована в 1923 г., нами в Государственном архиве Ивановской области были выявлены карточки лишенцев на монахинь, послушниц, священно- и церковнослужителей, членов церковной «двадцатки» и религиозных общин, кустарей, торговцев и др., считавшихся противниками советской власти.

Формуляр карточки, напечатанный на пишущей машинке или изготовленный в типографии, включал персональные данные (фамилию, имя, отчество, место рождения, социальное происхождение и положение, место проживания, род занятий); причины лишения избирательных прав, занимался ли общественно-полезным трудом, где, когда и в каком количестве (со ссылкой на документ), семейное и имущественное положение, отметка об исключении из списка лишенцев (с указанием причин, даты, со ссылкой на документы).

Сведения, отраженные в карточках, показывают, что многие монахини и послушницы не «разбежались кто куда», а остались жить на территории монастыря. Так, в карточке племянницы последней игуменьи монастыря Платониды 2-й (Давыдовой Софьи Егоровны) указан адрес проживания: «Верхнеландеховский район, Емельяновский сельский совет, Святое озеро». Такой же адрес был указан в карточках других монахинь: Мушкетовой, Куликовой, Захаровой и других. Отметим, что они названы монашескими именами, но с фамилиями и отчествами.

Дата лишения избирательных прав — 23 января 1930 г. — встречается во многих документах.

Несмотря на прописанное в формуляре требование подробно указывать причины лишения избирательных прав, обычно используется стандартная фраза «как служитель религиозного культа». Ссылки на какие либо документы отсутствуют.

Карточки лишенцев позволяют проследить судьбы потомственных священников Доброхотовых. В карточке священника села Чихачева Князьковского сельсовета Пестяковского района Доброхотова Ивана Александровича указаны: дата рождения — 8 января 1866 г., место рождения — село Китово Шуйского района, место жительства — с. Чихачево, социальное происхождение — сын служителя культа, занятие — служитель культа; за это лишен избирательных прав. В другой карточке из этого же дела имеется указание на ст. 72 Конституции РСФСР, а на обороте перечислены члены семьи.

Показательный пример: карточка на лишенца в избирательных правах (рукописная, разлиновка карандашом) Доброхотова Михаила Ивановича. Лишен в 1927 г. как сын служителя религиозного культа, не порвавшего связь с отцом. До лишения избирательных прав учился, в 1927–1930 гг. был школьным работником. М. И. Доброхотов подал заявление о восстановлении в избирательных правах, но ему было отказано, так как от семьи и от отца-священника не отделен. Также были лишены избирательных прав жена Мария и дочь Валентина.

В другом деле отложились карточки священников и членов их семей села Якушева. Отметим, что лишены избирательных прав старший сын упоминавшегося ранее И. А. Доброхотова Александр Иванович и его жена Надежда Андреевна. Отметим, что Н.А. Доброхотова лишалась прав дважды: в 1921 г. и в 1928 г.

По каким-либо причинам лишение прав использовалось для сведения личных счетов; так, житель деревни Шлыково М. П. Шилов назван барышником, восстановлен как несправедливо оговоренный.

Лишение избирательных прав могло быть первым этапом репрессий. В деле о лишении торговца В. А. Богаткова и его семьи есть приписка, что их необходимо выселить из пределов района, имущество конфисковать и передать комхозу.

Необходимо отметить, что часто «лишенцы» не соглашались с выдвинутыми против них обвинениями и писали жалобы в вышестоящие инстанции, сообщая факты превышения полномочий органами власти или фальсифицирующими события. Рассмотрение всего комплекса документов дает возможность проследить реальные события региональной истории.

Список сокращений

ГАРФ	—	Государственный архив Российской Федерации
ЛОИИ	—	Ленинградское отделение Института истории СССР Академии наук СССР
МАМЮ	—	Московский архив Министерства юстиции
МГАМИД	—	Московский главный архив Министерства иностранных дел
ОПИ ГИМ	—	Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
ОР РНБ	—	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
РАН	—	Российская академия наук
РГАДА	—	Российский государственный архив древних актов
РГНФ	—	Российский гуманитарный научный фонд
РНФ	—	Российский научный фонд
СПБНИИ РАН	—	Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
ЦГАДА	—	Центральный государственный архив древних актов

Сведения о авторах

Абеленцева Ольга Алексеевна, старший научный сотрудник Отдела древней истории России Санкт-Петербургского института истории РАН, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).

Алексеев Денис Юрьевич, доцент кафедры истории, философии и культурологи Высшая школы технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).

Алексеев Сергей Александрович, преподаватель истории Женской гуманитарной гимназии (Череповец).

Базарова Татьяна Анатольевна, заведующая Научно-историческим архивом и группой источниковедения Санкт-Петербургского института истории РАН, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).

Башнин Никита Викторович, старший научный сотрудник Научно-исторического архива и группы источниковедения Санкт-Петербургского института истории РАН, ученый секретарь Санкт-Петербургского отделения Археографической комиссии РАН, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).

Беляева Вероника Николаевна, доцент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат исторических наук (Нижний Новгород).

Богданов Владимир Олегович, аспирант Тверского государственного университета (Тверь).

Богомазова Анастасия Александровна, заведующая архивохранилищем личных и монастырских фондов Российского государственного архива древних актов; старший преподаватель кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, кандидат исторических наук (Москва).

Борщик Наталья Дмитриевна, профессор Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, доктор исторических наук (Симферополь).

Бутрин Егор Сергеевич, главный археограф отдела публикации и использования документов, Государственного архива Ивановской области, кандидат исторических наук (Иваново).

Васкул Игорь Орестович, заместитель директора Федерального исследовательского центра «Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук» по научной работе, заведующий отделом археологии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, кандидат исторических наук (Сыктывкар).

Введенский Антон Михайлович, научный сотрудник Отдела древней истории России Санкт-Петербургского института истории РАН; старший преподаватель Департамента истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург).

Вородин Дмитрий Алексеевич, главный библиотекарь Отдела обработки и каталогов Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

Гаврилов Павел Владимирович, младший научный сотрудник Отдел специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН (Москва).

Гожалимова Оксана Сергеевна, заместитель директора по экспозиционно-выставочной работе Рыбинского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (Рыбинск).

Гончарова Екатерина Викторовна, врио ректора Псковского областного института повышения квалификации работников образования, кандидат исторических наук (Псков).

Гончарова Татьяна Евгеньевна, главный специалист по связям с общественностью Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, магистр культурологи (Сыктывкар).

Грязнов Анатолий Леонидович, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Древности» (Вологда).

Гуляева Алина Олеговна, специалист 1 категории отдела научной информации и публикации документов Российского государственного архива древних актов (Москва).

Гуменюк Алексей Геннадьевич, член Ярославского историко-родословного общества (Ярославль).

Гуслистова Анна Николаевна, научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Древности» (Вологда).

Дадыкина Маргарита Михайловна, доцент Школы гуманитарных наук и искусств Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ», кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).

Дедук Андрей Владимирович, заведующий службой «Большой Российской энциклопедии»; научный сотрудник отдела археологии Музея-заповедника «Куликово поле»; старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН, кандидат исторических наук (Москва).

Демьянов Кирилл Владимирович, аспирант Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск).

Дмитриева Зоя Васильевна, ведущий научный сотрудник Отдела древней истории России Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук (Санкт-Петербург).

Ефимов Андрей Александрович, старший научный сотрудник Научно-исторического архива и группы источниковедения Санкт-Петербургского института истории РАН, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).

Жеребцов Игорь Любомирович, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, председатель Президиума Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», доктор исторических наук (Сыктывкар).

Жиброва Татьяна Валерьевна, доцент кафедры педагогики и гуманитарных дисциплин Воронежского государственного медицинского университета им. Н. Н. Бурденко, кандидат исторических наук (Воронеж).

Иванов Леонид Михайлович, научный сотрудник Рыбинской археологической экспедиции (Рыбинск).

Исмаилова Зулейха Адил-кызы, аспирантка Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского, учитель истории и обществознания Щегловской средней общеобразовательной школы Навлинского района Брянской области.

Кабанов Андрей Юрьевич, старший научный сотрудник исторического отдела Кинешемского художественно-исторического музея, кандидат исторических наук (Кинешма).

Калита Светлана Павловна, доцент кафедры теории и истории культуры Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, кандидат культурологии (Москва).

Карпова Мария Владимировна, младший научный сотрудник, аспирантка Института всеобщей истории РАН (Москва).

Кискидосова Татьяна Александровна, заведующая сектором истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, кандидат исторических наук (Абакан).

Колегов Борис Рудольфович, научный сотрудник лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера в XVI–XXI вв. Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар).

Комлева Евгения Владиславовна, старший научный сотрудник Сектора истории второй половины XVI — начала XX в. Института истории Сибирского отделения РАН, доктор исторических наук (Новосибирск).

Космовская Анна Алексеевна, доцент кафедры междисциплинарных исторических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета; доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Пермской государственной фармацевтической академии, кандидат исторических наук (Пермь).

Куреньшев Андрей Александрович, профессор кафедры истории и права Российского государственного социального университета, доктор исторических наук (Москва).

Кутаков Сергей Сергеевич, независимый исследователь (Старица).

Мазурин Михаил Дмитриевич, генеральный директор ООО «ТРК Петербург», кандидат филологических наук (Санкт-Петербург).

Макарова Вера Николаевна, заведующая отделом истории края Национального музея Республики Башкортостан, кандидат исторических наук (Уфа).

Мальшева Ирина Алексеевна, главный научный сотрудник Отдела русской исторической лексикологии и лексикографии Института лингвистических исследований РАН, доктор филологических наук (Санкт-Петербург).

Напольникова Полина Константиновна, старший преподаватель кафедры лингвистики и гуманитарно-педагогического образования и кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, кандидат исторических наук (Тамбов).

Парфеня Мария Игоревна, аспирантка, стажер-исследователь Центра истории России Нового времени Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва).

Попова Елизавета Михайловна, старший преподаватель Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, кандидат исторических наук (Великий Новгород).

Пугач Иван Васильевич, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета, кандидат исторических наук (Вологда).

Пушков Виктор Петрович, старший научный сотрудник Исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук (Москва).

Пшеницын Дмитрий Александрович, руководитель Отдела генеалогических исследований Культурно-исторического центра «Свѣточъ» (Дубна).

Рабинович Яков Николаевич, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, кандидат исторических наук (Саратов).

Раздорский Алексей Игоревич, руководитель Федерального центра регионалистики «Вся Россия» Российской национальной библиотеки, старший научный сотрудник Научно-исторического архива и группы источниковедения Санкт-Петербургского института истории РАН, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).

Роднов Михаил Игоревич, ведущий научный сотрудник отдела истории и истории культуры Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, доктор исторических наук (Уфа).

Ропаква Елена Николаевна, главный библиотекарь Отдела обработки и каталогов Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

Савинова Анна Игоревна, аспирантка Тверского государственного университета (Тверь).

Сазонова Татьяна Викторовна, научный сотрудник отдела древней истории России Санкт-Петербургского института истории РАН, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).

Сергеев Антон Вадимович, заведующий кафедрой промышленной безопасности Института промышленной безопасности, охраны труда и социального партнерства, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).

Скобелкин Олег Владимирович, доцент кафедры истории России Воронежского государственного университета, доктор исторических наук (Воронеж).

Смирнов Алексей Ильич, заместитель генерального директора Кирилло-Белозерского музея-заповедника (Кириллов).

Соколовский Иван Ростиславович, научный сотрудник Сектора истории второй половины XVI — начала XX в. Института истории Сибирского отделения РАН, кандидат исторических наук (Новосибирск).

Старицын Александр Николаевич, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, кандидат исторических наук (Москва).

Суслина Анастасия Геннадьевна, заместитель начальника отдела научно-справочного аппарата Российского государственного архива древних актов (Москва).

Степанова Юлия Владимировна, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, кандидат исторических наук (Москва).

Теребова Людмила Владимировна, начальник научного отдела Кирилло-Белозерского музея-заповедника (Кириллов).

Тимошина Людмила Алексеевна, научный консультант Научно-исследовательского и издательского объединения «Альянс-Архео», кандидат исторических наук (Москва).

Тюменцев Игорь Олегович, главный научный сотрудник Лаборатории казачества Южного научного центра РАН, доктор исторических наук (Волгоград).

Устинова Ирина Александровна, старший научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН, кандидат исторических наук (Москва).

Фролов Алексей Анатольевич, ведущий научный сотрудник Отдела специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук (Москва).

Черкасова Марина Сергеевна, профессор кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета, доктор исторических наук (Вологда).

Шамина Ирина Николаевна, старший научный сотрудник Центра источниковедения истории России, кандидат исторических наук (Москва).

Шаромазов Михаил Николаевич, генеральный директор Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (Кириллов).

Юркин Игорь Николаевич, главный научный сотрудник Отдела историографии и источниковедения истории науки и техники Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, доктор исторических наук (Москва).

Якушкин Геннадий Радикович, независимый исследователь (Москва).

Якушкина Марина Михайловна, научный сотрудник отдела письменных источников Государственного Исторического музея (Москва).

Утверждено к публикации Ученым советом
Санкт-Петербургского института истории
Российской академии наук

Писцовые книги и другие массовые источники
по истории России XVI–XX вв.
Тезисы докладов XXIII Всероссийской научной конференции
(г. Кириллов, 20–23 июня 2023 г.)

Составитель
Алексей Игоревич Раздорский

Объем 7,7 авт. л.